

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: факты и аналитика

East Asia: Facts and Analytics

2020

№1

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)

www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
- Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционный совет: Ву Кхоан (Вьетнам); Ёкотэ Синдзи (Япония), проф.; Жебин А.З. (Россия), к.полит.н.; Кистанов В.О. (Россия), д.и.н.; Лузянин С.Г. (Россия), д.и.н.; Мазырин В.М. (Россия), д.э.н.; Мосяков Д.В. (Россия), д.и.н.; Нгуен Данг Фат (Вьетнам); Островский А.В. (Россия), д.э.н.; Соколовский А.Я. (Россия), к.филол.н.; Такэда Масанао (Япония), проф.; Уянаев С.В. (Россия), к.и.н.

Редакционная коллегия: Афонасьева А.В., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кобелев Е.В., к.и.н.; Сафронова Е.И., к.э.н.; Трощинский П.В., к.ю.н.

Редакция: Донченко А.И.; Ильинская И.Д., Кириченко М.А.; Надточенко Б.Я.; Потапова В.А.

Отрасли науки:

03.00.00 История. Исторические науки
06.00.00 Экономика. Экономические науки
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

Обложка: картина А.И. Донченко в стиле *гохуа*.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru” and Russian Science Citation Index.
- Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics)

Editorial Council: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Luzianin Sergei G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nguyen Dang Phat (Vietnam); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Takeda Masanao (Japan), professor (Pedagogy); Uyanaev Sergei V. (Russia), PhD (History); Vu Khoan (Vietnam); Yokote Shinji (Japan), professor (Political Science); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science)

Editorial Board: Afonaseva Alina V., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kobelev Evgeni V., PhD (History); Safronova Elena I., PhD (Economics); Troshchinskiy Pavel V. (Russia), PhD (Law)

Editors Office: Donchenko Anna I.; Ilinskaya Irina D.; Kirichenko Maria A.; Nadtochenko Boris Ya.; Potapova Vera A.

Branch of Science (in the Russian Federation):

03.00.00 History

06.00.00 Economics

23.00.00 Comprehensive study of individual
countries and regions

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

6.01 History and archaeology

6.05 Other Humanities

The cover: the painting of Donchenko Anna I. in *guohua* style.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors

© IFES RAS

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА 2020, № 1**СОДЕРЖАНИЕ**

Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества».....	6
Завьялова О.И. Языковая политика и языковые ресурсы в китайском интернете.....	19
Ноздрев С.В. Азия: процессы региональной экономической интеграции	34
Балакин В.И. Геостратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне	47
Александрова А.Д. Влияние раннесоветской символики России на формирование знаков государственной власти КНР в 1949 году.....	59
Донченко А.И. Актуальность развития образования для пожилых людей в стареющем обществе современного Китая	71
Казаков О.И. Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года.....	81
<i>Новые книги</i>	97

EAST ASIA: FACTS AND ANALYTICS 2020, NO. 1

CONTENTS

Verchenko A.L. China's promotion of the idea of “Community of common destiny for mankind”	6
Zavyalova O.I. Language policy and language resources on the Chinese Internet	19
Nozdrev S.V. Economic and regional integration in Asia	34
Balakin V.I. China’s Geostrategy in the Indo-Pacific zone.....	47
Alexandrova A.D. Influence of early Soviet symbols of Russia on the formation of the State power signs of the PRC in 1949	59
Donchenko A.I. Relevance of education development for the elderly in the aging society of China.....	71
Kazakov O.I. Japan’s inbound tourism on the eve of the 2020 Olympic Games.....	81
<i>New books</i>	97

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001

Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества»

А.Л. Верченко

Аннотация. Автор на примерах проведённых Китаем международных, региональных и двусторонних мероприятий рассматривает пути реализации китайской идеи «сообщества единой судьбы человечества», которой придаёт формат национальной концепции генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) Си Цзиньпин с опорой на идею своего предшественника Ху Цзиньтао. С тех пор она активно распространяется китайским руководством на мировой арене, что постепенно ведёт к принятию этой идеи многими странами. Концепция вписывается во внешнеполитическую программу Китая, помогает поддерживать образ страны как ответственной миролюбивой державы, стремящейся к построению нового справедливого мира.

Ключевые слова: история, КНР, сообщество единой судьбы, диалог КПК с миром, Диалог азиатских цивилизаций, Си Цзиньпин, Цзинькэ Сюаньлэй.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338; E-mail: veailan@yahoo.com

China's promotion of the idea of “Community of common destiny for mankind”

A.L. Verchenko

Abstract. The author analyzes the Chinese idea of “Community of common destiny for mankind” using examples of international, regional and bilateral meetings. The idea was proposed as the national concept by the CCP General Secretary Xi Jinping and since then has been spreading worldwide and used by the Chinese government on different international occasions, which gradually leads to the adoption of this idea by many countries of the world. The idea corresponds with the foreign policy doctrine of China and helps to maintain the image of the country as a responsible peace-loving power, striving to build a new fair world system.

Keywords: History, China, Community of Common Destiny, CCP Dialogue with the World, Dialogue of Asian Civilizations, Xi Jinping, Jinke Xuanlei.

Author: Verchenko Alla L., Senior Researcher, Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338; E-mail: veailan@yahoo.com

Концепция «сообщества единой судьбы», вошедшая в политический лексикон КНР после XIX съезда КПК, приобретает в своей реализации поистине планетарный масштаб, является одним из ресурсов «мягкой силы» Китая, способствующим улучшению имиджа страны и распространению её влияния в мире.

Происхождение, содержание этой идеи, её связь с традиционной культурой и философией Китая, роль во внешнеполитической стратегии КНР освещены ранее в работах российских учёных (А.В. Семёнов, А.В. Цвык, Ю.М. Галенович, С.А. Мефодьева, Н.С. Калинина). В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые недавние действия КНР по продвижению указанной концепции на мировой арене.

Формулировка «сообщество единой судьбы» впервые прозвучала из уст Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК в рамках обращения к соотечественникам «по обе стороны Тайваньского пролива». В том же докладе в разделе «Продолжать содействовать благородному делу мира и развития человечества», касаясь международных проблем, покидающий свой пост лидер КПК отметил важность для всего мира идеи «сообщества единой судьбы человечества».

Сменивший его на должности генерального секретаря Си Цзиньпин расширил и конкретизировал её содержание. Она была включена во внешнеполитическую стратегию Китая. Представляется, что в исторической перспективе эта концепция будет позиционирована как важная инициатива Си Цзиньпина подобно тому, как имена двух предыдущих китайских руководителей Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао ассоциируются с идеями «тройного представительства» и «научного развития». В докладе на XVIII съезде Ху Цзиньтао отметил, что эти две концепции, наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина, «относятся к сфере направляющих идей, которыми должна постоянно руководствоваться партия» [Ху Цзиньтао...]. Будет ли эта концепция сообщества как «идея Си Цзиньпина» в будущем внесена в Устав КПК, как «тройное представительство» и «научное развитие» [Чжунго гунчаньдан чжанчэн], покажет время. Тем не менее она уже стала директивой для КПК и частью активной внешнеполитической деятельности КНР на современном этапе.

Если две предыдущие концепции были направлены в основном на совершенствование партийной и государственной работы по строительству социализма с китайской спецификой, то идея «сообщества единой судьбы» – это крупный внешнеполитический проект КПК. Он призван обеспечить Китаю внешние условия для осуществления «китайской мечты» и «возрождения китайской нации». Китайское руководство в ситуации глобальных политических и экономических перемен, усиливающейся глобализации, изменяющейся системы управления, многополярности, культурного разнообразия предлагает свой план нового миропостроения. По словам министра иностранных дел КНР Ван И, он решает, «как поддерживать послевоенный мировой порядок, в основе которого лежат цели и принципы ООН, как содействовать демократии и верховенству права, поддержанию баланса в международных отношениях» [Ван И].

Выступая на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 г., Си Цзиньпин чётко сформулировал пять направлений работы по построению «сообщества единой судьбы». 1. Установление партнёрских отношений равенства, взаимопонимания, (вступления на путь диалога, но не конфронтации, партнёрских отношений, но не союза), проведение совместных консультаций. 2. Создание модели безопасности, основанной

на принципах справедливости, совместного строительства и совместного использования, взаимодоверия, сотрудничества, защиты мира во всём мире и в регионе. 3. В перспективе – стремление к развитию, обеспечивающему открытость и инновационность, инклюзивность и взаимное предоставление льгот. 4. Содействие межцивилизационным обменам, исходящим из поиска общего при сохранении различий, уважения специфики партнёров. 5. Создание экосистемы на принципах уважения природы и зелёного развития, гармоничного сосуществования человека и природы [Си Цзиньпин цзай...].

Китайская сторона неоднократно подчёркивала особенности новой концепции, которые состоят в её справедливом, миролюбивом, инклюзивном, комплексном, научном характере, её направленность на поддержание интересов всего мирового сообщества, а также тот факт, что она возникла из практики международных отношений и продолжает обогащаться ею, развивает идеи исторического и диалектического материализма.

Китай не только выступил инициатором строительства мирового гармоничного сообщества нового типа, но и активно претворяет концепцию Си Цзиньпина в жизнь, берёт на себя ответственность за судьбу мира. Китайская дипломатия активно пропагандирует на международной арене новую концепцию, реализует её в рамках партийной, периферийной, общественной, культурной и форумной дипломатии. Следует заметить, что иногда трудно определить, по какой линии проводилось то или иное мероприятие – одновременно могут обсуждаться вопросы культуры, бизнеса и общественной деятельности. В связи с этим китайское деление на виды внешней политики очень условно и, возможно, разработано для придания ей большей значимости и объёма, чему также способствуют названия мероприятий: форум, саммит, высокоуровневый диалог. Практическим продвижением идеи «сообщества единой судьбы» занимаются как партийные и государственные органы (отделы ЦК КПК и Госсовет), так и общественные организации и отдельные лица, спонсируемые бизнесом. Главное, что работа по внедрению в сознание мировой общественности важности и глобальности предложенной инициативы проводится активно и с большим размахом.

В *новую эпоху* (термин, который прочно вошёл во все выступления Си Цзиньпина) китайский лидер ставит перед партией новые задачи: обрести новый облик, добиться новых успехов, быть «авангардом эпохи и становым хребтом нации, принимать меры по усилению роли партийной дипломатии как части дипломатии в целом» [Обзор...].

Самым масштабным мероприятием по линии партийной дипломатии можно считать проект «Диалог КПК с миром», в ходе которого руководство КПК организовало встречи с представителями политических партий и организаций разных стран. В этом видится параллель с проводимыми КПСС совещаниями коммунистических и рабочих партий. Но тогда круг участников встреч ограничивался идеологической направленностью и был призван доказать преимущество социалистических идей. В силу острой конкурентной борьбы между двумя противоборствующими общественными системами в период «холодной войны» не могло быть и речи о приглашении на совещания представителей других партий, кроме рабочих и коммунистических. В новую эпоху КПК, отказавшись от идеологических пристрастий, попыталась выстроить диалог с максимальным числом партий, стоящих на разных политических и идеологических позициях. Новый подход Китая к международным отношениям декларирован как установление мирного и справедливого сотрудничества, поддержание открытости и толерантности, взаимного обмена опытом и знаниями, достижение взаимной выгоды и общего выигрыша.

После 2014 г., когда началось осуществление проекта «Диалог КПК с миром», состоялись четыре встречи. Тематически первые две были посвящены ознакомлению иностранных гостей с опытом КПК по руководству государственным строительством («Реформы в Китае: роль правящей партии» 2014 г. и «Строго руководить партией: миссия правящей партии» 2015 г.).

Следующие два Диалога имеют отношение к концепции управления в современном мире, содержанием которой является взаимодействие разных стран, народов, цивилизаций, культур и людей, а конечная цель состоит в создании мирной и стабильной международной среды для претворения в жизнь «китайской мечты». В 2016 г. центральная повестка «Диалога КПК с миром» сконцентрировалась на роли правящих партий в управлении глобальной экономикой: «Поставить мудрость и силу правящих партий на службу совершенствованию управления мировой экономикой». Тема «Диалога – 2017» была сформулирована как «Построение сообщества единой судьбы и лучшего мира: ответственность политических партий» [Чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэндан гаоцэн дуйхуа хуэй биму]. Это первое международное мероприятие после XIX съезда КПК, на котором китайские коммунисты разъяснили содержание документов и идей съезда о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, о новом развитии, новых идеях для новой эпохи, о вкладе Китая в обновление мира, об укреплении партии в свете новых вызовов, о концепции «сообщества единой судьбы человечества» [Чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэндан гаоцэн дуйхуа хуэй чжуаньти].

Если на первый Диалог в 2014 г. приехали 60 государственных деятелей и представителей политических партий (многие – отставные), экспертов и учёных из 30 стран, то в 2017 г. в Пекине собрались 600 представителей 300 политических партий и организаций из 120 с лишним стран, что стало возможным благодаря грандиозной организационной работе Отдела международных связей ЦК КПК и государственному финансовому обеспечению.

На церемонии открытия в 2017 г. выступил Си Цзиньпин. Мероприятие было представлено как «Диалог на высоком уровне». Его участниками стали премьер-министр Камбоджи Хун Сен, председатель Либерально-демократической партии РК Чху Ми Э, лидер оппозиционной Национальной лиги за демократию, министр иностранных дел, государственный советник Мьянмы, лауреат международной Нобелевской премии Аун Сан Су Чжи, представители партий всех стран «семёрки», а также Кубы, Эфиопии, Белоруссии, государств Африки, Азии, в том числе Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии [Хи...]. Гостей знакомили с опытом партийного строительства, экономическими достижениями Китая. Руководство КНР подчёркивало, что делится своим опытом, но не навязывает его другим партиям, не собирается экспортировать свою модель и не будет требовать от других стран копировать китайскую практику.

Значение Диалога состоит в том, что КПК пригласила представителей разных идейно-политических течений, в том числе действующих политиков, чтобы высветить свою роль как миролюбивой крупной державы, проявляющей заботу о судьбе человечества и предлагающей план справедливого устройства мира в противовес западной идее глобализации. Си Цзиньпин подчеркнул, что концепция «сообщества единой судьбы» постепенно претворяется в реальность. Китайский лидер отметил важность сотрудничества с политическими партиями как для государственных, так и для экономических отношений.

Подчеркнув, что разница в идеологиях не означает противостояние, китайский руководитель подтвердил известную китайскую формулу о поисках общего при сохранении различий.

Встречи проходили в формате пленарных и секционных заседаний. Регулярными стали семинары-встречи представителей КПК с делегациями политических партий Африки, Центральной Азии, США, Латинской Америки. Проводимые как в Китае, так и за рубежом, они дают хорошие результаты, так как на них можно поднимать, более продуктивно обсуждать и решать конкретные вопросы, связанные со спецификой двусторонних отношений. В принятых итоговых документах (Чунцинская инициатива 2016 г. и Пекинская декларация 2017 г.) подчёркивается важная роль и огромная ответственность политических партий за развитие своих стран и ситуацию в мире, необходимость налаживать сотрудничество в политике, торгово-экономической сфере, гуманитарной области, межнациональных отношениях, в области религии, идеологии [Верченко, с. 556–565]. По словам заведующего Отделом международных связей ЦК КПК Сун Тао, «Диалог КПК с миром» продемонстрировал политические преимущества КПК и силу её влияния в мире [Чжунлян...].

Не остались в стороне от Диалогов и российские политические партии. Представители Единой России и КПРФ были их участниками, имели возможность услышать о новых предложениях непосредственно от высших партийных деятелей КНР. Хотя из комментариев российских политиков следует, что Россия также выступает за справедливое устройство мира и многополярность, против диктата отдельных стран, что неоднократно звучит в выступлениях наших руководителей, но именно Китай предложил чёткую формулировку вмещающей в себя все эти заявления концепции.

В работе «Диалога – 2017» приняли участие и выступили заместитель секретаря генсовета Единой России, член комитета Госдумы по международным делам С.В. Железняк и заместитель председателя ЦК КПРФ Д.Г. Новиков. Представитель Единой России подтвердил «растущий интерес и уважение к политике КПК», напомнил, что Россия также показывает «пример новой философии международных отношений, строящихся на кооперации, открытом и равноправном сотрудничестве в двустороннем и многостороннем форматах» [Форум...]. Д.Г. Новиков отметил, что предлагаемый Китаем сценарий глобальной интеграции – равноправной и взаимовыгодной – служит интересам народов всего мира [Дмитрий Новиков...]. Об усилении информационной работы на российском направлении свидетельствует то, что на сайте китайской телекомпании CCTV были опубликованы комментарии других представителей российских политических партий, не участвовавших в работе «Диалога – 2017». Так, председатель ЛДПР В.В. Жириновский отметил, что Диалог продемонстрировал миру открытость китайского руководства, его умение вести дискуссию, дал миру возможность ознакомиться с опытом компартии в области управления страной. Депутат Госдумы С.А. Гаврилов (КПРФ) назвал своевременной и важной инициативу создания «сообщества единой судьбы», которая предлагает отличную от американской модель глобализации, в которой все будут равны.

Примером культурной дипломатии может служить международная конференция «Диалог азиатских цивилизаций», претендующая вместе с Диалогами и форумом на высшем уровне «Один пояс, один путь» на то, чтобы стать «широкой платформой» для культурных обменов в Азии, создания «сообщества единой судьбы» для отдельно взятого Азиатского континента и продвижения достижений азиатских цивилизаций в мире.

«Диалог азиатских цивилизаций» тщательно планировался и готовился Отделом пропаганды ЦК КПК и Информационным бюро Госсовета. Идею проведения конференции Си Цзиньпин впервые высказал на совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии «Укрепление диалога, доверия и координации во имя новой Азии, мира, стабильности и сотрудничества» в 2014 г. Положения о важности диалога культур, цивилизаций и вероисповеданий, взаимного изучения и понимания, оказания помощи друг другу, укрепления контактов между народами в Азии были внесены в Декларацию совещания. 28 марта 2015 г. на ежегодной конференции Боаоского Азиатского форума (пров. Хайнань) Си Цзиньпин вновь упомянул о своём предложении провести конференцию «Диалог азиатских цивилизаций». Позже он неоднократно подчёркивал, что движущей силой развития человечества являются обмены и диалоги между разными цивилизациями, которые призваны стать мостами для укрепления дружбы между народами в Азии и создания благоприятной среды для развития государств и процветания наций.

Целями конференции, которая открылась 15 мая 2019 г. в Пекине, стали повышение доверия и взаимопонимания, упрочение сотрудничества в регионе, объединение азиатских цивилизаций и достижение общего понимания в Азии, поддержание культурного разнообразия, укрепление и расширение культурных связей между народами азиатских стран и их руководством, между молодёжью, общественными организациями, СМИ, «мозговыми центрами», а также создание более богатой и насыщенной духовной жизни для азиатских народов, активизация регионального сотрудничества. На открытии конференции с программной речью выступил Си Цзиньпин. Председатель КНР отметил важную роль Азии как древнейшей колыбели человеческой цивилизации, континента, занимающего 1/3 территории планеты, где в 47 странах проживает более 2/3 мирового населения. Говоря о вкладе Азии в мировую культуру, Си Цзиньпин подчеркнул, что именно на азиатском континенте появились такие бесценные памятники духовной культуры, как «Ши цзин», «Лунь юй», «Талмуд», «Тысяча и одна ночь», «Повесть о Гэндзи», «Ригведа», были сделаны величайшие открытия, построены уникальные сооружения, проложены три важных пути торговли: шёлком, чаем и пряностями. Между странами Азии и сегодня осуществляется взаимодействие в рамках проектов «Один пояс, один путь», «Два коридора, одно кольцо», в контексте Евразийского экономического союза. Все это расширило каналы цивилизационных обменов. Си Цзиньпин, повторяя общие установки китайской внешней политики, уделил особое внимание специфическим азиатским проблемам: колониальному прошлому отдельных государств, «нищете, голоду, болезням, от которых страдают в Азии, особенно женщины и дети», необходимости установления мира в регионе, скорейшей интеграции азиатских стран в мировые экономические процессы. Он также отметил необходимость совместных усилий для построения лучшего будущего для всех представителей азиатских национальностей. Си Цзиньпин специально остановился на китайской цивилизации, отметил её открытый характер, сформировавшийся в процессе взаимодействия с другими культурами. Её отличительной чертой он назвал стремление к созданию блага для людей. По его словам, сегодняшний Китай – это не только государство как таковое, это Китай для Азии и всего человечества, в будущем – с ещё большей открытостью обращённый к миру, более динамично несущий в него достижения своей цивилизации в интересах общего благополучия и процветания [Шэньхуа...].

Конференция собрала 2000 делегатов из 47 государств Азии и других стран за пределами региона. Таким образом, не все азиатские государства приняли участие в её работе. Кроме того, конференция не смогла повторить успех «Диалога КПК с миром – 2017» по уровню представительства, хотя превзошла его по общему числу участников. В социальной сети Twitter даже появились критические комментарии по поводу того, что на фотографиях форума – в основном китайские официальные лица. В работе конференции приняли участие главы всего трёх азиатских государств: король Камбоджи Нородом Сиамони, президент Сингапура Халима Якоб, президент Шри-Ланки Майтрипала Сирисена; два европейских лидера – президент Греции Прокопис Павлопулос и премьер-министр Армении Никол Пашинян, а также Генеральный директор ЮНЕСКО Одри Азулай [Communist Party...]. Отмечалось, что Греция и Китай представляют две древнейшие цивилизации Европы и Азии.

В официальной китайской прессе (Синьхуа, Жэньминь жибао-онлайн) содержались только положительные отзывы: конференция показала, что Китай является самой мощной силой в борьбе против гегемонии и цивилизационного противостояния за равноправие цивилизаций Азии, у которых разное историческое прошлое, но общая судьба и общее будущее. Кроме того, впервые её участники обсуждали проблемы культурного сотрудничества. Конференция проходила в разгар китайско-американской торговой войны, и в комментариях были допущены многочисленные выпады в адрес США в связи с «их традиционным ощущением превосходства над другими членами мирового сообщества», попытками диктовать свою волю другим странам, возведением «стен и укреплений на границе», установлением ограничений на контакты не только в науке, технике и образовании, но и в общественных обменах.

С большим вниманием Китай относится к контактам с Африканским континентом. Это не в последнюю очередь объясняется его экономическими интересами. КНР уже давно прочно присутствует в Африке, а последние 9 лет сохраняет статус самого крупного торгового партнёра. В условиях ухудшения китайско-американских торговых отношений он заинтересован в максимальном расширении контактов с чёрным континентом.

Взаимодействие оформлено в виде регулярных встреч с представителями политических партий и правительств, как отдельных стран, так и региона в целом. Во время первой после вступления в должность председателя КНР поездки в Танзанию в 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что хотя Китай и Африку разделяют «тысячи гор и рек», их народы, благодаря усилиям китайских руководителей первого поколения, десятилетия поддерживают дружеские отношения, стабильно и динамично развивают сотрудничество [Си Цзиньпин, 2013]. Выступая в Дар-эс-Саламе в Международном конгресс-центре имени Д. Ньерере, кстати, построенном китайской компанией, Си Цзиньпин сформулировал принципы отношений со странами Африки: искренность, практичность, дружба, честность, – которые, как неоднократно отмечал китайский руководитель, нацелены на формирование китайско-африканского «сообщества единой судьбы» [Сешоу...]. Лидер КНР указал на два момента, которые сближают Китай и Африку, делают ещё более связанными их судьбы: и Китай, и страны Африки относятся к развивающимся государствам и представляют самые древние цивилизации в мире.

Сотрудничество, общий выигрыш и создание китайско-африканского «сообщества единой судьбы» стали главными темами состоявшегося в Пекине в сентябре 2018 г. Форума китайско-африканского сотрудничества (Forum on China-Africa Cooperation, FOCAC).

Встречи формата «Китай – Африка» проходят раз в три года с 2000 г. и в зависимости от развития ситуации ставят и решают возникающие новые вопросы, как в сфере экономики, так и в гуманитарной области.

VIII саммит стал значительным международным мероприятием 2018 г., самым представительным за всю историю своего существования по уровню и числу участников: он собрал представителей всех 54 независимых африканских стран¹, которые входят в ФОСАС. На саммит прибыли 40 президентов, 10 премьер-министров, один вице-президент, председатель Комиссии Африканского союза, а также 249 африканских чиновников в ранге министров. В работе саммита приняли участие Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, представители 26 международных и африканских региональных организаций.

На открытии саммита Си Цзиньпин говорил об общем будущем с Африкой, повторил формулировку о стремлении Китая к построению «сообщества единой судьбы человечества», в котором государства пойдут по новому пути развития дружбы, взаимовыгодного сотрудничества и партнёрства, взаимного уважения, равенства, справедливости. Китайский лидер утверждал ранее, что после выдвижения идеи о сообществе дружественные чувства народов Китая и Африки усилились, что служит прочной основой китайско-африканской дружбы, источником жизнеспособности китайско-африканского содружества. Си Цзиньпин отметил, что Форум 2018 г. был призван укрепить это содружество, и выразил надежду, что китайско-африканское «сообщество единой судьбы» может стать образцовой моделью для всего мира, демонстрирующей принципы китайской внешней политики в африканском направлении: доброжелательность, объективность и справедливость [Сешоу...]. В совместной декларации (Пекинской декларации), принятой по итогам саммита, построение китайско-африканского «сообщества единой судьбы» названо определяющей стратегией для развития отношений Китая с чёрным континентом. Стороны договорились повышать уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства, обмениваться опытом управления, противодействовать протекционизму, поддерживать открытую мировую экономику, осуществлять взаимовыгодное сотрудничество в разных областях. Построение гармоничных отношений связывается также с реализацией проекта «Один пояс, один путь» в Африке. В принятом «Пекинском плане действий» на 2019–2021 гг., ставшем «дорожной картой» китайско-африканского сотрудничества на предстоящие три года, отмечалось, что стремление построить «сообщество единой судьбы» отвечает общим интересам китайского и африканских народов. Менее чем через год, в июне 2019 г., в Пекине состоялась встреча координаторов от 53 стран-участниц ФОСАС, на которой обсуждались конкретные шаги по реализации «Пекинского плана действий». Несомненно, экономическое «прагматичное и эффективное сотрудничество» с Африкой, в котором сейчас Китай проявляет повышенную заинтересованность, было главной темой обсуждения. Тем не менее не обошлось без упоминания о «сообществе единой судьбы», в котором общими для Китая и Африки провозглашены «ответственность, выигрыш, счастье, культура, безопасность, гармония» [Чжун фэй...].

С момента выдвижения идеи о строительстве «сообщества единой судьбы человечества» Китай последовательно и настойчиво проводит мероприятия, направленные

¹ На саммит «Россия – Африка» в 2019 г. в Сочи приехали 43 лидера африканских государств.

на установление взаимопонимания между цивилизациями и народами. В этом ряду заслуживает внимания духовная миссия Мастера китайского эзотерического буддизма Цзинькэ Сюаньлэй. Она состоит в том, чтобы распространять идеи мира и дружбы, всеобщего примирения через разные виды искусства: скульптуру, танец, музыку, каллиграфию, живопись, – в которых содержится квинтэссенция учений конфуцианства, буддизма и даосизма. Его деятельность можно назвать «Дипломатией портрета», т. к. он создаёт свитки с изображениями глав разных государств с Си Цзиньпином, а также религиозных деятелей разных конфессий, дополняя их восточной и западной духовной символикой. На одном из свитков, привезённых в Москву, В.В. Путин изображён с Си Цзиньпином.

Мастер Цзинькэ Сюаньлэй посетил десятки стран, встречался с официальными лицами, включая руководителей государств, выступал перед общественностью. Он приезжал в Москву в декабре 2019 г. и стал ключевой фигурой Российско-китайского форума культурного и торгово-экономического сотрудничества, посвящённого 70-летию установления дипломатических отношений между нашими странами. С российской стороны форум был организован Обществом российско-китайской дружбы (ОРКД), Союзом художников России, Русско-китайским центром сотрудничества по культуре и искусству при поддержке Госдумы РФ, а также министерств иностранных дел, информации и культуры РФ. С китайской стороны событие спонсировалось более чем 20 коммерческими и общественными организациями. По составу участников его можно отнести к мероприятию как по линии культурной, так и общественной дипломатии. Выступавшие на форуме сподвижники Мастера, официальные лица (включая посла КНР), общественные деятели (в том числе внучка Мао Цзэдуна) и другие китайские гости выражали стремление к светлому будущему, равенству культур и взаимодействию религий, отмечали, что приехали в Москву, чтобы учиться у русских и обмениваться опытом, прилагать совместные усилия для взаимного развития, расширения цивилизационных обменов в интересах всеобщего мира. Это как раз те мысли, которые высказывал Си Цзиньпин, – ещё одно напоминание о важности претворения в жизнь идеи «сообщества единой судьбы человечества». Отношения российского и китайского народов Мастер назвал дружбой между двумя благородными людьми, испытывающими искренние чувства друг к другу. С его точки зрения, общность судьбы, которую он видит у Китая и России, диктует необходимость совместных действий. Идею Си Цзиньпина о создании «сообщества единой судьбы» Цзинькэ Сюаньлэй назвал великолепной перспективой для всего человечества и выразил уверенность в том, что в ближайшем будущем «верующие и атеисты, материализм и идеализм будут жить в гармонии в Китае и в мире, а духовная интеграция станет ключом к созданию “сообщества единой судьбы”». Отдельные высказывания Мастера спорны и эфемерны, их можно принимать или отрицать, однако все они направлены на утверждение правильности выдвинутых Китаем инициатив по созданию гармоничного мира, в котором человечество связано единой судьбой, а Китаю как крупной и ответственной мировой державе отводится важная, если не главная роль. Участники рассматривали проблему будущего устройства мира через призму религии, культуры, образования, политики, бизнеса, общественной дипломатии. Чрезвычайно неординарным форум был по многообразию поднятых на нем тем. Китайские спикеры подчёркивали актуальность дальнейшего углубления дружественных отношений между Россией и Китаем по широкому спектру сотрудничества.

Форум пополнил число инициированных Китаем встреч по ознакомлению с внешней политикой КНР и его деятельностью на международной арене. Расширению аудитории, знакомящейся в России с китайской инициативой и заботой Китая о судьбах мира, служит публикация 15 ноября 2019 г. в «Российской газете» материалов о визите Мастера Цзинькэ Сюаньлэя. Это же издание в рамках сотрудничества российских и китайских СМИ в спецвыпуске от 23 апреля 2019 г. поместило статью Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в России Ли Хуэя, в которой подробно излагается суть концепции Си Цзиньпина и утверждается, что она находит всё более широкую поддержку в мире [Ли Хуэй].

Трудно проанализировать или хотя бы упомянуть все каналы, по которым Китай разъясняет концепцию «единой судьбы». В данной статье в качестве примеров приведены значимые, с точки зрения автора, форумы последнего времени, которые дают определённое представление о многообразных формах, методах и инновационных приёмах, направленных на распространение идей Си Цзиньпина. Пока, как отметил недавно бывший глава Французской республики Н. Саркози, европейцы думают о необходимости поиска новой мечты вместо устаревшей идеи «Единой Европы», а «из-за бездействия Европы обладателями мечты становятся другие» [Саркози...], Китай сформулировал долгосрочный план своего развития и системно претворяет его в жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван И. Сешоу дацзао жэньлэй минъюнь гунтунти : [Вместе создавать «сообщество единой судьбы»]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-05/31/c_129029254.htm (дата обращения: 17.10.2019).

Верченко А.Л. «Диалог КПК с миром» как платформа для продвижения идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Общество и государство в Китае. Т. XLIX, ч. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2019.

Дмитрий Новиков: КПК предложила важную форму политического диалога. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/171070.html> (дата обращения: 20.10.2019).

Ли Хуэй. Китай предложил миру новый путь // Российская газета. 2019. 23 апреля.

Обзор: Инициатива «сообщества единой судьбы человечества» получила позитивный отклик политических партий мира. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1204/c31521-9299960.html> (дата обращения: 11.12.2018).

Саркози заявил об упадке Запада. URL: <https://ria.ru/20191128/1561690992.html> (дата обращения: 20.12.2019).

Сешоу гун минъюнь тунсинь цу фачжань. Си Цзиньпин цзай 2018 нянь чжун фэй хэцзо луньтань бэйцзин фэнхуэй кайму ши шан дэ чжучжи цзянхуа : [Общими усилиями создавать «сообщество единой судьбы», вместе содействовать развитию. Выступление Си Цзиньпина на открытии Пекинского саммита Форума сотрудничества Китая и Африки 2018 г.]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-09/03/c_1123373881.htm (дата обращения: 05.12.2019).

Си Цзиньпин цзай ди циши цзе лянхэго дахуэй ибань син бяньлунь ши дэ цзянхуа : [Выступление Си Цзиньпина в общей дискуссии на 70-й сессии ГА ООН]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (дата обращения: 14.10.2019).

Си Цзиньпин. Юньюань цзо кэкао пэнью хэ чжэньчэн хобань. Цзай таньсанния нилэйэр гоцзи хуэйи чжунсинь яньцзян : [Всегда оставаться надежными друзьями и верными партнерами. Выступление Си Цзиньпина в международном конгресс-центре имени Ньерере в Танзании]. 25.03.2013. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-03/25/content_2362201.htm (дата обращения: 06.12.2019).

Форум «Диалог КПК с миром». URL: <https://inform-24.com/14375-forum-dialog-kpk-s-mirom.html> (дата обращения: 20.10.2019).

Ху цзиньтао цзай чжунго гунчаньдан ди шиба цы дайбяо дахуэй шан дэ баогао : [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm (дата обращения: 17.10.2019).

Чжун фэй хэцзо луньтань бэйцзин фэнхуэй чэнго лоши сетяо жэнь хуэйи тунго лянхэ шэнмин : [Совместное заявление, принятое конференцией координаторов, занимающихся реализацией итогов Пекинского саммита Китайско-африканского форума сотрудничества]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/t1675970.shtml (дата обращения: 01.12.2019).

Чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэндан гаоцэн дуйхуа хуэй биму : [Завершение работы «Диалога КПК с миром на высоком уровне»]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2017-12/03/content_5244257.htm (дата обращения: 11.11.2018).

Чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэндан гаоцэн дуйхуа хуэй чжуаньти хуэйи цзян цзай шэньчжэнь цзюйсин : [Тематическое заседание «Диалога КПК с политическими партиями мира на высоком уровне» пройдёт в Шэньчжэне]. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-05/21/c_1122862603.htm (дата обращения: 30.10.2019).

Чжунго гунчаньдан чжанчэн : [Устав КПК]. URL: <http://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/> (дата обращения: 17.11.2019).

Чжунлянь бучжан сун тао цзешао чжунго гунчаньдан юй шицзе чжэндан гаоцэн дуйхуа хуэй югуань цинкуан : [Заведующий Отделом международных связей ЦК КПК Сун Тао о «Диалоге КПК с политическими партиями мира на высоком уровне»]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1204/c117005-29683113.html> (дата обращения: 28.10.2018).

Шэньхуа вэньмин цзяолю хуцзянь, гунцзянь ячжоу миньюнь гунтунти : [Углублять обмена и учёбу между цивилизациями, вместе создавать азиатское «сообщество единой судьбы»] // Жэньминь жибао. 2019. 16 мая.

Communist Party of China holds World Political Parties Dialogue in Beijing, Xi Jinping meets world leaders. URL: <http://www.firstpost.com/world/communist-party-of-china-holds-world-political-parties-dialogue-in-beijing-xi-jinping-meets-world-leaders-4238657.html> (дата обращения: 30.09.2018).

Xi attends opening of Conference on Dialogue of Asian Civilizations. URL: <http://en.people.cn/n3/2019/0515/c90000-9578574.html> (дата обращения: 21.10.2019).

REFERENCES

Communist Party of China holds World Political Parties Dialogue in Beijing, Xi Jinping meets world leaders. URL: <http://www.firstpost.com/world/communist-party-of-china-holds-world-political-parties-dialogue-in-beijing-xi-jinping-meets-world-leaders-4238657.html> (accessed: 30 September 2018). (In English).

Dmitriy Novikov: KPK predlozhila vazhnyuyu formu politicheskogo dialoga [Dmitriy Novikov: CPC proposed an important form of political dialogue]. URL: <http://kprf.ru/party-live/cknews/171070.html> (accessed: 20 October 2019). (In Russian).

Forum «Dialog KPK s mirom» [“CPC and the World Dialogue” Forum]. URL: <https://inform-24.com/14375-forum-dialog-kpk-s-mirom.html> (accessed: 20 October 2019). (In Russian).

Hu jintao zai zhongguo gongchandang dishibaci daibiaodahui shangde baogao [Report of Hu Jintao at the 18th National Congress of the Communist Party of China]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm (accessed: 17 October 2019). (In Chinese).

Li Hui. (2019). Kitay predlozhil miru novyy put' 1 [Li Hui. China has offered a new path to the world]. *Rossiyskaya gazeta* [Newspaper of RF], 2019, 23 April. (In Russian).

Obzor: Initsiativa «soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva» poluchila pozitivnyy otklik politicheskikh partiy mira [Overview: The Initiative of Community of Common Destiny received a positive response from the world's political parties], *Xinhua*, 2017, 4 December. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1204/c31521-9299960.html> (accessed: 11 December 2018). (In Russian).

Sarkozi zayavil ob upadke Zapada [Sarkozy stated about the decline of the West]. URL: <https://ria.ru/20191128/1561690992.html> (accessed: 20 December 2019). (In Russian).

Shenhua wenming jiaoliu hujian gongjian yazhou mingyun gongtongti [To deepen civilization exchanges and mutual learning to build a community of common destiny for Asia], *Renmin ribao*, 2019, 16 May. (In Chinese).

Verchenko A.L. (2019). «Dialog KPK s mirom» kak platforma dlya prodvizheniya idei «soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva», in *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye* [“The CPC in Dialogue with the World” as a Platform for Promotion of the “Community of Common Destiny” Idea, in *Society and State in China*], Vol. XLIX, Part 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).

Wang Yi: xieshou dazao renlei mingyun gongtongti [Wang Yi: Join hands to build a community of common destiny for humanity]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-05/31/c_129029254.htm (accessed: 17 October 2019). (In Chinese).

Xi attends opening of Conference on Dialogue of Asian Civilizations. URL: <http://en.people.cn/n3/2019/0515/c90000-9578574.html> (accessed: 21 October, 2019). (In English).

Xi Jinping zai diqishijie lianheguo yibanxing bianlunshide jianghua [Speech of Xi Jinping at the 70th session's UN GA debate]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (accessed: 14 October 2019). (In Chinese).

Xieshou gong mingyun tongxin cu fazhan. Xi Jinping zai 2018 nian Zhong Fei hezuo luntan Beijing fenghui kaimushishangde zhongzhi jianghua [Work Together for Common Development

and a Shared Future. Keynote Speech by Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Opening Ceremony of the 2018 Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-09/03/c_1123373881.htm (accessed: 5 December 2019). (In Chinese).

Yongyuan zuo kekao pengyou he zhencheng huoban. Zai Tansangniya Nileier guoji huiyi zhoengxin yanjiang [Be a reliable friend and sincere partner forever – Xi Jinping's speech at the Nyerere International Conference Center in Tanzania. 16 March 2016]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-03/25/content_2362201.htm (accessed: 6 December 2019). (In Chinese).

Zhong Fei hezuo luntan Beijing fenghui chengguo luoshi xietiao ren huiyi tongguo lianhe shengming [The Join Statement, adopted at the Coordinators' Conference implementing the Results of the Beijing Summit of the China-Africa Cooperation Forum]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/t1675970.shtml (accessed: 1 December 2019). (In Chinese).

Zhongguo gongchandang yu shijie zhengdang gaoceng duihua bimu [High-level dialogue between the Communist Party of China and world parties ends]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2017-12/03/content_5244257.htm (accessed: 11 November 2018). (In Chinese).

Zhongguo gongchandang yu shijie zhengdang gaoceng duihua hui zhuanti huiyi jiang zai shenzhen juxing. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-05/21/c_1122862603.htm (accessed: 30 October 2018). (In Chinese).

Zhongguo gongchandang zhangcheng [Charter of the Communist Party of China]. URL: <http://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/> (accessed: 17 November 2019). (In Chinese).

Zhonglian buzhang Song Tao jieshao zhongguo gongchandang yu shijie zhengdang gaoceng duihua hui youguan qingkuang [Song Tao, Minister of the CPC International Liaison Department, briefs on the high-level dialogue between the Communist Party of China and world parties]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1204/c117005-29683113.html> (accessed: 28 October 2018). (In Chinese).

Поступила в редакцию 09.01.2020

Received 9 January 2020

Для цитирования: Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001

For citation: Verchenko A.L. (2020). Prodvizhenie Kitaem idei «soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» [China's promotion of the idea of “Community of common destiny for mankind”], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 6–18. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10002

Языковая политика и языковые ресурсы в китайском интернете

О.И. Завьялова

Аннотация: Языковая политика, которой китайское государство уделяет значительное внимание на протяжении последних десятилетий, освещается на многочисленных официальных сайтах центрального и регионального уровня. Среди задач, поставленных перед лингвистами, – ежегодный статистический анализ слов и иероглифов, которые употребляются в современном китайском языке, прежде всего, в интернете. Технологии, позволяющие автоматически выделять в иероглифических цепочках слова и определять их принадлежность к той или иной части речи в изолирующем китайском языке, лежат также в основе текстовых корпусов, многие из которых доступны в сети. Исследования, связанные с распознаванием и синтезом устной речи, востребованы при разработках в области машинного устного перевода, в процессе изучения *путунхуа* на специальных сайтах и при создании устных языковых корпусов, в том числе онлайн-диалектных на Тайване и в Гонконге.

Ключевые слова: китайский язык, языковая политика, интернет, *путунхуа*, *вэньянь*, *байхуа*, китайские диалекты, диалекты Миньнань, кантонский диалект, иероглифическая письменность, лексика, статистические исследования, иероглиф года, слово года, языковой корпус, искусственный интеллект, синтез речи, распознавание речи, машинный перевод, языковые ресурсы.

Автор: Завьялова Ольга Исааковна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3355-4598; E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

Language policy and language resources on the Chinese Internet

O.I. Zavyalova

Abstract: The language policy and planning in the PRC are represented on various official central and local websites. The annual statistical analysis of Chinese words and characters used online are among the tasks, set by the authorities before the linguists. The technologies, allowing to recognize words within the character texts and to mark them as belonging to a particular part of speech in the isolating syllabic Chinese language are applied within the process of creating numerous text corpora, often accessible on the Web. Speech recognition and speech synthesis technologies based on AI are used in machine translation, on the official websites for Standard Mandarin learners, as well as in spoken corpora. Among the latter are dialect corpora created in Taiwan and Hong Kong and available online.

Keywords: Standard Mandarin, Chinese dialects, Minnan dialects, Cantonese, Chinese characters, language policy, language planning, Internet, lexical frequency studies, part-of-speech tagging, language

corpora, artificial intelligence, speech synthesis, speech recognition, machine translation, language resources, character of the year, word of the year.

Author: Zavyalova Olga I., Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3355-4598; E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

Лингвистические инициативы периода «реформ и открытости»

Без использования высоких технологий китайский язык, несмотря на более чем миллиардное число носителей и древнейшую письменную, книжную и библиотечную традиции, вряд ли бы занял достойное и конкурентоспособное место среди других языков. Уже в 1970-е гг. в КНР были поставлены инновационные задачи в отношении китайского языка. В 1974 г. к исследованиям, ориентированным на решение теоретических и практических проблем, приступил Институт компьютерных технологий при Пекинском университете (*Бэйцзин дасюэ цзисуаньцзи яньцзюсо*) [Цзисуаньцзи...].

В 1980-е гг. в континентальном Китае и на Тайване были разработаны системы кодирования иероглифов. С помощью обычной клавиатуры, уже изобретённой за пределами китайского мира для алфавитных систем письма, стал возможным ввод на компьютеры тысяч находящихся в употреблении иероглифов – как с принятым в КНР упрощённым написанием некоторых знаков, так и с сохраняющимися на Тайване и в Гонконге традиционными вариантами [Ванло...]. В результате было не только положено начало революции в книгоиздании, но также открыта дорога к созданию в 1994 г. китайского интернета. В то время он насчитывал всего 10 тыс. пользователей, которые получили возможность читать во всемирной сети иероглифические тексты на китайском языке. В конце 1990-х появились два первых сайта на языках малых народов КНР. В 1998 г. был разработан уйгурский сайт с использованием арабско-персидской графики, в 1999 г. – сайт на тибетском языке, сохраняющем письмо, которое восходит к индийскому деванагари. В 2017 г. в китайском сегменте интернета уже активно действовали 1140 сайтов на языках малых народов с двенадцатью вариантами письменных систем, в том числе особых традиционных [Шаошу...]¹.

Учреждённый в 1954 г. Комитет по реформе китайской письменности в 1985 г. был переименован в Государственный комитет по работе в области языка и письменности. В 1994 г. он вошёл в состав Министерства образования КНР (в то время – Государственного комитета по образованию). Тогда же были созданы два важнейших подразделения, ведавших проблемами использования (*Юйянь вэньцзы инъюн гуаньлисы*) и информатизации (*Юйянь вэньцзы синьси гуаньлисы*) языка и письменности [Юйянь вэньцзы синьси...]. В 2001 г. вступил в силу первый в истории Китая «Закон об общеупотребительных в государстве языке и письменности». В документе шла речь, прежде всего, о статусе и функциях официального языка *путунхуа*, в основе которого лежит пекинский и отчасти другие северные диалекты, а также о стандартном иероглифическом письме с включением принятых в 1950-е гг. в КНР упрощённых вариантов иероглифов. Предшественник *путунхуа* – «государственный язык» *гоюй* – получил своё название и

¹ Подробнее об исследованиях и информатизации языков малых народов Китая см.: [Завьялова, 2016; Завьялова, 2017].

по сути дела стал официальным ещё в 1909 г., в конце правления династии Цин, в КНР был переименован в *путунхуа*, но на Тайване до сих пор называется «государственным».

В 2002 г., когда число пользователей китайского интернета достигло почти 46 млн человек, появился официальный сайт «Язык и письменность в Китае», который сейчас функционирует внутри сайта Министерства образования [Чжунго юйянь вэньцзы...]. К концу 2005 г. в сети было уже 100 аналогичных официальных региональных сайтов. Больше всего – 18 сайтов – было создано в крупнейшем мегаполисе Шанхае с населением 17 млн человек, по данным на 2000 г. В примыкающей к нему провинции Цзянсу, которая, как и Шанхай, входит в экономически развитый ареал распространения диалектов группы У, было разработано 11 сайтов [Юйянь вэньцзы синьси...; Юйянь вэньцзы гунцзо...]. Параллельно в интернете появлялись многочисленные сайты с разнообразными китайскими языковыми ресурсами: оцифрованными письменными памятниками, доступными пользователям словарями разных периодов и назначения, лингвистическими исследованиями.

Инновационные программы для изолирующего китайского языка

Важнейшая составляющая языковых программ последних десятилетий – исследования, связанные с использованием технологий искусственного интеллекта при распознавании, синтезе и машинном переводе устной речи, а также в процессе обучения *путунхуа*, в том числе на специальных сайтах. В 2016 г. одна из ведущих китайских компаний в области языковых технологий iFlytek сумела создать устройство, которое распознавало и переводило китайскую устную речь на английский, уйгурский, японский и корейский языки. Одновременно перевод демонстрировался в письменном виде на большом экране. Одно из подразделений этой компании, действующее в Урумчи, разрабатывает мобильные устройства, которые переводят китайскую устную речь на языки Синьцзяна и соседних стран Шёлкового пути. В 2017 г. один из таких гаджетов с использованием уйгурского и китайского языков был представлен премьеру Ли Кэцяну во время его встречи в провинции Аньхой с местными депутатами ВСНП [Ян Эрхун, Хоу Минь, 2016; Ли Кэцян лай...].

Особое внимание уделялось также автоматическому делению на слова и выявлению принадлежности выделенных слов к той или иной части речи в иероглифических текстах на *путунхуа* [Ян Эрхун, Хоу Минь, 2016]. Исследования велись с учётом слогового изолирующего характера китайского языка и особенностей иероглифической письменности.

Известно, что морфема в современном китайском языке, как в *путунхуа*, так и в диалектах, как правило, фонетически равна слогу, который, в свою очередь, равен морфеме. На письме каждому слогу соответствует индивидуальный иероглиф, который в большинстве случаев «сопровождал» морфему на протяжении всей истории её существования. Сравнительно малочисленные двусложные или многосложные морфемы-исключения – это, прежде всего, слова-полуповторы и фонетические заимствования из других языков. В случае эризации две морфемы, напротив, представлены одним слогом. В диалектах есть и другие исключения из правила «морфема равна слогу», например, «разделившиеся слова» (分音词 *fēnyīncí*) в диалектах группы Цзинь.

В древнекитайском языке и в основанном на древней лексике и грамматике письменном языке *вэньяне*, который веками использовался в качестве единственного официального, слово, как правило, было образовано одной корневой морфемой и записывалось

соответствующим индивидуальным иероглифом. В *путунхуа* и в современных диалектах – так же, как в предшественнике письменной формы *гоюя* и *путунхуа*, неофициальном «разговорном» языке *байхуа*, который сформировался на основе северных диалектов начиная со средних веков, – слова могут состоять из одной, двух и более морфем-слов. Чаще всего это корни, реже – аффиксы, словообразовательные или обозначающие число существительного, время и вид глагола. Во многих случаях определить принадлежность того или иного сочетания корневых морфем к слову или словосочетанию очень трудно. В дополнение к этому в цепочке иероглифов, записывающих обычный текст на *путунхуа* или *байхуа*, а также на современных диалектах (например, кантонском), пробелы между словами отсутствуют, все иероглифы – вне зависимости от того, записывают они словосочетание или слово, – находятся на равном расстоянии друг от друга. Автоматически определить границы большей части слов в иероглифическом тексте, таким образом, можно только с помощью особых специально разработанных программ.

Статистические исследования иероглифов и слов

Структурными особенностями китайского языка и соотношением морфема-слог-иероглиф определяются, в частности, методы, которые на протяжении последних лет используются в процессе статистического анализа текстов, ориентированного на разработку норм для *путунхуа* и современной иероглифической письменности. Анализ осуществляется Государственным центром мониторинга и изучения языковых ресурсов (*Гоцзя юйянь цзыюань цзяньцэ юй яньцзю чжунсин*), который был создан ещё в 2004 г. в составе упомянутого выше другого государственного центра, ведающего проблемами информатизации языка и письменности. Основной объект исследований – это публикации в СМИ, в том числе новостные в интернете, а также собственно язык сети, или та особая, по сути, нерегулируемая разновидность китайского языка, которая используется в блогах и чатах. Эта разновидность включает в себя оригинальные, созданные пользователями китайские новые слова и фразеологизмы; иногда диалектизмы, которые в интернете неожиданно становятся общекайскими; нестандартные заимствования из английского языка. Пользователи интернета могут изобретать также особые иероглифические формы записи собственно китайских слов и оригинальные, нигде больше не употребляющиеся разновидности «буквенных слов» (сокращения иностранных и китайских слов или словосочетаний в латинском написании) [Сбоев].

Итоги статистических исследований сначала публиковали в формате второго тома официального ежегодника «Доклад о языковой ситуации в Китае» (*Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао*) и позже стали прилагать к основному тому на диске (первый ежегодник был выпущен в 2006 г. и посвящён 2005 г.). Ранние обзоры были в значительной степени ориентированы не только на анализ слов или словосочетаний, употреблявшихся в СМИ, интернет-новостях и блогах, но также на статистическую обработку иероглифов. Списки обнаруженных знаков сравнивали с обнаруженными в 1988 г. нормативными списками разного уровня, содержащими 2500, 3500 и 7000 иероглифов, в зависимости от частоты их употребления в современном китайском языке. Выявляли 20 реально наиболее употребительных знаков, с одной стороны, и те иероглифы из нормативных списков, которые не были обнаружены в проанализированных текстах, с другой [Баочжи...]. Более

поздние исследования были в значительной степени сосредоточены – возможно, благодаря появлению продвинутых технологий по распознаванию слов в иероглифических цепочках – на лексических единицах. Так, по результатам исследования в 2018 г. были обнаружены четыре списка, посвящённых языку СМИ: 1) всех находившихся в употреблении иероглифов; 2) наиболее частотных слов; 3) неологизмов; 4) обнаруженных в текстах фразеологических единиц *чэньюев*.

Не меньшее внимание в последние годы уделялось ещё одному статистическому исследованию иероглифов и лексики. В 2006 г. Государственным центром мониторинга и изучения языковых ресурсов, знаменитым издательством «Шаньу иньшугуань», а также интернет-компанией Синьлан (*Sina Corp*) была инициирована «Инвентаризация китайского языка» (*Ханьюй паньдянь*) – аналог западных акций «слово года» (позже в проекте принимали участие другие организации и СМИ). Анализ основан на обработке данных, полученных при опросе многочисленных пользователей интернета, и проходит под лозунгом «Одним иероглифом, одним словом описываем Китай и мир». По результатам опросов назначают один иероглиф и одно слово или словосочетание для Китая и один иероглиф и одно слово или словосочетание для внешнего мира [*Ханьюй паньдянь...*]. Позже в ходе акции стали дополнительно выбирать десять самых популярных обычных слов/словосочетаний и десять самых популярных неологизмов в СМИ, а также десять наиболее востребованных слов/словосочетаний в языке пользователей интернета.

«Слово года» впервые было названо в Германии в 1971 г., в России – в 2007 г. Акция, посвящённая иероглифу года, в Японии проводится с 1995 г., на Тайване она была инициирована в 2008 г. [Дай Хунлян, Ян Шуцзюнь]. В 2019 г. для КНР был выбран иероглиф (и по сути дела, соответствующее односложное слово) 穩 *wěn* «стабильный» и слово (на самом деле словосочетание) «Я и моя родина» (我和我的祖国 *Wǒ hé wǒ de zǔguó*) – название песни и популярного юбилейного фильма, снятого к 70-летию КНР. В то же время для внешнего мира подобрали менее оптимистичные варианты – иероглиф 難 *nán* «трудный» и словосочетание 貿易摩擦 *màoyì mócā* «внешнеторговые трения» [*Ханьюй паньдянь 2019...*].

Языковые ресурсы в свете тысячелетних библиотечных традиций

Среди первоочередных задач, решение которых также связано с проблемой автоматического деления текста на слова, – создание языковых корпусов разного объёма и назначения. Эти задачи имеют для Китая особое значение с учётом его давних словарной, книжной и библиотечной традиций. На протяжении столетий в династийных историях были разделы, которые назывались «Сведения о книгах». Первую императорскую библиотеку стали собирать в пределах всей страны уже при династии Хань по указу императора Чэн-ди (32–7 гг. до н.э.). Тогда же был составлен каталог под названием «Семь подразделений» («Ци люэ»), в котором была предложена классификация ещё рукописных в то время книг [Меньшиков, с. 10–113].

В период Троецарствия в государстве Вэй (221–264 гг. н.э.) один из хранителей библиотеки по имени Сюнь Сюй предложил классификацию книг и их распределение в хранилищах по четырём отделам *сы ку* (四庫 *sì kù*): конфуцианские классики, исторические сочинения, философские трактаты, изящная литература. При этом буддийские сочинения, которые часто либо содержали элементы разговорного языка, либо вообще были написаны

на *байхуа*, стали включать в официальные, но, как правило, не основные императорские книгохранилища только начиная с V в. В VII в. классификация «по четырём отделам» стала основной в Китае. В своём окончательном виде она была представлена в библиографии книг знаменитой императорской библиотеки «Сы ку цюань шу» – «Полной библиотеки с четырьмя отделами», созданной по распоряжению императора Цяньлуна. Текст «Пояснений к сводному каталогу всех книг по четырём отделам» (*Сы ку цюань шу цзунму тияо*) был завершён в 1781 г. и опубликован в 1790–1794 гг. [Меньшиков, с. 84]. Значительная часть сохранившихся текстов библиотеки «по четырём отделам» уже оцифрована и представлена в интернете.

Первый языковой корпус в Китае был разработан Уханьским университетом в 1979 г. и включал только современные литературные произведения [Ян Эрхун, Хоу Минь, с. 499]. К настоящему времени в КНР созданы многочисленные текстовые корпуса китайского языка (устных проектов сравнительно мало, и они не доступны в интернете). Поисковые системы, как правило, разработаны с учётом не только деления текстов на слова, но также принадлежности выделенных слов к той или иной части речи [Колпачкова]. Китайские лингвисты при этом в процессе анализа текстовых корпусов вместо слова «морфема» часто употребляют слово «иероглиф» даже в статьях на русском языке: «В сложных словах между иероглифами существуют разнообразные связи и отношения» [Лу Исинь].

Корпусы общего характера ориентированы как на современные тексты, так и на письменные памятники прежних эпох на древнекитайском языке, его наследнике *вэньяне* и на *байхуа* разных периодов. Так, инициированный в 1984 г. корпус Китайской академии (лат. *Academia Sinica*) на Тайване представлен четырьмя хронологическими разделами: древним, средневековым, а также ранними и новейшими текстами на современном языке – с отдельными адресами в интернете [Хуан Цзюйжэнь].

Основные текстовые корпуса в КНР

Наиболее значимыми в континентальном Китае считаются три текстовых корпуса общего характера, все они в той или иной степени доступны в интернете [Xu Jiajin].

1. На первом месте по цитируемости, благодаря, в частности, своему значительному объёму, по данным на 2015 г., стоял языковой корпус Центра китайского языкознания при Пекинском университете [Бэйцзин даюэ ССЛ...]. Его разработка была инициирована в 2000 г., уже в 2004 г. в сети появился первый вариант [Бэйцзин дасюэ юйляоку...]. В современной части корпуса при этом есть только метаразметка, а синтаксическая и частеречная разметки отсутствуют, поэтому его в значительной степени следует считать базой текстовых данных [Колпачкова]. От других проектов общего характера корпус отличается большим объёмом лингвистических публикаций и обширным китайско-английским разделом, ориентированным на изучающих соответствующие языки китайцев и иностранцев.

Объём раздела на современном китайском языке в корпусе Пекинского университета – 1,2 млрд иероглифов (и, соответственно, морфем), в текстах употребляется 10645 неординарных иероглифических знаков. Источники нового периода, начало которому было положено «движением 4 мая» 1919 г. и связанным с ним «движением за *байхуа*», ограничены литературными произведениями. Они составляют лишь небольшую часть современного раздела, хотя именно в результате «движения 4 мая» *вэньянь* постепенно

перестал быть одним из языков художественной литературы, а затем утратил статус официального языка и начал исчезать из других областей жизни, уступая дорогу современному варианту *байхуа*, лежащему в основе письменной формы *гоюя/путунхуа*. Большая часть современного раздела, 98,72 %, представлена материалами новейшего периода, появившимися уже после образования КНР в 1949 г., в том числе записями устных текстов, художественными произведениями, образцами языка интернета и официально-деловыми документами.

Объём исторического раздела корпуса – 400 млн иероглифов, число неодинаковых иероглифов в текстах – 18898. Часть материалов объединена хронологически – начиная с периода династии Чжоу и заканчивая периодом Китайской Республики (в последнем случае, очевидно, имеются в виду тексты на *вэньяне*, которые продолжали появляться в этот период параллельно с текстами на *байхуа*). Часть распределена по жанрам и, в частности, содержит написанные на *байхуа* пьесы эпохи Юань.

2. «Сбалансированный корпус современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности» (*Гоцзя юйвэй сяньдай ханьюй пинхэн юйляоку*) был создан при поддержке Госсовета КНР Центром мониторинга и исследования языковых ресурсов с участием других подразделений Министерства образования. Разработка корпуса была инициирована в конце 1991 г., в 2005 г. он уже содержал примерно 100 млн иероглифов, его базовая часть – около 20 млн [Юйянь вэньцзы синьси..., с. 135].

В своём онлайн-варианте [Юйляоку...] современная составляющая корпуса содержит 9478 текстов и насчитывает 19,5 млн знаков. В это число включены не только иероглифы, но также латинские буквы, знаки препинания и цифры, заимствованные из европейских языков. Как известно, морфемы, обозначающие числа, традиционно и отчасти в современном языке записываются иероглифами. В общей сложности в текстах выделено 162 875 неодинаковых слов, в том числе 151 300 иероглифических китайских.

Хронологически современная составляющая корпуса охватывает период с начала «движения 4 мая» 1919 г. по настоящее время. При этом тексты 1919–1925 гг. составляют всего 5 % от общего объёма по числу знаков, отобраны источники, которые в минимальной степени включают в себя элементы *вэньяня*. На более поздние материалы периода «созревания *байхуа*» вплоть до образования Китайской Народной Республики в 1949 г. приходится 15 %. Большая часть текстов, включённых в корпус, таким образом, появилась уже в период существования КНР. Время становления «нового Китая» (1950–1965 гг.), для которого характерно появление новой «социалистической» лексики, представлено четвертью объёма корпуса. На период «культурной революции» (1966–1976 гг.) с его гонениями на интеллигенцию и особыми, ставшими сейчас историческими, словами и фразеологизмами, приходится всего 5 %. И наконец, половина общего объёма – это тексты периода «обновления китайского языка» с начала курса «реформ и открытости» по настоящее время.

Наряду с современным, на сайте сейчас присутствует обширный исторический раздел объёмом в 70 млн знаков, с источниками от периода династии Чжоу до династии Цин. Он, в частности, включает в себя значительную часть сохранившихся книг упомянутой выше императорской библиотеки «Сы ку цюань шу». В числе текстов – написанные на *байхуа* средневековые романы, чрезвычайно популярные как в прошлом, так и в настоящее время, много раз экранизированные в континентальном Китае и за его пределами.

3. Корпус Пекинского университета языков (англ. Beijing Language and Culture University) характеризуется уникальным для китайского языка объёмом – 15 млрд иероглифов [Xu Jiajin, с. 219]. Тексты периодических изданий насчитывают в составе корпуса 2 млрд иероглифов, по 3 млрд приходится на современные литературные произведения, на публикации блогеров и на научно-технические тексты, 1 млрд – на тексты общего характера (по-видимому, те, которые нельзя отнести ни к одному из перечисленных разделов). Наконец, в корпус включены тексты на древнекитайском языке (очевидно, древнекитайские и более поздние на *вэньяне*) объёмом 2 млрд знаков [Шиюн...].

Новейшие обследования и устные корпуса китайских диалектов

На протяжении последних десятилетий, помимо корпусов с письменными текстами разных периодов, лингвисты из разных научных и учебных учреждений КНР в экспериментальном порядке создавали устные корпуса многочисленных китайских диалектов. Особое значение создание подобных ресурсов приобретает в последние годы, когда диалекты, прежде всего относящиеся к далеко отстоящим от *путунхуа* южным группам в экономически развитых приморских провинциях, все более активно взаимодействуют с официальным языком. Благодаря, в частности, интернету в этих диалектах появляются в разном объёме новые заимствованные из *путунхуа* фонетические, лексические и даже грамматические явления, в том числе через специальные учебные сайты. Примером таких сайтов может служить новейшая учебная платформа по изучению *путунхуа*, созданная с использованием технологий искусственного интеллекта компанией iFlytek при участии Министерства образования и Государственного комитета по работе в области языка и письменности. Платформа появилась в интернете в октябре 2019 г. и ориентирована как на носителей китайских диалектов и языков малых народов в континентальном Китае, так и на говорящих в основном на кантонском диалекте жителей Гонконга и Макао, тайваньцев, а также китайцев и иностранцев, живущих за пределами китайского мира [Цюанцю...].

Очередная общекайтайская программа сохранения языков малых народов, китайских диалектов и языковых составляющих локальных культур была инициирована Министерством образования и Государственным комитетом по работе в области языка и письменности в 2015 г. К 2018 г. она была в значительной своей части выполнена, а в некоторых разделах даже перевыполнена. Так, вместо 900 намеченных пунктов с китайскими диалектами было обследовано 1011 пунктов. Полученные материалы будут использоваться, во-первых, при создании диалектных корпусов и, во-вторых, при разработке онлайн-платформы. Её вариант некоторое время был доступен в интернете не только специалистам, но также обычным пользователям, которые могли прослушать и посмотреть записи китайских диалектов и отчасти языков малых народов, сделанные в десятках пунктов по всей стране [Чжунго юйянь цзыюань..., 2018, 2019]. Те диалектные корпуса, которые уже присутствуют в интернете, созданы за пределами континентального Китая.

На Тайване это, прежде всего, корпуса с численно доминирующими здесь диалектами группы Миньянь, которые называют здесь также «тайваньским языком» (*тайюй*). К наиболее значимым проектам с устными записями этих диалектов относят корпус, разрабатываемый с 1999 г. Государственным университетом Чжунчжэн [Тайвань...]. Материалы на втором по численности на Тайване диалекте *хакка* используются

реже. Они, в частности, включены наряду с диалектами Миньнань в устный корпус Государственного университета управления [Чжэнчжи...; Chui Kawai and Lai Huei-ling].

В Гонконге с учётом его особых языковых традиций, языковой ситуации и отличного от континентального законодательства были задействованы проекты по созданию корпусов на кантонском диалекте. Известно, что в период, когда Гонконг был колонией Великобритании, в качестве официального устного и письменного языка здесь использовался только английский. В повседневной жизни гонконгцы большей частью говорили на своём родном кантонском диалекте, который относится к далеко отстоящей от пекинского и *путунхуа* группе диалектов Юэ (Кантон – историческое европейское название города Гуанчжоу).

Действие закона КНР о языке и письменности в соответствии с политикой «одна страна – две системы» на Гонконг (САР Сянган) не распространяется. Здесь официально разрешены два письменных языка: близкий *путунхуа* вариант китайского и английский, а также три устных языковых варианта: кантонский диалект, *путунхуа* и английский. После возвращения Гонконга в состав КНР в 1997 г. только четверть его жителей в той или иной степени знали *путунхуа*. К 2011 г. число владеющих им в разной степени гонконгцев удвоилось, составив 47,8 %, хотя кантонский по-прежнему остаётся языком домашнего общения у 89 % жителей [Гутин]. От других китайских диалектов кантонский отличается своей развитой письменной традицией с не только общекайскими, но также особыми диалектными иероглифами. Разработка корпусов кантонского диалекта была инициирована в конце 1990-х гг. [Lo, Lee, Ching], существующие варианты сделаны с использованием как устной речи, так и текстов. В качестве примера можно привести доступные в интернете корпусы, перечисленные со ссылками на страницу гонконгской Ассоциации кантонского диалекта [Cantonese...], или корпус, при создании которого были использованы записи речи актёров из гонконгских фильмов середины XX в. [The Corpus...].

Заключение

На протяжении последних десятилетий активная языковая политика в КНР осуществляется с использованием инновационных технологий и освещается на многочисленных сайтах, прежде всего официальных, центрального и регионального уровня. Среди задач, поставленных государством перед китайским научным сообществом, – разработка языковых норм на базе результатов ежегодного мониторинга присутствующих в интернете китайских слов и тысяч употребляющихся в современном китайском языке иероглифов. В основе исследования лежат разработанные китайскими лингвистами технологии, позволяющие в большей части случаев автоматически делить тексты на слова и определять их принадлежность к той или иной части речи с учётом изолирующего слогового характера китайского языка и особенностей иероглифической письменности. Эти же технологии используются при создании, в том числе в интернете, многочисленных текстовых корпусов на *путунхуа* и на его предшественнике – средневековом и более позднем письменном языке *байхуа*. Доступный в интернете корпус современного китайского языка «государственного уровня» был разработан при поддержке Госсовета КНР. Лингвистические программы последних лет включают также исследования, связанные с использованием искусственного интеллекта при распознавании и синтезе устной речи. Соответствующие

технологии востребованы при машинном переводе, в процессе изучения *путунхуа* на соответствующих сайтах, а также при создании устных корпусов на *путунхуа* и диалектах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баочжи, гуанбо дяньши, ванло (синьвэнь) юн цзы, юн цы дяоча : [Анализ иероглифов и слов, употребляющихся в газетах, на радио и телевидении, а также в новостях в интернете] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2006) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2006 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2007. Т. 2. С. 1–36.

Бэйцзин дасюэ ССЛ юйляоку : [Языковой корпус Центра китайского языкознания при Пекинском университете]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 10.02.2019).

Ванло юйянь чжуанкуан : [Ситуация с употреблением языка в интернете] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2005) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2006. Т. 1. С. 211–226.

Гутин И.Ю. Языковая ситуация в Специальном административном районе Гонконг КНР и политика властей в сфере языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 2 (68). С. 79–83.

Дай Хунлянь, Ян Шуцзюнь. Тайвань юйвэнь шэнхо чжуанкуан (2018) : [Языковая ситуация на Тайване в 2018 г.] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2019) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2019 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2019. С. 271–279.

Завьялова О.И. Языки Китая: новейшие исследования и открытия // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 139–143.

Завьялова О.И. Языки Китая в информационном пространстве // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 148–152.

Колпачкова Е.Н. Корпусы китайского языка: современное состояние и основные проблемы // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. С. 278–286.

Ли Кэцян лай Аньхуэйтуань: жэньгун чжинэн сян цзунли «баодао» : [Ли Кэцян встречается с делегатами ВСНП в провинции Аньхуэй: искусственный интеллект «докладывает» премьеру]. URL: http://www.china.com.cn/lianghui/news/2017-03/10/content_40440494.htm (дата обращения: 31.07.2018).

Лу Исинь. Принципы создания корпусов китайского языка // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, СПб. 2016. № 181. С. 22–29.

Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб: Нестор-История, СПб ИИ РАН, 2005.

Сбоев А.Н. Анализ лексики китайского интернета с точки зрения словообразования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (33). С. 70–81.

Тайвань Миньнаньюй коуюй юйляоку : [Устный корпус тайваньских диалектов группы Миньнань]. URL: <http://lngproc.ccu.edu.tw/SouthernMinCorpus/> (дата обращения: 18.02.2020).

Хань Линьтао, Ян Эрхун. 2016 нянь дэ цзици фаньйи : [Машинный перевод в 2016 г.] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2017 : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2017 г.]. Пекин, 2017. С. 119–123.

Ханьюй паньдянь 2019: юн игэ цзы игэ цы мяошу 2019 дэ Чжунго юй шицзе : [Инвентаризация 2019: одним иероглифом, одним словом описываем Китай и мир в 2019 г.]. URL: <http://culture.people.com.cn/GB/22226/430827/index.html> (дата обращения: 15.02.2020).

«Ханьюй паньдянь» ходун саомяо (2006–2010) : [Обзор «Инвентаризации китайского языка» в 2006–2010 гг.] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2011) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2011 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2011. С. 180–191.

Хуан Цзюйжэнь. Тайвань юйляоку юй юйянь цзыюань цзяньшэ : [Создание языковых корпусов и языковых ресурсов на Тайване] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2016) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2016 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2016. С. 259–168.

Цзисуаньцзи цзыку цзысин чжуанкуан : [Ситуация с компьютерными шрифтами и библиотеками шрифтов] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2006) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2006 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2007. Т. 1. С. 121–168.

Цюаньцю чжунвэнь сюэси пинтай : [Всемирная платформа для изучения китайского языка]. URL: www.chinese-learning.cn (дата обращения: 10.01.2020).

Чжань Вэйдун, Го Жуй, Чан Баобао, Чэнь Ижун, Чэнь Лун. Бэйцзин дасюэ юйляоку дэ яньчжи : [Разработка языкового корпуса Пекинского университета] // Юйляоку юйяньсюэ. 2019. № 6 (1). С. 71–86.

Чжунго юйянь вэньцзы ван : [Сайт «Язык и письменность в Китае»]. URL: www.china-language.edu.cn/ (дата обращения: 14.02.2020).

Чжунго юйянь цзыюань баоху гунчэн : [Программа по охране языковых ресурсов Китая] // Чжунго юйянь вэньцзы шиэ фачжань баогао (2018) : [Доклад о развитии языка и письменности в Китае в 2018 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2018. С. 52–57.

Чжунго юйянь цзыюань баоху гунчэн: [Научная программа по охране языковых ресурсов Китая] // Чжунго юйянь вэньцзы шиэ фачжань баогао (2019) : [Доклад о развитии языка и письменности в Китае в 2019 г.]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2019. С. 48–52.

Чжунъян яньцзююань сяньдай ханьюй пинхэ юйляоку : [Сбалансированный корпус современного китайского языка Academia Sinica (Китайской академии на Тайване)]. URL: <http://lingocorpus.iis.sinica.edu.tw/modern/> (дата обращения: 12.01.2020).

Чжэнчжи дасюэ гоуй коуй юйляоку : [Устный корпус «государственного языка» Университета управления]. URL: <http://spokentaiwanmandarin.nccu.edu.tw/corpus-data.html> (дата обращения: 18.02.2020).

Шаошу миньцзу юйянь цзыюань баоху юй цзяньшэ : [Охрана и разработка ресурсов на языках малых народов] // Чжунго юйянь вэньцзы шиэ фачжань баогао (2018) : [Доклад о развитии языка и письменности в Китае]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2018. С. 58–62.

Шиюн банчжу – ВСС сяньдай ханьюй юйляоку : [Инструкция по использованию – Корпус современного китайского языка Пекинского университета языков]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/help#intro> (дата обращения: 17.02.2020).

Юйляоку цзай сянь : [Языковой корпус онлайн]. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/> (дата обращения: 14.02.2020).

Юйянь вэньцзы гунцзо ванчжань минлу : [Список сайтов, посвящённых работе в области языка и письменности] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2005) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.]. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2006. Т. 1. С. 435–436.

Юйянь вэньцзы синьси гуаньли гунцзо чжуанкуан : [О работе в области информатизации языка и письменности] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2005) : [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.]. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2006. Т. 1. С. 121–139.

Ян Эрхун, Хоу Минь. Юйянь синьси чули яньцзю : [Исследования в области компьютерной обработки языковых данных] // Дандай чжунго юйянь яньцзю (1949–2015) : [Исследования в области современного китайского языкознания (1949–2015 гг.)]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2016. С. 475–516.

Cantonese Corpora. URL: <https://cantoneseLanguageAssociation.byu.edu/links/> (дата обращения: 18.02.2020).

Chui Kawai and Lai Huei-ling. The NCCU Corpus of Spoken Chinese: Mandarin, Hakka, and Southern Min // *Taiwan Journal of Linguistics*. 2008. № 6(2). P. 119–144.

Lo W.R., Lee Tan, Ching P.C. Development of Cantonese spoken language corpora for speech applications. International Symposium on Chinese spoken language processing, Singapore, 1998. URL: https://materi.smkyp17pare.sch.id/archive_open/archive_papers/isclsp1998/DTE5.pdf (дата обращения: 18.02.2020).

The Corpus of Mid-20th Century Hong Kong Cantonese (Phase Two). URL: <http://hkcc.edu.hk/v2> (дата обращения: 18.02.2020).

Xu Jiajin. Corpus-based Chinese studies. A historical review from the 1920s to the present Chinese // *Language and Discourse*. 2015. No. 6(2). P. 218–244.

REFERENCES

Baozhi, guangbo dianshi, wangluo (xinwen) yong zi, yong ci diaocha [Survey of words and characters used in newspapers, on radio and TV, as well as in Internet news], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao: 2006* [Language situation in China: 2006], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2007, vol. 2: 1–36. (In Chinese).

Beijing daxue CCL yuliaoku [Corpus of the Peking University Center for Chinese Linguistics]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (accessed: 10 February 2019). (In Chinese).

Cantonese Corpora. URL: <https://cantoneseLanguageAssociation.byu.edu/links/> (accessed: 18 February 2020).

Chui Kawai and Lai Huei-ling. (2008). The NCCU Corpus of Spoken Chinese: Mandarin, Hakka, and Southern Min, *Taiwan Journal of Linguistics*, 2008, 6(2): 119–144.

Dai Hongliang, Yang Shujun. (2019). Taiwan yuwen shenghuo zhuangkuang (2018) [Language situation in Taiwan in 2018], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao: 2019* [Language situation in China: 2019], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2019: 271–279. (In Chinese).

Gutin I.Yu. (2018). Yazykovaya situatsiya v Spetsial'nom administrativnom rayone Gongkong KNR i politika vlastey v sfere yazyka [Language situation in the Hong Kong Special Administrative Region of the PRC and the official language policy], *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]*, 2018, 2(68): 79–83. (In Russian).

Han Lintao, Yang Erhong. (2017). 2016 nian de jiqi fanyi [Machine translation in 2016], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao: 2017* [Language situation in China: 2017], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2017: 119–123. (In Chinese).

Hanyu pandian 2019: yong yige zi yige ci miaoshu 2019 de Zhongguo yu shujie [Chinese language inventory 2019: one character and one word to describe China and the world in 2019]. URL: <http://culture.people.com.cn/GB/22226/430827/index.html> (accessed: 15 February 2020). (In Chinese).

‘Hanyu pandian’ huodong saomiao (2006–2010) [“Chinese Language Inventory” activity in 2006–2010], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao: 2011* [Language situation in China: 2011], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2011: 180–191. (In Chinese).

Huang Juren. (2016). Taiwan yuliaoku yu yuyan ziyuan jianshe [Development of language corpora and language resources in Taiwan], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao: 2016* [Language situation in China: 2016], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2016: 259–168. (In Chinese).

Jisuanji ziku zixing zhuangkuang [Situation with computer fonts and font libraries], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao: 2006* [Language situation in China: 2006], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2007, vol. 1: 121–168. (In Chinese).

Kolpachkova E.N. (2015). Korpusy kitayskogo yazyka: sovremennoe sostoyanie i osnovnye problemy [Chinese language corpora: an overview and major problems], *Proceedings of the international conference “Corpus linguistics-2015”*, St. Petersburg: Saint Petersburg State University, 2015: 278–286. (In Russian).

Li Keqiang lai Anhuituan: rengong zhineng xiang zongli ‘baodao’ [Premier Li Keqiang meets with the NPC members in Anhui: AI “reports” to the Premier]. URL: http://www.china.com.cn/lianghui/news/2017-03/10/content_40440494.htm (accessed: 31 July 2018). (In Chinese).

Lo W.R., Lee Tan, Ching P.C. (1998). Development of Cantonese spoken language corpora for speech applications, *International Symposium on Chinese spoken language processing*, Singapore, 1998. URL: https://materi.smkyp17pare.sch.id/archive_open/archive_papers/iscslp1998/DTE5.pdf (accessed: 18 February 2020).

Lu Yixin. (2016). Printsipy sozdaniya korpusov kitayskogo yazyka [The guidelines for the Chinese language corpora], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University], St. Petersburg, 2016, 181: 22–29. (In Russian).

Men’shikov L.N. Iz istorii kitayskoy knigi [On the history of Chinese books], St. Petersburg: Nestor-Istoriya; Saint Petersburg Institute of History, RAS, 2005. (In Russian).

Quanqiu Zhongwen xuexi pingtai [Global platform for studying Chinese]. URL: www.chinese-learning.cn (accessed: 10 January 2020). (In Chinese).

Sboev A.N. (2015). Analiz leksiki kitayskogo Interneta s tochki zreniya slovoobrazovaniya [Derivational patterns of the Chinese Internet lexicon], *Humanities Research in Eastern Siberia and the Russian Far East*, 2015, 3(33): 70–81. (In Russian).

Shaoshu minzu yuyan ziyuan baohu yu jianshe [Protection and development of language resources of ethnic minorities], *Zhongguo yuyan wenzi shiye fazhan baogao* (2018) [Report on the development of language and script in China (2018)], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2018: 58–62. (In Chinese).

Shiyong bangzhu – BCC Xiandai Hanyu yuliaoku [User guide – BCC Modern Chinese language corpus]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/help#intro> (accessed: 17 February 2020). (In Chinese).

Taiwan Minnanyu kouyu yuliaoku [Corpus of spoken Taiwan Southern Min]. URL: <http://lngproc.ccu.edu.tw/SouthernMinCorpus/> (accessed: 18 February 2020). (In Chinese).

The Corpus of Mid-20th Century Hong Kong Cantonese (Phase Two). URL: <http://hkcc.edu.hk/v2> (accessed: 18 February 2020).

Wangluo yuyan zhuangkuang [Language usage on the Internet], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao*: 2005 [Language situation in China: 2005], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2006, vol. 1: 211–226. (In Chinese).

Xu Jiajin. (2015). Corpus-based Chinese studies. A historical review from the 1920s to the present Chinese, *Language and Discourse*, 2015, 6 (2): 218–244.

Yang Erhong and Hou Min. (2016). Yuyan xinxi chuli yanjiu [Studies on the computer processing of language data], *Dangdai Zhongguo yuyan yanjiu (1949–2015)* [Studies on contemporary Chinese linguistics (1949–2015)], Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2016: 475–516. (In Chinese).

Yuliaoku zai xian [Language corpus online]. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/> (accessed: 14 February 2020). (In Chinese).

Yuyan wenzi gongzuo wangzhan minglu [List of websites on language and script planning], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao*: 2005 [Language situation in China: 2005], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2006, vol. 1: 435–436. (In Chinese).

Yuyan wenzi xinxi guanli gongzuo zhuangkuang [On the informatization of language and script], *Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao*: 2005 [Language situation in China: 2005], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2006, vol. 1: 21–139. (In Chinese).

Zavyalova, O.I. (2016) Yazyki Kitaya: noveyshie issledovaniya i otkrytiya [Languages of China: latest surveys and discoveries], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016, 5: 139–143. (In Russian).

Zavyalova, O.I. (2017). Yazyki Kitaya v informatsionnom prostranstve [Languages of China in the IT age], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2017, 2: 148–152. (In Russian).

Zhan Weidong, Guo Rui, Chang Baobao, Chen Yirong, Chen Long. (2019). Beijing daxue yuliaoku de yanzhi [Building of the CCL corpus: Its design and implementation], *Corpus Linguistics*, 2019, 6(1): 71–86. (In Chinese).

Zhengzhi daxue guoyu kouyu yuliaoku [NCCU Corpus of Spoken Taiwan Mandarin]. URL: <http://spokentaiwanmandarin.nccu.edu.tw/corpus-data.html> (accessed: 18 February 2020).

Zhongguo yuyan wenzi wang [“Language and script in China” website]. URL: www.china-language.edu.cn/ (accessed: 14 February 2020). (In Chinese).

Zhongguo yuyan ziyuan baohu gongcheng [Project on the protection of language resources in China], *Zhongguo yuyan wenzi shiye fazhan baogao* (2018) [Report on the development of language and script in China (2018)], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2018: 52–57. (In Chinese).

Zhongguo yuyan ziyuan baohu gongcheng [Project on the protection of language resources in China], *Zhongguo yuyan wenzi shiye fazhan baogao* (2019) [Report on the development of language and script in China (2019)], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2019: 48–52. (In Chinese).

Zhongyang yanjiuyuan Xiandai Hanyu pinghe yuliaoku [Academia Sinica balanced corpus of Modern Chinese]. URL: <http://lingcorpus.iis.sinica.edu.tw/modern/> (accessed: 12 January 2020). (In Chinese).

Поступила в редакцию 24.02.2020

Received 24 February 2020

Для цитирования: Завьялова О.И. Языковая политика и языковые ресурсы в китайском интернете // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 19–33. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10002

For citation: Zavyalova O.I. (2020). Yazykovaya politika i yazykovyye resursy v kitayskom internete [Language policy and language resources on the Chinese Internet], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 19–33. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10002

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10003

Азия: процессы региональной экономической интеграции

С.В. Ноздрев

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции, характеризующие углубление экономической интеграции в Азии. Реакция на замедление глобализации выразилась в более активном региональном слиянии, движущие силы которого постепенно меняются. Если ранее основное развитие получала интеграция в форме двухсторонних торговых соглашений, то с середины 1990-х гг. усилилась тесно связанная с ней инвестиционная интеграция, поддерживаемая производственными цепочками добавленной стоимости, а также финансовая, которая реализуется региональной сетью банковских операций и сделок с ценными бумагами.

Ключевые слова: экономическая интеграция, торговые соглашения, внутрирегиональная торговля, производственные цепочки, добавленная стоимость прямые инвестиции, банковские операции.

Автор: Ноздрев Станислав Васильевич, кандидат экономических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). E-mail: nozdrev-s-v@imemo.ru

Economic and regional integration in Asia

S.V. Nozdrev

Abstract. The main trends of the economic integration in Asia are considered in the article. The reaction to the slowdown of the globalization was expressed in the regional integration, which driving forces are gradually changing. Previously the regional trade integration, carried out by bilateral trade agreements, had been developing most of all. Since the middle of 1990s the closely related investment integration began to expand, supported by production value chains, as well as financial integration, implemented by the regional network of banking and security transactions.

Keywords: economic integration, trade agreements, intraregional trade, chains value added production, direct investment, banking.

Author: Nozdrev Stanislav V., PhD (Economics), Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy Of Sciences – IMEMO (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: nozdrev-s-v@imemo.ru

Региональная экономическая интеграция стран Азии активизировалась с начала 1980-х гг. и выразилась в расширении и укреплении внешнеэкономических связей. Её формирование стало возможным благодаря повысившемуся уровню экономического развития региона, урбанизации, вовлечению стран во внутрирегиональные зоны свободной

торговли, развитию информационно-коммуникационных технологий. Динамичность этому процессу придали либерализация торговых и инвестиционных двухсторонних и многосторонних систем, фрагментация стадий производства в Азии. Быстрый рост экономик в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и препятствия на пути к глобализации определяют дальнейшее развитие внутрорегиональной интеграции.

Экономическая интеграция предполагает различные формы интенсивных международных экономических отношений. Европейскому Союзу потребовалось более полувека, чтобы углубить, усилить и расширить региональную интеграцию, как в экономическом, так и в институциональном плане. Северная Америка после заключения соглашения о свободной торговле между Канадой, США и Мексикой (НАФТА, от англ. NAFTA – North American Free Trade Agreement) стала ещё одним мегарегиональным экономическим блоком. Страны Азии также укрепляют взаимные экономические связи, которые, однако, в основном ориентированы на хозяйственную, предпринимательскую сферы и не поддерживаются полноценными институциональными механизмами.

Региональные аспекты экономической интеграции в Азии – объект исследований ряда авторов, среди которых выделяются эксперты Азиатского банка развития и Всемирного банка, а также международных научно-исследовательских групп, специализирующихся на проблемах азиатской экономики (Didier B., Prasad E., Kawai M., Wigaraja G.). Современное состояние и проблемы развития интеграционных процессов в Азии нашли отражение в трудах отечественных авторов, в частности, Е.Я. Араповой, А.И. Балакина, О.В. Богачёвой, Г.М. Костюниной, которые провели широкий спектр исследований по данной тематике, в первую очередь, по странам АСЕАН (от англ. ASEAN – Association of South East Asian Nations).

Цель настоящей статьи заключается в попытке сравнительного анализа отдельных форм экономической интеграции азиатских стран, эволюции её различных сторон по отдельным субрегионам, а также в оценке перспективы её дальнейшего развития и препятствий на этом пути. Особое внимание уделяется Восточной Азии, которая, по мнению автора, будет во многом определять приоритеты и ход интеграции, становление сетей экономической и финансовой стабильности в регионе.

Внешнеторговые связи – основа экономической интеграции в Азии

Экономическая интеграция – это, прежде всего, постепенное устранение экономических барьеров на пути к свободному перемещению товаров, услуг, капитала и человеческих ресурсов внутри группы национальных государств. Начинается она, как правило, с интеграции в области внешней торговли и устранения таможенных барьеров и квот, что усиливает экономическую взаимозависимость стран региона, следовательно, стимулирует заинтересованность в совместных действиях по предотвращению кризисов и спадов в экономике. Существуют различные формы экономической интеграции (торговая, инвестиционная, финансовая) и её виды с точки зрения степени и масштабов. Так, можно отделить региональную интеграцию от глобальной так же, как снижение тарифов и других ограничений в рамках региона от их сокращения в контексте раундов Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ, от англ. GATT – General Agreement on Tariffs and Trade) и Всемирной торговой организации (ВТО). В мире существует более 150 региональных

экономических объединений, из которых Европейская интеграция, АСЕАН+3, а также НАФТА являются крупнейшими по экономическим размерам. На них приходится около 82 % мирового ВВП [Fujita].

Региональная торговая интеграция в Азии развивается в основном в форме двухсторонних соглашений о свободной торговле (ССТ), которые стали основным направлением её либерализации в международных масштабах в начале 2000-х гг., и в рамках региональных соглашений о торговле (РСТ). В настоящее время большинство азиатских стран участвуют в ССТ и РСТ, однако эти соглашения существенно отличаются друг от друга по объёму, охвату и принятым обязательствам. По мнению ряда экспертов, такое множество договорённостей наносит ущерб внутрорегиональной торговле, т. к. провоцирует перекрёстные проблемы из-за регулирования экспортно-импортных операций, в частности, определения происхождения продуктов и других вопросов, вызванных участием стран Азии в разнородных ССТ [Kawai].

Азиатско-Тихоокеанский регион – крупнейший международный торговый партнер – постоянно увеличивает свою долю в мировой торговле. С 1948 по 2018 гг. по экспорту она выросла с 14,0 % до 33,6 %, а по импорту – с 13,9 % до 32,4 % соответственно. О масштабах экономической интеграции Азии свидетельствует рост внутрорегионального товарообмена, который за период 1990–2018 гг. увеличился более чем в 10 раз: с 0,8 трлн долл. до 8,4 трлн долл. Доля этой торговли в указанный период выросла с 45,7 % до 57,5 % общей стоимости торговых операций, а в субрегионе Восточной Азии – с 29,2 % до 55,5 %. По этому показателю азиатские страны уже приблизились к Общему рынку и превзошли Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА) [WTO...].

Растущие рынки, возникшие в ходе экономической интеграции, привлекают непропорционально большое количество фирм, стимулируя экономический рост в регионе. Компании, специализирующиеся в той или иной области производства товаров и услуг, концентрируются в странах с большим внутренним рынком, например, в Китае. В течение длительного времени Поднебесная привлекала множество многонациональных компаний, которые размещали свои предприятия в Восточной Азии. Это и сейчас вызывает опасения других азиатских государств, таких как члены АСЕАН. Если межстрановое экономическое неравенство будет расти в результате заключения новых ССТ и других интеграционных соглашений, часть стран Восточной Азии, возможно, займёт более взвешенную позицию в отношении дальнейшей экономической интеграции.

Рассматривая динамику внутрорегиональной торговли по странам-лидерам в Азии, следует отметить, что Китай увеличивал её наиболее быстрыми темпами, обогнав по объёмам Японию в начале 2000-х гг. Для Страны восходящего солнца, однако, торгово-экономические связи с Азией по-прежнему имеют большее значение – 55,2 % товарооборота против 46,2 % с Китаем [Direction...]. Глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг. вызвал снижение объёмов торгового оборота в регионе. В основе спада лежали структурные факторы: приостановка и иногда обратный ход процесса открытия рынков, изменение функционирования цепочек добавленной стоимости. После рецессии рост региональных потоков замедлился. Одной из причин торможения азиатской торговли стало снижение темпов роста импорта Китая, где наряду с общемировыми факторами сказался эффект перебалансировки спроса с внешнего на внутренний. Это негативно

повлияло на соседние страны из-за сокращения поставок из-за рубежа и, соответственно, снижения производства в странах-экспортёрах [Asia-Pacific...].

Одна из основных особенностей современного этапа регионализации – это рост числа соглашений между развивающимися странами, которые дают возможность формализовать внешнеторговые связи. На конец 2018 г. насчитывалось 155 действующих преференциальных торговых соглашений с участием как минимум одной азиатской экономики. Страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, наряду с внутрирегиональными, устанавливают торговые связи с государствами смежных регионов. В частности, существует соглашение о свободной торговле между Сингапуром и Иорданией, между Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива и Сингапуром, которые охватывают торговлю товарами и услугами, технологические процедуры, электронную коммерцию, экономическое сотрудничество, правительственные закупки, определение происхождения товаров и т. д. Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнёрстве между Индией и Республикой Кореей направлено на поддержку развития Индии как производственного центра, где корейские предприятия электроники производят товары для арабских государств.

Торгово-экономические договорённости всё в большей степени выходят за рамки исключительно торговых мер, таких как инструменты таможенного регулирования, и включают в себя торговую политику в области конкуренции, права, интеллектуальной собственности и другие направления, которые могут быть отнесены к «соглашениям следующего поколения». Почти все они содержат схемы урегулирования торговых споров, 70 % таких соглашений учитывают проблемы конкуренции, около трети – вопросы сохранения окружающей среды и примерно одна пятая часть – проблемы трудовых отношений.

В странах АСЕАН развитие экономической интеграции последовательно прошло этапы от создания в середине 1980-х гг. зоны преференциальной торговли до возникновения в конце 1990-х гг. зоны свободной торговли для десяти развивающихся стран, а затем – формирования в 2015 г. АЕС (от англ. ASEAN Economic Community – Азиатское экономическое сообщество АСЕАН). Его предполагается создать к середине 2030-х гг. как единый рынок товаров, услуг, капитала и квалифицированного труда, это объединение входит в число соглашений «следующих поколений» [Костюнина, с. 451]. Опираясь на АЕС, страны-члены АСЕАН находятся в завершающей стадии переговоров по Всестороннему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП) с участием 10 стран АСЕАН и шести партнёров по диалогу (АСЕАН+6), которые вместе будут представлять половину населения планеты и около одной трети ВВП. В декабре 2018 г. вступил в силу конкурирующий проект – Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), которое включало в себя 7 стран АТР и 5 стран Северной и Южной Америки. В дальнейшем, однако, США в одностороннем порядке вышли из этого соглашения. Тем не менее ТТП по-прежнему рассматривается как одна из самых амбициозных инициатив в области экономической интеграции, предпринятых странами АТР, с охватом как традиционной тематики международной торговли и инвестиций, так и вопросов окружающей среды и вопросов труда.

Доля внутрирегиональной торговли и прямых иностранных инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поддерживаемая сетью торговых соглашений и региональных интеграционных инициатив, в текущем десятилетии существенно вырастет. Всестороннее региональное экономическое партнёрство, когда оно будет окончательно заключено, и Транстихоокеанское партнёрство после его ратификации всеми странами могут оказать

заметное влияние на торговые потоки и глобальные и региональные производственные и сбытовые цепочки, действующие в регионе, с последующим воздействием на рынок труда. ВРЭП и ТТП должны способствовать либерализации торговых режимов и упрощению торговых процедур, а также принести выгоды в отношении общего выпуска продукции и роста занятости. Однако прирост не будет равномерно распределён по субрегионам и секторам экономики. Более того, частичное отвлечение торговых потоков стран от региональных интеграционных инициатив может привести к потере ВВП и общей занятости.

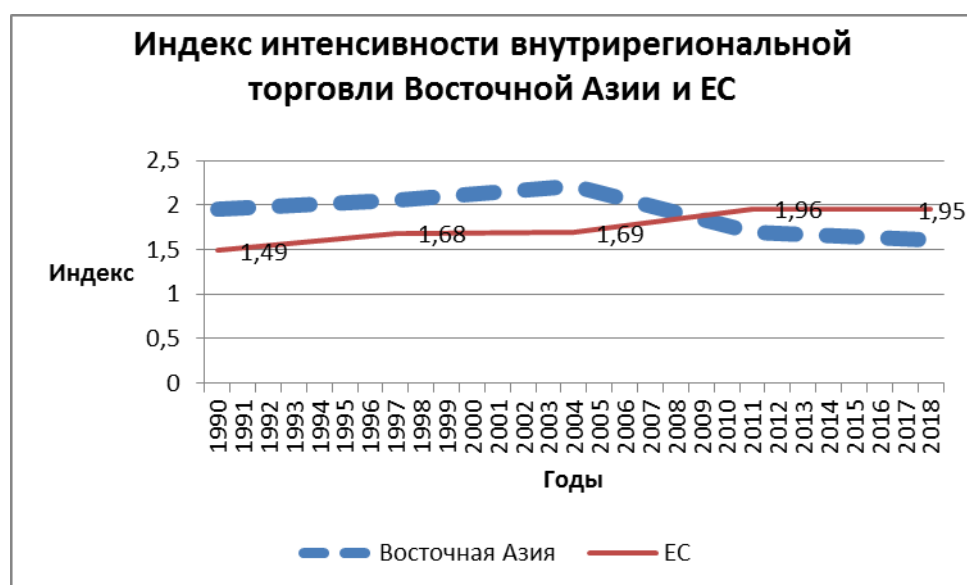

Диаграмма 1. Индекс интенсивности внутрирегиональной торговли Восточной Азии и ЕС
Источник: составлено автором по данным статистики Азиатского банка развития (АБР).

В условиях роста глобального и внутрирегионального товарооборота стран Азии необходимо выявить тенденции, определяющие их относительную важность для региона. Для этой цели применяется индекс интенсивности внутрирегиональной торговли, сопоставляющий её фактический объём с ожидаемой величиной, основанной на доле региона в мировой торговле¹.

По данным АБР, региональный индекс интенсивности торговли Восточной Азии оставался в 2018 г. на высоком уровне (значительно больше 1), но в целом в 1990–2018 гг. произошло его снижение – с 1,96 до 1,61. В первую очередь, это происходит за счёт торговли товарами промежуточного спроса, в то время как интенсивность торговли капитальными и потребительскими товарами продолжает расти. В определённой степени полученные данные свидетельствуют, что по мере роста торгового потенциала азиатских стран они по ряду торговых групп больше ориентируются на торговлю со странами вне своего региона, что ведёт к замедлению региональной торговой интеграции. В этом плане банк рекомендует формировать экономическую политику, в большей степени

¹ Индекс интенсивности межрегиональной торговли основан на сравнении фактических региональных потоков и гипотетических целей, которые были определены в состоянии равновесия. Этот показатель является отношением доли внутрирегиональной торговли к доле мировой торговли с регионом. Индекс принимает значение 1, когда страны в регионе торгуют с той же интенсивностью, что и с остальным миром. Показатели больше единицы указывают на то, что торговля региона больше ориентирована на страны-члены, чем на остальной мир, т. е. высокий коэффициент свидетельствует о том, что обмен товарами и услугами между государствами является более интенсивным, чем на это указывают обычные показатели торговли.

стимулирующую региональную торговлю товарами промежуточного спроса, а также инвестиции в их производство с тем, чтобы повысить эффективность интеграционных связей.

Взаимосвязь торговой и инвестиционной интеграции

Региональные торговые соглашения стимулируют внутрирегиональные прямые иностранные инвестиции (ПИИ), открытость коммерции тесно связана со степенью инвестиционной интеграции. Либерализация торговли является предпосылкой либерализации счета операций с капиталом. В свою очередь, инвестиционная интеграция повышает конкурентоспособность товарного экспорта, когда многонациональные предприятия быстро расширили свои производственные сети, а это существенно способствовало экономической интеграции региона.

Взаимосвязь торговой и инвестиционной интеграции Азии получила заметное развитие и стала частью экономических процессов с середины 1990-х гг., а увеличение притока прямых иностранных инвестиций – движущей силой интенсификации внутрирегиональной торговли в Восточной Азии и других субрегионах, а также локомотивом их экономического роста. Многонациональные фирмы, в частности, базирующиеся в Японии, расширили деятельность по всей Азии с помощью ПИИ и сыграли важную роль в развитии внутрирегиональных сетей производства и закупок и вертикальной экономической интеграции, которую можно наблюдать сегодня.

Если с начала 1980-х гг. основное развитие получало региональное торговое объединение, то с середины 1990-е гг. быстро расширяется тесно связанная с ним инвестиционная интеграция, поддерживаемая производственными цепочками, а также финансовая интеграция, реализуемая региональной сетью банковских операций и операций с ценными бумагами. С точки зрения её перспектив, особенно важны вопросы валютного сотрудничества и создания, в первую очередь, в Восточной Азии, собственной наднациональной валюты.

Таблица 1. Распределение ПИИ по субрегионам Азии (2018 г., %)

Субрегионы – получатели ПИИ	Регионы и страны-доноры					
	Азия	в т. ч.		ЕС	США	Прочие
		Китай	Япония			
Восточная Азия	52,7	5,9	3,6	14,1	7,3	25,9
Южная Азия	45,9	4,0	5,4	16,9	0,9	36,3
Юго-Восточная Азия	51,3	6,9	14,3	14,4	5,5	28,9
Центральная Азия	36,3	20,9	4,6	133,4	59,1	128,9
Океания	23,3	4,4	8,9	10,6	5,0	61,1

Источник: составлено на базе данных Association of Southeast Asian Nations Secretariat. ASEANstats Database. URL: <https://www.aseanstats.org/> (accessed: July 2019); United Nations Conference on Trade and Development. World Investment Report 2018 Statistical Annex Tables. URL: <http://unctad.org/en/> (accessed: July 2019).

Растущие потоки внутрирегиональных прямых инвестиций в Азию становятся одной из сторон процесса глобального прямого зарубежного инвестирования. Финансовые и структурные изменения в сфере производства и услуг, а также в финансовых условиях деятельности предприятий создали возможность для крупных азиатских фирм осуществлять капиталовложения внутри региона. Несмотря на некоторое замедление прямого иностранного инвестирования в мире, внутрирегиональные вложения в Азии продолжают увеличиваться. Их доля в общей сумме прямых инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе выросла с 40,6 % в 2001 г. до 48,2 % в 2018 г., а в стоимостном выражении – с 53,9 млрд долл. до 270 млрд долл. [FDI Statistics...].

Внутрирегиональные инвестиции в новые проекты составили почти половину притока прямых капиталовложений в регионе. Япония, КНР, Гонконг и Сингапур продолжают диверсифицировать свои международные портфели в развивающихся азиатских странах, при этом Китай и Япония являются основными странами-конкурентами в инвестиционном поле Азии. На Японию приходится 14,9 % региональных или 7,2 % глобальных инвестиций, на КНР соответственно – 12,6 % или 6,1 %. Однако эти показатели существенно различаются по отдельным субрегионам, в ряде которых Китай прочно занимает первое место [Word...]. Капиталы направляются преимущественно в Восточную, Юго-Восточную Азию, страны Океании. Приток ПИИ в другие субрегионы в большей степени ограничен из-за недостатков, связанных с экономическим потенциалом, неразвитой деловой средой и ограниченным участием в глобальных цепочках создания стоимости.

Азия является единственным регионом, в котором было зафиксировано увеличение притока ПИИ в последние годы. Рост прямых иностранных инвестиций внутри региона за 2001–2018 гг. увеличивался в среднем на 10,0 % в год. Внутрирегиональные ПИИ в Юго-Восточную Азию росли такими же темпами, за период 2001–2018 гг. с 7 млрд долл. до 76,2 млрд долл., или в среднем ежегодно на 9,2 %. В то же время Восточная Азия оставалась основным направлением притока ПИИ, по-прежнему привлекая более чем в два раза большую сумму вложений, идущих в Юго-Восточную Азию. Прямые иностранные инвестиции в этом субрегионе выросли за этот же период с 45,3 млрд долл. до 151,8 млрд долл., или в среднем на 6,4 %.

Значительная часть прямых инвестиций в регионе направлялась в новые предприятия обрабатывающей промышленности и сферу услуг, которые являются звеньями глобальных стоимостных цепочек, в то время как инвестиции за пределами региона во многом принимали форму слияний и поглощений. Дальнейшее усиление роли Азии как глобального инвестора способствует увеличению внутрирегиональной доли ПИИ, что позволяет использовать торговые и инвестиционные связи для более всеобъемлющего и устойчивого роста и в большей степени пользоваться преимуществами интернационализации, которые до сих пор получали американские и западноевропейские транснациональные корпорации.

Восточная Азия продолжает оставаться ведущим субрегионом для оттока ПИИ как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и за его пределами. ПИИ из Китая в дальнейшем будут расти. В частности, экспертами подсчитано, что можно ожидать будущих инвестиций в размере 900 млрд долл. в дороги, порты, трубопроводы и другую инфраструктуру в рамках объединённых проектов: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века».

В свою очередь, Китай продолжит привлекать ПИИ, поскольку его экономика переходит от трудоёмких отраслей с низкой добавленной стоимостью к отраслям – с более высокой. Эти преобразования поддерживаются правительственными инициативами, такими как Генеральный план нового Шёлкового пути «Сделано в Китае – 2025 г.».

АСЕАН позиционирует себя как одно из основных направлений во внутрирегиональных потоках ПИИ из Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2018 г. страны АСЕАН получили 28,2 % от общего объёма внутрирегиональных ПИИ. Ожидается, что устойчивый приток в страны АСЕАН будет способствовать росту ПИИ в Азиатско-Тихоокеанский регион в целом, частично компенсируя сокращение ПИИ в Китае.

В последние годы происходит, однако, постепенное ослабление общей инвестиционной активности в азиатском регионе, вызванное факторами политического и структурного порядка. Основная страна-инвестор – США – существенно снизила инвестиционные потоки прямых капиталовложений в азиатскую экономику, что вызвано обострением торгово-экономических отношений с Китаем, ограничением вывоза высоких технологий и репатриацией капитала в условиях проводимой в стране налоговой реформы. Китай как инвестор начал ограничивать вывоз капитала, чтобы поддержать уровень валютных резервов и курс юаня, что в целом усилило неопределённость, связанную с торгово-политической напряжённостью и повышающимися инвестиционными рисками. В частности, ПИИ в Восточную Азию из Китая, крупнейшего источника, сократились на 22 %, т. е. до 34,2 млрд долл. в 2018 г. в результате ограничительной политики и новых рамок, сжимающих отток капитала [Asia-Pacific...].

Сказывается и то, что замедляется расширение глобальных цепочек создания добавленной стоимости. Теперь набирает обороты обратный процесс: развивающийся мир Азии стремится сконцентрировать в своих границах как можно больше переделов, чтобы создавать больше добавленной стоимости внутри своих экономик и экспортировать готовую продукцию.

Новый этап финансовой интеграции

Ещё один важный фактор, определяющий настоящее и будущее экономических систем Азии, – это процесс финансовой интеграции. Раньше она была лишь одной из небольших частей общего экономического объединения, как в глобальной форме, так и в региональной, а сейчас становится всё более самостоятельным фактором, во многом определяющим жизнь региона [Ноздрев, с. 40].

Наряду с внешней торговлей и операциями по различным видам услуг существенно активизировались взаимные потоки долгосрочного и краткосрочного капиталов. Финансовые связи Азии с другими регионами мира и между собой становятся интенсивнее и разнообразнее. По мере того как на этот регион приходится всё большая часть мирового ВВП, их рынки капитала на мировой арене становятся развитыми и дерегулированными, играют более значимую роль в финансовых транзакциях с зарубежными странами.

Сейчас среди инвестиционных потоков, обеспечивающих финансовую интеграцию стран Азии с другими регионами, ведущее место занимает двустороннее движение капитала государств Северной Америки и Западной Европы. На их активы и пассивы приходится примерно 75 % кумулятивных инвестиционных потоков. Вместе с тем темпы роста

внутрирегиональных инвестиций, особенно по активам, превышают темпы роста из группы развитых стран, а доля участия последних в межрегиональных связях постепенно снижается.

Внутрирегиональные активы Азии в 2018 г. составляли 4,2 трлн долл. или 24,2 % от её общих трансграничных активов, в 2010 г. – 3,4 трлн долл. или 24,8 % соответственно. При этом удельный вес ПИИ в общей сумме региональных активов составлял 40,3 %, банковских операций – 21,6 %, портфельных долевых активов – 18,2 %, портфельных долговых активов – 17,0 % [Association...]. Как и в отношении внешних активов, финансовые связи Азии по обязательствам с остальной частью мира также были сильнее, чем внутри региона. Тем не менее внутрирегиональная доля общих трансграничных обязательств увеличилась по сравнению с 2010 г., что свидетельствует о постепенном повышении уровня региональной финансовой интеграции в целом по трансграничным пассивам.

Посткризисные внутрирегиональные инвестиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе по своей структуре несущественно отличаются от глобальных трансграничных вливаний. В настоящее время большая часть притока портфельного капитала приходится на вложения в акционерный капитал, в то время как в долговые бумаги направляется меньше, несмотря на значительные усилия развивающихся стран расширить эти рынки, что, возможно, связано с запоздалой стадией развития рынка облигаций с точки зрения их размера и ликвидности, а также с более высокой доходностью капитала по долевым обязательствам [Didier].

Фактическим центром интеграции в Азии по операциям с ценными бумагами является Китай (13,3 % всех портфельных инвестиций в акции и 10,2 % в облигации азиатских стран), имеющий более тесные связи с азиатскими финансовыми центрами: Гонконгом и Сингапуром. Являясь своеобразными воротами в Китай, первый усилил свои позиции в вывозе огромных инвестиций в Китай. Так, на долю Гонконга приходится около 40 % внешних портфельных обязательств Китая, что больше, чем у США и Западной Европы. В значительной степени это связано с мерами по либерализации капитала, в частности, запуском в 2014 г. совместных площадок Шанхай-Гонконг и Шэньчжэнь-Гонконг; прямым доступом к межбанковскому рынку облигаций Китая в 2016 г. и сети общей продажи облигаций в 2017 г., в дополнение к схеме функционирования в юанях иностранных институциональных инвесторов RQFII (от англ. Renminbi Qualified Foreign Institutional Investor – Квалифицированный иностранный институциональный инвестор) в 2011 г. Сингапур также всё чаще выступает в роли инвестора в акционерный капитал китайских компаний, привлекая значительные суммы у западных инвесторов [Basic...]. В то же время Япония, несмотря на мощный финансовый потенциал, до последнего времени была меньше вовлечена в интеграционные операции с ценными бумагами азиатских стран (в развивающихся странах Азии на Японию приходится 3,2 % всей стоимости портфельных инвестиций в акции и 3,3 % – в облигации).

В последнее десятилетие, по мере того как усилился интерес к переходу от фактической институциональной интеграции, разрабатывалось немало проектов единого финансового рынка, в первую очередь, в Восточной Азии, объединяющего основные сектора банковской деятельности и операций с ценными бумагами [Almekinders]. Но все старания генерировать единую институциональную основу азиатской финансовой интеграции, наподобие ЕС, наталкивались на сильные различия в уровне финансового развития отдельных стран, фрагментацию рынка, отсталость в системах регулирования в одних государствах при сильной продвинутой в других и т. д.

Наряду с общими соглашениями, куда входят и финансовые договорённости (АСЕАН+3), существует ряд инициатив в области финансового сотрудничества, направленных на содействие внутрорегиональной интеграции, включая Инициативу Чианг Май и Инициативу азиатских рынков облигаций.

Создание этих региональных организаций было вызвано неудовлетворённостью функционированием существующей мировой финансовой архитектуры и потребностью в получении более значительных средств на региональные проекты. Однако вследствие их узкой институциональной направленности, отсутствия эффективного механизма распределения средств эти институты не могут в полной мере выполнять возложенные на них функции. Региональное управление макроэкономического наблюдения АСЕАН+3 получило статус международного института, но его деятельность по охвату и эффективности макроэкономического и финансового надзора недостаточна для мониторинга риска финансовой стабильности в регионе.

Серьёзным препятствием на пути финансового развития региона является отсутствие каких-либо реальных шагов в области валютной интеграции, несмотря на то, что разработка различных концепций началась ещё с середины 1990-х гг. Определённым исключением здесь являются страны Восточной Азии, прежде всего АСЕАН, которые на институциональном уровне стремятся обеспечить необходимые предпосылки для налаживания сотрудничества в монетарной области [Арапова, с. 41].

Высокая зависимость этих государств от доллара подвергает их потрясениям, связанным с экономической политикой развитых стран и условиями «глобальных финансовых циклов» в потоках капиталов, ценах на активы и росте кредитования. Перед странами Азии стоит нелёгкая задача определения путей валютной интеграции и валютной единицы, которая могла бы использоваться не только для расчётов в региональном обмене товарами и услугами, но и для торговли финансовыми активами, и служила бы кредитом поддержки в случае кризиса в одной из стран-членов АСЕАН. Это уменьшило бы чрезмерную зависимость стран Восточной Азии от доллара США и сняло серьёзные дополнительные издержки, которые они вынуждены нести за роль США как кредитора последней инстанции.

Дальнейшее развитие регионализации во внешнеэкономической сфере в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне обострения протекционистских тенденций со стороны США и ожидаемых потрясений на мировом рынке капиталов может привести к фундаментальным изменениям в финансовой системе региона и снижению уровня глобальной интеграции. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии создают и развивают механизмы поддержки регионального экономического и финансового сотрудничества, кооперации и взаимопомощи, обеспечивают структуры формирования и функционирования регионального мониторинга в АСЕАН+3, прилагают усилия для укрепления финансовой стабильности в Азии. В дальнейшем этим механизмам будет отводиться важная роль в защите национальных интересов в рамках глобальных организаций, таких как Совет по финансовой стабильности и Международный валютный фонд, а также в реализации перехода к новой стадии экономического взаимодействия – валютной интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арапова Е.Я.* Азиатская валютная единица: в поисках оптимальной структуры валютной корзины // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 1. С. 40–51.
- Костюнина Г.М.* Интеграционная модель АСЕАН+1: Основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // *Вестник РУДН*. 2017. № 3. Т. 17. С. 441–457.
- Ноздрев С.В.* Новый этап формирования финансовых рынков в странах Азии. Аналитический доклад. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 8–83.
- Almekinders G., Fukuda S.* ASEAN Financial integration // *IMF Working Paper*. 2015. February. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1534.pdf> (дата обращения: 21.08.2019).
- Asia-Pacific Trade and Investment Report 2018. Recent Trends and Developments. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2018. URL: <https://www.unescap.org/ru/node/17956> (дата обращения: 26.02.2020).
- Association of Southeast Asian Nations Secretariat. ASEANstats. URL: <https://www.aseanstats.org> (дата обращения: 26.02.2020).
- Basic Statistics 2019. Asian Development Bank, 2019. URL: <https://www.adb.org/publications/series/basic-statistics> (дата обращения: 26.02.2020).
- Capital flows to Emerging markets. Institute of International finance, April 2016. URL: https://www.iif.com/portals/0/files/private/cf_0613_2.pdf (дата обращения: 26.02.2020).
- Cevik S.* Back to the Future: Fiscal Rules for Regaining Sustainability // *IMF Working Paper*. 2019. 7 November. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/11/08/Back-to-the-Future-Fiscal-Rules-for-Regaining-Sustainability-48790> (дата обращения: 26.02.2020).
- Didier Brandao, Tatiana; Llovet Montanes, Ruth; Schmukler, Sergio L.* International financial integration of East Asia and Pacific // *Policy Research working paper*. № 7772, Washington, D.C., World Bank Group, 2016.
- Direction of Trade Statistics (DOTS) // IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (дата обращения: 26.02.2020).
- East Asia Forum. 2019. 30 July. URL: <https://www.eastasiaforum.org> (дата обращения: 26.02.2020).
- FDI Statistics // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/pages/diae/fdi%20statistics/fdi-statistics.aspx> (дата обращения: 26.02.2020).
- Fujita M. (Ed).* Economic Integration in East Asia: Perspectives from Spatial and Neoclassical Economics // Edward Elgar Publishing, 2008.
- Kawai M., Wignaraja G.* The Asian 'Noodle Bowl': Is it Serious for Business? // *Asian Development Bank Institute (ADB) Working Paper Series*. 2009. № 136. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/155991/adb-wp136.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).
- M&A in a Changing World. Hong Kong // *The Economist*. 2017. 12 October. URL: <https://www.economist.com/topics/mergers-and-acquisitions>. (дата обращения: 15.06.2019).
- World Investment Report 2019 Statistical Annex Tables. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (дата обращения: 26.02.2020).

WTO. World Trade Statistical Review 2018. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

REFERENCES

Almekinders, G., Fukuda, S. (2015). ASEAN Financial Integration, IMF Working Paper, 2015, February. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1534.pdf> (accessed: 11 February 2020).

Arapova, E.Ya. (2015). Aziatskaya valyutnaya edinica: v poiskah optimal'noj struktury valyutnoj korziny [Asian currency unit: in search of the optimal structure of the currency basket], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Economic Relations], 1: 40–51. (In Russian).

Asia-Pacific Trade and Investment Report 2018. Recent Trends and Developments. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2018. URL: <https://www.unescap.org/ru/node/17956> (accessed: 11 February 2020).

Association of Southeast Asian Nations Secretariat. ASEANstats. URL: <https://www.aseanstats.org> (accessed: 11 February 2020).

Basic Statistics 2019. Asian Development Bank, 2019. URL: <https://www.adb.org/publications/series/basic-statistics> (accessed: 11 February 2020).

Capital Flows to Emerging Markets. Institute of International Finance, April 2016. URL: https://www.iif.com/portals/0/files/private/cf_0613_2.pdf (accessed: 11 February 2020).

Cevik, Serhan. (2019). Back to the Future: Fiscal Rules for Regaining Sustainability. IMF Working Paper, November, 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/11/08/Back-to-the-Future-Fiscal-Rules-for-Regaining-Sustainability-48790> (accessed: 26 February 2020).

Didier Brandao, Tatiana; Llovet Montanes, Ruth; Schmukler, Sergio L. (2016). International financial integration of East Asia and Pacific. Policy Research working paper, 7772, Washington, D.C., World Bank Group, 2016.

Direction of Trade Statistics (DOTS), IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (accessed: 26 February 2020).

East Asia Forum. 2019. 30 July. URL: <https://www.eastasiaforum.org> (accessed: 26 February 2020).

FDI Statistics – UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/pages/diae/fdi%20statistics/fdi-statistics.aspx> (accessed: 11 February 2020).

Fujita M. (Ed). (2008). Economic Integration in East Asia: Perspectives from Spatial and Neoclassical Economics// Edward Elgar Publishing, 2008.

Kawai, M., Wignaraja G. (2019). The Asian 'Noodle Bowl': Is it Serious for Business? Asian Development Bank Institute (ADBI). Working Paper Series, 2019, 136. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/155991/adbi-wp136.pdf> (accessed: 11 February 2020).

Kostyunina, G.M. (2017). Integracionnaya model ASEAN+1: Osnovnye Polozheniya Soglasheniy i Vliyanie na Vneshneekonomicheskie Svyazi [Model of Integration ASEAN+1: Basic point of agreements and impact on foreign economic relations], *Vestnic RUDN* [Herald of RUDN University], 2017, 3, vol. 17: 441–457. (In Russian).

M&A in a Changing World. Hong Kong. The Economist, 2017, 12 October. URL:<https://www.economist.com/topics/mergers-and-acquisitions> (accessed: 26 February 2020).

Nozdrev, S.V. (2018). Novyj etap formirovaniya finansovyh rynkov v stranah Azii. Analiticheskij doklad [A new stage in the formation of financial markets in Asia. Analytical report], М.: ИММО RAN, 2018: 8–83. (in Russian).

World Investment Report 2019 Statistical Annex Tables. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed: 26 February 2020).

WTO. World Trade Statistical Review 2018. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (accessed: 26 February 2020).

Поступила в редакцию 24.02.2020

Received 24 February 2020

Для цитирования: Ноздрев С.В. Азия: процессы региональной экономической интеграции // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 34–46. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10003

For citation: Nozdrev S.V. (2020). Aziya: processy regional'noj ekonomicheskoy integracii [Economic and regional integration in Asia], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 34–46. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10003

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10004

Геостратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне

В.И. Балакин

Аннотация. Идея Индо-Тихоокеанского формата, возникшая в 2006 г., стала широко пропагандироваться Абэ Синдзо, занимавшим тогда пост премьер-министра Японии. Лидер страны полагал, что партнерами в рамках названного формата станут США, Япония, Индия и Австралия. Упор в данной геополитической схеме делался на выстраивание эффективной системы сдерживания Китая. В КНР уловили этот тренд и приняли активные дипломатические меры по нейтрализации наметившейся стратегической опасности. Индо-Тихоокеанская зона сегодня является важнейшим элементом внешнеполитических стратегий и концепций Китая и США. Политика КНР в этом регионе исходит из поставленной её руководством задачи превратить страну в сильную морскую державу, что рассматривается как важная составляющая идеи последовательного возрождения китайской нации. В соответствии с ней, морской потенциал Китая должен соответствовать его комплексной государственной мощи и интересам национальной безопасности и поступательного развития КНР.

Ключевые слова: Китай, Индо-Тихоокеанский зона, соперничество КНР и США, возрождение китайской нации, комплексная мощь Китая, национальная безопасность КНР.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: prof_bvi@mail.ru

China's Geostrategy in the Indo-Pacific zone

V.I. Balakin

Abstract. The Japanese Prime Minister Abe Shinzo started protecting the idea of the Indo-Pacific format, which appeared in 2006. The Japanese leader believed, that the USA, Japan, India and Australia would join the format. In the context of this idea, the emphasis was made on building the China's effective deterrent system. The PRC caught that trend and undertook active diplomatic steps to neutralize the strategic danger. Nowadays the Indo-Pacific zone is the most important element of the overseas strategies and conceptions of China and the United States. The Chinese foreign policy in this region is determined by the Chinese leadership, which is to turn the country into a strong nautical power as a part of the integral composed idea of the Chinese nation's successive revival. According to this idea, the nautical potential of China must match its integrated state capacity and national security and progressive development interests.

Keywords: China, Indo-Pacific region, PRC-USA rivalry, revival of Chinese nation, Chinese complex power, PRC national security.

Author: Balakin Viacheslav I., PhD (Law), Leading Researcher of the Center for the Studies of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: prof_bvi@mail.ru

Введение

Геополитическая оценка Китаем Индо-Тихоокеанской зоны опирается на его усилившуюся геостратегическую позицию. Это заставляет серьёзно сомневаться в том, что США смогут удержать лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Каваго]. В связи с этим важным внешнеполитическим стимулом для администрации президента Д. Трампа стала разработка системы эффективных мер по противодействию наступательной стратегии Китая на евроазиатском континенте. В ноябре 2017 г. американский президент сформулировал свое представление о «свободном и открытом Индо-Тихоокеанском пространстве» как о зоне жёсткой конкуренции с Пекином за вовлечение в ареал политического влияния других ключевых государств данного региона. Невнятное вмешательство Вашингтона в сложную ситуацию в акватории Южно-Китайского моря побудило Китай развернуть активное военное строительство на спорных островах. В США полагают, что усилившаяся роль Индии в Индо-Тихоокеанской зоне – весьма позитивный тренд для меняющихся американских геополитических интересов, поскольку именно это формирует мощный рычаг противодействия все более сильному Китаю и закладывает конфликтный потенциал в индийско-российские отношения.

Американский взгляд на проблему

Американская сторона энергично продвигает концепцию Индо-Тихоокеанской зоны и опирается на традиционные принципы стратегического планирования, ориентированные на гибкое развёртывание сил и средств. Такая масштабная эскалация, в первую очередь, призвана сдерживать устремления Китая, который также имеет долговременные интересы в данном регионе и намерен противодействовать эффективному функционированию регионального американского военного командования, отвечающего за распространение влияния США от Тихого до Индийского океана, включая все побережье Индии [Bieri]. Вашингтон подчёркивает, что морские претензии КНР в Индо-Тихоокеанской зоне абсолютно беспочвенные, так как не имеют юридической, исторической или географической основы, а это ведёт к реальным издержкам для национальных интересов других государств. Госдепартамент и министерство обороны США продолжают обеспечивать безопасность в данном регионе и намерены укреплять там своё военное присутствие. Сегодня численность американского вооружённого состава в Индо-Тихоокеанской зоне превышает 375 тыс. человек. Таким образом Вашингтон пытается противостоять военно-политическому курсу КНР, основанному на тактике «свершившегося факта». Вкупе с географическим положением это даёт Пекину возможность воспользоваться эффектом внезапности для захвата территории того же Тайваня или островов Сэнкаку. В результате американцам останется лишь заплатить запредельную цену за освобождение названных территорий от китайского «освоения».

Индо-Тихоокеанская стратегия США сегодня – это усиление геополитического внимания к Китаю и Индии с её геостратегическим лозунгом «смотри на Восток, действуй на Востоке». На деле это означает, что умеренная американская ребалансировка в восточном полушарии станет более динамичной посредством военных сил долгосрочной политики Вашингтона. Во многом это вызвано прежней недооценкой комплексной мощи

КНР, что уже сегодня чревато значительно более серьёзными геополитическими вызовами, чем предполагалось ранее [Шифенг, Чуэфу, с. 40].

В последние годы США пересмотрели перспективы взаимоотношений с Пекином, и высшая американская элита практически единодушно решила, что выправить положение необходимо в кратчайшие сроки. По самым взвешенным оценкам в экспертных кругах США, Китай в обозримой перспективе станет самым энергичным и грозным конкурентом Штатов за всю современную историю.

Сейчас ведущие американские эксперты сходятся во мнении о том, что КНР полностью отказалась от стратегического завета Дэн Сяопина, суть которого сводилась к политической установке: «скрывать свою силу и выжидать благоприятного момента для перехода в наступление». Китайское руководство сегодня имеет реальные основания в обозримой перспективе ожидать обрушения финансовой системы США, а также упадка сложившейся ранее идеологии «вашингтонского консенсуса». Народный банк КНР открыто призывает заменить главную резервную валюту мира – американский доллар – юанем, что подтверждает серьёзность намерений Пекина повысить свой региональный и глобальный стратегический уровень. Смена геополитической парадигмы КНР фактически уже произошла в рамках идеи обновления китайского государства и перемещения акцента на повышение глобальных боевых возможностей КНР. Вступая в новую эру своего существования, Китай последовательно приближается в геостратегическом развитии к центру мировой политической авансцены [Hilpert, с. 6]. Глубоко и всесторонне продуманное создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), выдвижение инициативы «Один пояс, один путь» вместе представляют собой уникальный мегапроект Китая, направленный на единение Евразии. Это указывает на стремление Поднебесной активно играть не просто ведущую, а определяющую роль на региональном и планетарном уровнях.

Китай решительно настроен доминировать в Индо-Тихоокеанском регионе и стремится концептуально сохранить право защищать там собственные национальные интересы, прежде всего, в сфере устойчивого наращивания военно-политического потенциала. На основе своих главных национальных интересов и геостратегической перспективы КНР определяет Индо-Тихоокеанскую зону как восточную часть Индийского океана и западную часть Тихого океана. Концепция Индо-Тихоокеанского пространства позволяет из сложного комплекса составляющих её факторов выделить и даже сконструировать полноценную дипломатическую и экономическую архитектуру системы региональной безопасности. В контексте смены силовых полюсов международная общественность видит значительно более энергичное подключение Китая к интеграционным процессам региона, определяемого как «новая Азия». Текущее почти полное стратегическое переосмысление концепции Индо-Тихоокеанской зоны активно генерирует новые практические императивы для важнейших китайских военно-политических структур, которые стремятся создать тесную взаимосвязь между акваториями двух океанов, исходя из насущных потребностей общего оперативного планирования [Wallner, с. 29].

Индо-Тихоокеанская концепция способна стимулировать евроазиатскую интеграцию с учётом перехода КНР в новое геополитическое качество в соответствии с китайской идеей о «единой судьбе человечества». Официальная риторика китайского руководства провозглашает всемерное уважение к многообразию мировых цивилизаций и призывает к тому, чтобы все страны помогали друг другу в общем деле развития глобальной торговли

и инвестиционного сотрудничества. Таким образом, Китай на глобальном и особенно на региональном уровне выступает за то, чтобы каждое государство самостоятельно выбирало путь развития, и готов делиться позитивным опытом с заинтересованными партнерами, играя при этом роль ответственной державы, не терпящей ущемления своих коренных национальных интересов. Нет сомнений, что Индо-Тихоокеанская зона уже вошла в сферу приоритетных интересов КНР, и любая страна, расположенная на этой территории, развивая экономические связи с Пекином, неизбежно подвергнется мощному влиянию китайской концепции «единой судьбы человечества» [Хирокава, с. 10].

Безусловно, нынешняя геополитическая ситуация в Индо-Тихоокеанском пространстве исключительно благоприятна для Китая, так как миротворческие китайские идеи в совокупности с экономическими выгодами от широкомасштабного сотрудничества покажутся притягательными для многих государств Большой Евразии, уставших от повсеместно нагнетаемых США бессмысленных конфликтов.

Потенциал формата «Россия – Индия – Китай» для Большой Евразии

Тройственный диалог «Россия – Индия – Китай» (РИК) уже стал важнейшей частью формирующегося многополярного мира, в котором трём державам приходится согласовывать ключевые национальные интересы, особенно в тех частях света, где поодиночке у них не получается эффективно противостоять другим «центрам силы». Вступив в Шанхайскую организацию сотрудничества, та же Индия начала отказываться от навязываемых ей американских условий двустороннего взаимодействия, налаживая при этом отношения и с другими геополитическими союзами Евразии. Новые стратегические ориентиры уже получили реальное воплощение в достаточно жёстком противостоянии США и формата РИК в Индо-Тихоокеанской зоне, ввиду того, что Россия, Индия и Китай явно нацелены на углубление геополитического присутствия, прежде всего, в Юго-Восточной Азии [Ван, с. 60]. В отличие от США Россия играет в регионе регулирующую роль и по мере возможности сдерживает растущие амбиции Пекина и Нью-Дели, стремящихся стать глобальными игроками. Это положение соответствует древней китайской мудрости о двух тиграх, которым «трудно ужиться на одной горе».

В то же время динамично развивается концепция «Чиндия» (“Chindia”), представляющая собой новые точки позитивного соприкосновения Китая и Индии. Она формирует феномен взаимного успеха двух разных систем через стимулирование обеих экономик, создает возможность сообща определять контуры регионального порядка в Индо-Тихоокеанской зоне.

Для достижения геополитического консенсуса Китай и Индия вполне могут использовать Индо-Тихоокеанский формат в качестве консультационного механизма и эффективной дискуссионной площадки. Судя по всему, оба государства настроены избегать военно-политических конфликтов, способных перерасти в вооружённые столкновения, и Индо-Тихоокеанский форум способен стать точкой стратегического планирования для противодействия американскому давлению на страны Индо-Тихоокеанской зоны [Brewster, с. 14].

Россия также может усилить влияние в этом регионе, ориентируясь на свои геополитические интересы с учетом продвижения идеи Большой Евразии и укрепления

стратегических позиций в евроазиатском пространстве в смысле постепенного ограничения здесь деятельности американских военно-морских и военно-воздушных сил. При этом все практические шаги в данном направлении должны координироваться с партнёрами из Индии и КНР.

Большая Евразия вступает в так называемый многополярный возраст, когда Индо-Тихоокеанская зона становится одним из полюсов евроазиатского пространства. Это подразумевает высокоустойчивые связи между Пекином и Нью-Дели, а также достойное вхождение России в геополитическую конфигурацию последовательно реформирующегося Индо-Тихоокеанского «полюса силы».

Необходимость присутствия России на евроазиатской периферии делает её весьма востребованным игроком, поскольку зона российской ответственности уже сегодня простирается от Тихого океана до Персидского залива. С учётом высокой боеспособности тихоокеанского флота нельзя недооценивать её стратегический потенциал в Индо-Тихоокеанской зоне и богатый опыт его дипломатического применения в сложных политических условиях.

Стратегическое значение Индийского океана для России определяется прежде всего тем, что через него пролегают наиболее оптимальные маршруты транспортировки сырьевых ресурсов между Тихоокеанской и Ближневосточной зонами [Ватанабэ, с. 15]. Индо-Тихоокеанская зона становится все более значимой для российской геополитики в связи с растущей стратегической нестабильностью в целом ряде прибрежных государств этого региона. Эта неустойчивость выражается в обострении старых и возникновении новых очагов международного терроризма, наркоторговли и морского пиратства. Отвечая на вышеназванные угрозы, российский флот постепенно возвращается в акваторию Индийского океана, чтобы устранить там монопольное положение США. При этом он сталкивается с растущей конкуренцией со стороны Китая и Индии, активно заявляющих о своём праве участвовать в решении геополитических проблем. Пекин, например, не скрывает своих геополитических амбиций и явно не собирается ограничиваться бассейном Тихого океана. В своих военных планах Китай рассматривает Индийский океан как вторую по значимости, после акватории омывающих его морей, арену для соперничества. Для Индии стратегическое значение этого океана определяется целым набором факторов, связанных с развитием международной торговли и региональной безопасности. Вместе с тем все это вызывает естественные подозрения у других заинтересованных сторон, видящих в усилении военного присутствия стран-конкурентов угрозу собственным национальным интересам.

Стратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне напрямую связана с попыткой контролировать продвижение США с востока вглубь Евразии через укрепление своих позиций в морских державах восточной и южной периферии евроазиатского континента – от Южной Кореи до Аравийского полуострова. Китайская дипломатия осознает необходимость усилить внимание к попыткам США активно противодействовать деятельности формата РИК в Индо-Тихоокеанской зоне, поскольку потенциальное российско-индийско-китайское стратегическое партнёрство по активному развитию механизмов безопасности и сотрудничества на огромных сухопутных пространствах евроазиатского «хартленда» весьма беспокоит Вашингтон [Pospisil, с. 69]. КНР рассчитывает в рамках формата РИК поставить под контроль операции США по поддержке так называемой свободы навигации.

Иными словами, члены РИК стараются сохранить свою «стратегическую автономность», избегая любого прямого вовлечения Вашингтона в свои отношения. Тем не менее Индия, в отличие от РФ и КНР, довольно спокойно идёт на контакт с США по геополитическим вопросам, часто в ущерб интересам своих партнёров по РИК. Индия верит, что она – желанный геополитический партнёр для любой крупной державы, особенно для США, поскольку на Вашингтон сегодня сильно действует «фактор Китая» и его стратегическое взаимодействие с Россией, которая, по мнению американской администрации, вполне способна разыграть успешную политическую комбинацию по реальному уравниванию отношений Нью-Дели и Пекина без участия Соединённых Штатов.

Стратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне

Формируя собственную геополитическую стратегию в регионе, КНР пытается понять, какие факторы способствуют или препятствуют гармонизации действий в рамках формата РИК. Однако все они не образуют строгую формулу и трансформируются, как и их конфигурация, под влиянием изменений внешнеполитических ситуаций на региональном и на глобальном уровнях. Китай стремится как можно более чётко осознать реалистичность прогнозируемых им целей Индо-Тихоокеанского проекта. Пекин заранее готовится к различным экспериментам, удачным и неудачным попыткам добиться доверия со стороны Индии и России, побуждая их вкладывать свои ресурсы, знания и навыки в становление союзнического варианта регионального взаимодействия. Сама идея формата РИК, как её понимают сегодня в Москве, Нью-Дели и Пекине, нацелена на установление особых отношений между тремя державами, каждая из которых чувствовала бы себя равноправным субъектом во всех видах сотрудничества [Чжан, с. 3]. Для Индо-Тихоокеанской зоны это особенно важно, ввиду «отсутствия доброй воли» в данном направлении у заинтересованного игрока – Соединённых Штатов Америки. «Американский фактор» постоянно влияет на политические взаимоотношения России, Индии и Китая, создавая «квазиблагоприятный» фон для тесного взаимодействия прежде всего на региональном уровне, а также в сфере безопасности, когда борьба с международным терроризмом становится приоритетом современной внешней политики практически всех великих держав.

Региональные приоритеты РИК

Несмотря на имеющиеся объективные разногласия, Россия, Индия и Китай искренне стремятся противодействовать новым вызовам и угрозам, особенно международному терроризму в Евразии, рассчитывая в обозримой перспективе подписать конвенцию по противодействию ядерному терроризму. Основные направления работы на данном участке трёхстороннего сотрудничества включают в себя: обеспечение неотвратимости наказания террористов и серьёзное укрепление соответствующего законодательства; совершенствование учёта и контроля за ядерными материалами и объектами; самостоятельную разработку технологий, блокирующих ядерный терроризм. С учётом усиления геополитических позиций России в Индо-Тихоокеанской зоне взаимодействие в формате РИК препятствует военному доминированию США и их хищническим экономическим методам превращения региональных государств в американских «сателлитов». Примечательно, что все более важными для РИК становятся региональные приоритеты, отвечающие национальным

интересам названных стран. Это подразумевает уход от тесных альянсов с ведущими западными державами [Navedita, с. 8]. По некоторым оценкам международных экспертов, формат РИК становится всё более заметным регулятором российско-индийско-китайских региональных приоритетов в самых различных частях евроазиатского континента. В связи с этим вполне можно ожидать последовательного и, видимо, довольно интенсивного ухудшения отношений Москвы, Нью-Дели и Пекина с Вашингтоном.

Геополитическая игра двух военно-политических гигантов

Есть несколько сценариев развития геополитической ситуации в Индо-Тихоокеанской зоне. В соответствии с самым реалистичным из них, усилится напряжённость и конфронтация между США и членами формата РИК. Это грозит серьёзным усугублением региональной конфронтации в духе холодной войны с возможным перерастанием в реальные военные столкновения в разных частях региона [Wahlers, с. 99]. Пока наблюдается последовательное углубление геополитической связи между Индийским океаном и Западной частью Тихого океана. Это ещё более заметно в сфере безопасности, поскольку объективно формируется новая арена противостояния мировых держав. Экономическое развитие названной зоны выглядит весьма впечатляющим, особенно исходя из региональных темпов роста – выше среднемировых значений, в результате чего доля региона составит половину мирового ВВП.

В данной связи вполне понятным становится содержание внешнеполитической стратегии КНР в Индо-Тихоокеанской зоне, так как она формируется на основе китайского видения региональной ситуации, которое опирается на долгосрочные национальные интересы Пекина. Сотрудничая с Индией и Россией в рамках формата РИК, Китай одновременно настойчиво стремится использовать антагонистическую стратегию Вашингтона в отношении КНР, чтобы «возбудить и сплотить» против США «обиженные» американцами режимы. Последние вряд ли станут активно вмешиваться в китайско-американские интриги, чтобы не сделаться «разменными фигурами» в геополитической игре двух военно-политических гигантов, но, скорее всего, задумаются, как проводить трезвую и гармоничную региональную политику.

КНР сегодня представляет собой интенсивно растущую мировую державу, соперничающую с США, которые пока все же обладают непревзойденными возможностями на глобальном уровне. Однако в Индо-Тихоокеанской зоне, с учётом потенциала формата РИК, китайские силы вполне уравнивают американские [Хэйдзу]. КНР сейчас задействует все ресурсы, чтобы создать мощнейшие в мире военно-морские силы, показателем чего является последовательное внедрение ключевых технологий высочайшего уровня при планомерном строительстве развитого океанского флота.

Китай наращивает глобальные амбиции постепенно, разделив процесс на несколько взаимосвязанных этапов. Один из них – это формирование китайского военно-политического потенциала в Индо-Тихоокеанской зоне. Глубокое переосмысление геостратегической евроазиатской концепции диктует практические императивы для оборонных структур КНР – укрепление взаимосвязи между океанами должно быть переведено в контекст текущего оперативного планирования. Самый объективный анализ китайской геополитической стратегии на просторах Евразии показывает, что сейчас Пекин пытается перенести акцент

в своих действиях на ядро современной глобальной экономики – Индо-Тихоокеанскую зону [Pitakdumrongkit, с. 9]. Следует признать, что сдвиг в современной международной политике США прежде всего связан с повсеместным возвышением Китая в последнее десятилетие. Руководство КНР решило, что пришло время существенно повысить региональный статус китайского государства, в том числе в рамках формата РИК.

Реальные геополитические вызовы для Большой Евразии

Возвышение Китая в активной внешней политике на просторах Индо-Тихоокеанской зоны формирует абсолютно новые вызовы для евроазиатского пространства, которые приобретут острую актуальность в период 2020–2030 гг. и приведут к существенным изменениям регионального баланса сил. КНР явно рассчитывает стать крупнейшим инвестором в индийскую экономику. В связи с этим Нью-Дели придётся отстаивать свой суверенитет и достаточно жёстко конкурировать с Пекином в сфере региональных инфраструктурных проектов, в том числе опираясь на государства (США, Япония, Вьетнам), которые опасаются усиления Китая в данном регионе. Например, у США и Индии вряд ли созреет полноценное партнёрство в Индо-Тихоокеанской зоне, поскольку их общий интерес состоит только в том, чтобы сбалансировать геополитический рост КНР. По другим направлениям не следует ожидать тесного американо-индийского союза на этой территории.

Китайско-индийское взаимодействие в Евразии будет развиваться на пользу обеим странам и в перспективе станет одним из важнейших факторов трансформации региональной и глобальной архитектуры безопасности. Это позволит избегать прямой конфронтации между Китаем и Индией и каким-то образом разрешать неизбежно возникающие противоречия. Открытым остается вопрос о том, какими средствами и методами будут разрешаться эти разногласия. Иными словами, как Китай и Индия в обозримом будущем очертят рамки своего взаимодействия с учётом собственных национальных интересов [Сизуока, с. 45]? Обе страны наращивают геополитическую мощь, в первую очередь за счёт природных ресурсов соседних стран, в частности, для решения одной из ключевых проблем – нехватки пресной воды в регионе. Для этого задействуется и «мягкая сила», и открытое военное давление.

Предстоящие 15–20 лет, безусловно, станут решающими в становлении нового мирового порядка с жёсткими правилами геополитической игры на огромном евроазиатском пространстве и последующим переделом всего мира. Евразия всегда была ареной соперничества ведущих мировых держав, которые действуют как противники, совершающие сложные ходы и контрходы. Иными словами, осуществляют геополитические действия, не имеющие чётких правил, но нацеленные изменять функциональные предназначения оспариваемых территорий, в том числе в обширной Индо-Тихоокеанской зоне [Mahadevan, с. 2].

Указанный регион последовательно превращается в динамично развивающееся пространство мощного экономического роста, становится «центром тяжести» глобальной политики. Это позволяет предположить, что Пекин и Нью-Дели выстраивают сложную оперативную евроазиатскую стратегию с гибким развёртыванием сил и средств на самых критически важных направлениях. Формируется новый этап в отношениях Китая и Индии,

когда оба государства могут согласиться рассматривать друг друга как некий «стратегический тыл» и даже «буферную зону» в сферах безопасности, энергетики, рынков сбыта, транзитных коридоров, а также в последовательном противодействии влиянию Запада.

Облик китайско-индийских отношений в Индо-Тихоокеанской зоне и Большой Евразии во многом определяется системой взаимозависимостей в стратегическом треугольнике «Россия – Индия – Китай», представляет собой сложное переплетение ценностных установок, долгосрочных целей и конкретных национальных интересов. Одновременно нельзя не учитывать и объективно заданные параметры поведения других крупных держав на региональном и глобальном уровнях. Происходит естественная интеграция в рамках переплетения, взаимопроникновения и сращивания общих интересов формата РИК в направлении гармоничного соразвития без формирования единой идеологии. Сотрудничество осуществляется на основе взаимодополняемости с постепенным появлением реальной взаимозависимости между участниками, чтобы тщательно проанализировать потребности и возможности государств для выявления наиболее перспективных направлений эффективного сотрудничества [Cook, с. 46].

Взаимодействие Москвы, Дели и Пекина нацелено на усиление крупнейших континентальных держав при формировании нового регионального порядка управления на пространстве Большой Евразии, в ходе совершенствования архитектуры межгосударственных отношений. Три страны обоснованно рассчитывают на активное поступательное развитие многостороннего сотрудничества в национальных интересах и в целях комплексного обеспечения региональной безопасности. Формат РИК вполне способен осилить новый порядок управления Большой Евразией и создать почву для взаимодействия с другими крупными державами на собственных условиях. В итоге это способно привести к консолидации нормативных рамок и естественному расширению круга стратегических партнёров. Использование преимуществ подъёма Азии для выравнивания длительного дисбаланса внешней политики России, Индии и Китая, направленной на Запад, способно воплотить перспективы эффективного развития и комплексного обеспечения безопасности для продвижения проектов сотрудничества в Большой Евразии и Индо-Тихоокеанской зоне в частности.

Китай, Индия и США достаточно активно взаимодействуют в различных сферах, стараясь не ограничиваться антагонистическим балансированием и стремясь в большей степени детерминировать развитие событий на евроазиатском пространстве, поскольку формат РИК постепенно становится всё более востребованным на региональном уровне [Созя, с.18]. Международные эксперты подчёркивают, что российско-индийско-китайское взаимодействие является своего рода новой «большой игрой», ориентированной на евроазиатский континент, ответом на усиление конкуренции между пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН и укрепление влияния трёх стран РИК с точки зрения национальной безопасности, экономического развития, возведения защитного барьера против натиска демократии западного образца.

Китай рассчитывает использовать формат РИК для продвижения своего лидерства в вопросах международной и региональной политики, акцентируя внимание на создании реального геополитического противовеса американским попыткам сохранить однополярный мир. Для этого Пекину и Нью-Дели крайне важны российские высокотехнологичные военные поставки, а также признанные российские разработки в других областях, например,

в генной инженерии и фармакологии. В обозримой перспективе стратегическая логика требует от китайского руководства укрепить взаимодействие в формате РИК, поскольку КНР ни в коем случае нельзя допустить формирование в регионе какого-либо «единого фронта» против Китая и утратить репутацию державы, способной постоять за свои национальные интересы. Как полагают международные эксперты, в этой связи КНР вынуждена ужесточать политику в отношении Тайваня, чтобы заставить те же США подумать, прежде чем возобновлять практику продажи Тайбею американского вооружения, а также показать Вашингтону реальность расширения китайского военного давления на Тайвань и прекращение сложившегося «дипломатического перемирия» с Тайбеем, стимулируя таким образом отказ некоторых стран от дипломатического признания Тайваня и перенос ими своих дипмиссий в КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван Шида. Интай чжанлюе бэйцзин ся инду цаньюй «Чжун-Э-Ин» саньбянь хэцзо дэ дунинь юй цзюйсянь : [Участие Индии в Индо-Тихоокеанской стратегии: причины и пределы трёхстороннего сотрудничества в формате «Россия – Индия – Китай»] // Дунчжанья яньцзю. 2019. № 2. С. 59–71.

Ватанабэ Маю. Дзию дэ хиракарэта Индо тайхэй косо то кайё тицудзё : [Идея Индийского океана, открытого для свободного мореплавания и порядка на море]. Токио: Мэйдзи дайгаку кокусай мондай кэнкюсё, 2019.

Каваго Масахиро. «Иттай Итиро» косо то «Индо-Тайхэйё» : [Идея «Один пояс, один путь» и идея «Индо-Тихоокеанской зоны»]. Токио, Нихон Хёронся, 2018.

Сизуока Тэцуо. Тюгоку андзэн хосё репото : [Доклад о гарантиях безопасности Китая]. Токио: Бэй кэнкюсё, 2019.

Соэя Ёсихидэ. Нихон но Индо-Тайхэйё гайко то кинрин гайко : [Индо-Тихоокеанская внешняя политика Японии и соседская дипломатия] // Кокусай мондай. 2020. № 688.

Хиракава Сайко. «Иттай Итиро»-о мэгуру Тюгоку гайко то цтиики цхитсуйо но хендо : [Смена китайского внешнеполитического курса и регионального порядка в связи с концепцией «Один пояс, один путь»]. Токио: Адзиа кэйдзай кэнкюсё. Васэда дайгаку, 2019.

Хэйдзу Цуцудзи. Росиа кара мита Тюгоку сэнряку : [Стратегия Китая с точки зрения России]. Токио: Васэда дайгаку кокусай канкэй кэнкюсё. 2018.

Чжан Чунь. Сюси бянъгэ бэйцзин ся дэ саньбянь хэцзо гуаньси : [Отношения трёхстороннего сотрудничества на фоне системных преобразований]. Шанхай: Чжэсюе шэхуй кэсюе яньцзюго, 2016.

Шифэн Чзэфу. Чжунго аньцюань чжаньлюе : [Стратегия безопасности Китая]. Чжунго аньцюань баогао, Пекин, 2019.

Bieri M. China im Indischen Ozean: Wirtschafts- und Militärmacht // CSS Analysen zur Sicherheitspolitik. № 156. Zurich, 2014.

Brewster D. Between Giants: The Sino-Indian Cold War in the Indian Ocean. France: Center for Asian Studies, 2018.

Cook M. Europe in the Indo-Pacific: Moving from Periphery to the Centre? Singapore: Institute of South Asian Studies, 2019.

Hilpert H.G. Geoeconomics Meets Geopolitics. China's New Economic and Foreign Policy Initiatives. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2015.

Mahadevan P. China im Indischen Ozean: Wirtschafts und Militärmacht. Zürich: CSS Analysen zur Sicherheitspolitik, CSS ETH. 2014. № 156.

Navedita D.K. Russia-India-China: Prospects for Trilateral Cooperation. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analysis, 2019.

Pitakdumrongkit K.K. The Impact of the Trump administration's Indo-Pacific strategy on Regional economic governance. Hawaii, Honolulu: East-West Center, 2019.

Pospisil J. Die Entwicklung von Sicherheit. Österreichischen Institut für Internationale Politik. Wien: Universität Wien, 2018.

Wahlers G. Supermacht China Beherrscht Peking bald die Welt? Berlin: Konrad Adenauer Stiftung (Фонд Конрада Аденауэра), 2018.

Wallner R. Was hat China im Indischen Ozean vor? Eine Lagefeststellung. Marine Forum Berichte // Zeitschrift «Auftauchen». 2016. № 2. S. 28–30.

REFERENCES

Bieri Mattias. (2014). China im Indischen Ozean: Wirtschafts und Militärmacht. CSS Analysen zur Sicherheitspolitik, Zurich, 156. (In German).

Brewster David. (2018). Between Giants: The Sino-Indian Cold War in the Indian Ocean. Center for Asian Studies.

Cook Malcolm. (2019). Europe in the Indo-Pacific: Moving from Periphery to the Centre? Singapore, Institute of South Asian Studies.

Heizu Tsutsuji. (2018). Rosia kara mita Chugoku senryaku [China's strategy from Russia's point of view], Tokyo, Waseda daigaku kokusai kankei kenkyusyo. (In Japanese).

Hilpert Hanns Günter. (2015). Geoeconomics Meets Geopolitics. China's New Economic and Foreign Policy Initiatives. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin, German Institute for International and Security Affairs.

Hirakawa Saiko. (2019). "Ittai Ichiro"-o meguru Chugoku gaiko to chiiki chitsujo no hendo [Change in Chinese foreign policy and regional order in connection with the concept of "One belt, one road"]. Tokyo, Ajia keizai kenkyusyo. Waseda daigaku. (In Japanese).

Kawago Masahiro. (2018). "Ittai Ichiro" koso to "Indo-Taiheiyo" koso [The idea of "One belt, One road" and the idea of "Indo-Pacific zone"]. Tokyo, Nihon Hyoronsha. (In Japanese).

Mahadevan Prem. (2014). China im Indischen Ozean: Wirtschafts und Militärmacht. CSS Analysen zur Sicherheitspolitik. Zürich, CSS ETH, 156. (In German)

Navedita Das Kundu. (2019). Russia-India-China: Prospects for Trilateral Cooperation. India, New Delhi, Institute for Defence Studies and Analysis.

Pitakdumrongkit Kaewkamol Karen. (2019). The Impact of the Trump Administration's Indo-Pacific Strategy on Regional Economic Governance. Hawaii, Honolulu, East-West Center.

Pospisil Jan. (2018). Die Entwicklung von Sicherheit. Österreichischen Institut für Internationale Politik. Wien, Universität Wien. (In German).

Shifeng Chieifu. (2019). Zhongguo anquan zhanlüe [China's security strategy], Beijing, Zhongguo anquan baogao. (In Chinese).

Shizuoka Tetsuo. (2019). Chugoku anzen hosyo repoto [Report on China's security guarantees]. Tokyo, Boei kenkyusyo. (In Japanese).

Soeya Yoshihide. (2020). Nihon no Indo-Taiheiyo gaiko to kinrin gaiko [Japan's Indo-Pacific foreign policy and neighborhood diplomacy]. Tokyo, Kokusai mondai, 688. (In Japanese).

Wahlers Gerhard. (2018). Supermacht China Beherrscht Peking bald die Welt? Berlin, Konrad Adenauer Stiftung. (In German).

Wallner Raimund. (2016). Was hat China im Indischen Ozean vor? Eine Lagefeststellung. Marine Forum Berichte. Zeitschrift "Auftauchen", 2: 28–30. (In German).

Wang Shida. (2019). Yingtai zhanlüe beijing xia yingdu canyu Zhong-E-Ying sanbian hezuo de dongyin yu juxian [India's participation in the Indo-Pacific strategy: reasons and limits of trilateral cooperation in the "Russia-India-China" format]. Beijing, Dongzhangya yanjiu, 2: 59–71. (In Chinese).

Watanabe Mayu. (2019). Jiyu de hirakareta Indo taihei koso to kaiyo titsujyo [The idea of an Indian ocean open to free navigation and order at sea]. Tokyo, Meiji daigaku kokusai mondai kenkyusyo, 2019. (In Japanese).

Zhang Chun. (2016). Xiuxi biange beijing xia de sanbian hezuo guanxi [Relations of trilateral cooperation against the background of systemic transformations]. Shanghai, Zhexue shehui kexue yanjiuguo, 2016. (In Chinese).

Поступила в редакцию 29.02.2020

Received 29 February 2020

Для цитирования: Балакин В.И. Геостратегия Китая в Индо-Тихоокеанской зоне // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 47–58. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10004

For citation: Balakin V.I. (2020). Geostrategiya Kitaya v Indo-Tihookeanskoi zone [China's Geostrategy in the Indo-Pacific zone], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 47–58. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10004

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10005

Влияние раннесоветской символики России на формирование знаков государственной власти КНР в 1949 году

А.Д. Александрова

Аннотация. Основное внимание в статье уделено идее о влиянии ранней советской символики на формирование геральдических изображений на флаге и гербе КНР 1949 г. Автор рассматривает, как происходит прочтение одних и тех же символов в зависимости от культурного и политического контекста. Сравнительный анализ символики двух государств позволяет заключить, что КНР во многом опиралась на опыт СССР. Взяв за основу ленинскую концепцию построения социализма, практику её претворения в жизнь в СССР, Китай смог построить свой социализм, но уже с китайской спецификой.

Ключевые слова: символика, КНР, Россия, революция 1917 г., флаг, герб, звезда.

Автор: Александрова Анна Дмитриевна, старший лаборант-исследователь Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); ORCID 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

Influence of early Soviet symbols of Russia on the formation of the State power signs of the PRC in 1949

A.D. Alexandrova

Abstract. The main idea of the article is how the early Russian symbols influenced the formation of heraldic images of the PRC in 1949. The author analyzes, how the same symbols can be interpreted depending on the cultural and political context. It becomes obvious, that the PRC relied on the experience of the USSR in forming its symbols that mark power. Based on the idea of Lenin's concept of building socialism and how the results of the 1917 revolution affected the future of Russia, China was able to «avoid the mistakes» of the USSR and build its own socialism, but with the Chinese characteristics.

Keywords: symbolism, China (PRC), Russia, revolution of 1917, flag, coat of arms, star.

Author: Alexandrova Anna D., Senior Research Assistant of the Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation); ORCID 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

1 октября 2019 г. отмечалось 70-летие образования КНР. На грандиозном военном параде в центре Пекина были продемонстрированы не только самые современные образцы военной техники, но и символы государственной власти: красный флаг, герб, прозвучал национальный гимн «Марш добровольцев».

Накануне юбилея, давая интервью для «Российской газеты», лидер КНР Си Цзиньпин говорил не только о важности двустороннего сотрудничества, но и о «поднятии китайско-российских отношений на новые высоты в будущем». Китай и Россию связывает и экономическое сотрудничество по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), и взаимоотношения в исторической ретроспективе. Напомним, что 14 февраля 1950 г. был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между двумя странами (СССР и КНР).

В этом контексте нельзя не сказать о схожести государственной символики КНР и России, а именно о некоторых изображениях, использованных в качестве маркера власти. Ниже для сравнения представлены изображения «современных» официальных государственных символов Российской Федерации (1993 г.) (рис. 1) и КНР (1949 г.) (рис. 2). Очевидно, что между ними нет схожих черт.

Рис. 1. Официальные государственные символы Российской Федерации 1993 г.

Рис. 2. Официальные государственные символы КНР 1949 г.

При этом в изображениях гербов и флагов СССР до 1993 г. (рис. 3) и КНР (рис. 2) обнаруживается некоторое сходство.

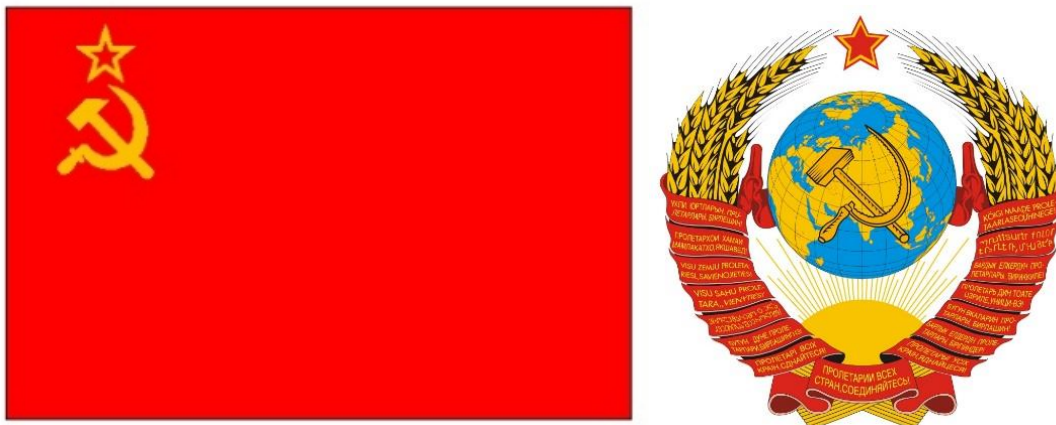

Рис. 3. Официальные государственные символы СССР 1923 г.

В приведённых изображениях в качестве схожих элементов можно выделить фон (красное знамя), изображение звезды, колосьев. Интересно проанализировать значение одних и тех же символов в российской и китайской культурах и их трактовку в зависимости от контекста. Исследуем вопрос о влиянии советской символики на формирование государственных изображений Китая в 1949 г., а также рассмотрим значение традиций в КНР.

В основе российской символики лежат изображения (символы), принятые после революции 1917 г., давшей начало формированию раннесоветской культуры и развитию ленинской концепции социализма¹. Символы становятся отражением революционных итогов и идеологии на государственном уровне. Революция постепенно начала ассоциироваться не с террором, а со свободой и борьбой за торжество социалистических идей. Хотя революция 1917 г. имела как положительные, так и отрицательные последствия для культуры России в целом, некоторые страны переняли опыт распространения «идеи коммунизма», как сделал это, например, Китай.

Мао Цзэдун отмечал, что Советский Союз на основе управления коммунистической партией «совершил революцию, одержал победу и построил великое, славное и прекрасное социалистическое государство» [Мао Цзэдун, с. 108]. Для Китая путь, пройденный Россией после 1917 г., стал примером того, как смена власти при помощи революционного переворота позволила построить новый советский мир, и как концепции западной культуры повлияли на традиционные ценности.

Рассмотрим более подробно идеи «коммунизма», заимствованные Китаем, на примере истории создания геральдических мотивов: эмблемы серпа и молота, изображения звезды и символики красного цвета.

Новая символика в России после 1917 г.

О первой официальной символике на гербе РСФСР упоминается в Конституции 1918 г. в разделе № 6 «О гербе и флаге Российской Социалистической Федеративной Советской

¹ Становление официальных символов новой власти началось с 1918 г., после V Всероссийского Съезда Советов, итогом которого стало создание первой конституции РСФСР.

Республики» (гл. 17, п. 89)². После образования СССР в 1924 г. была принята новая Конституция. В гл. 11 п. 70 («О гербе, флаге и столице Союза Советских Социалистических Республик») говорится, что «государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображённом в лучах солнца и обрамлённом колосьями, с надписью на шести языках, упомянутых в ст. 34: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Наверху герба имеется пятиконечная звезда...». Там же в п. 71: «Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного или алого полотнища с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамлённой золотой каймой. Отношение ширины к длине 1:2». Изображения серпа и молота играли ключевую роль в символике новой власти. Они акцентировали внимание на наиболее значимых концептах для большевиков и были призваны маркировать силы, благодаря которым стал возможен октябрьский переворот и которые выступали уже не только как своего рода «память о жертвах самодержавной власти», но и как основа будущего советской России, а вместе с ней и всего мира.

Вопрос о творческом поиске изображений серпа и молота (союза рабочих и крестьян) в СССР становится актуальным уже при подготовке парада к 1 мая 1918 г. (день международной солидарности трудящихся, праздник весны и труда). Перед властью стояла задача – подготовить и украсить парад и отобразить идею праздника и культуру повседневности крестьян и рабочих. Один из членов общества художников «Московский салон» В.Н. Олейник получил от Московского совета поручение организовать бригады художников для работы к 1 мая. Бригадиром группы, созданной для украшения Замоскворечья (Кремль и мосты), был выбран Е.И. Камзолкин (русский и советский художник-декоратор) [Панченков, с. 48]. Вот как в своих воспоминаниях он описывал создание декораций: «Когда я сделал эскизы украшения Серпуховской площади, я ввёл туда и стяги. Но на стягах по моему проекту должна была быть эмблема. Я поручил Олейнику спросить в Московском совете, существует ли какая-либо эмблема Советов? Оказалось, что эмблемы таковой ещё не было, но было пожелание показать объединение рабочих и крестьян, но как – ещё об этом никто не думал. Некоторые товарищи из Моссовета говорили, что хорошо было показать плуг и молот с наковальней, но это только были одни частные разговоры... Я сделал несколько набросков, и наиболее подходящие для эмблемы (перекрещивающиеся) серп и молот я и нарисовал на эскизах стягов, которые должны были висеть на Серпуховской площади» [Панченков, с. 49]. По воспоминаниям товарищей художника, именно он первым предложил изобразить новую советскую эмблему [Панченков, с. 8].

По замыслу художника, серп символизировал крестьянство (плуг, по мнению Е.И. Камзолкина, не был подходящим для эмблемы: он не очень узнаваем в качестве знака крестьянского труда, изображение громоздкое и бесформенное, а серп – графически очень чёткий и ясный знак), а молот внутри – рабочий класс. Именно предложенное им художественное оформление символов было впоследствии утверждено как государственная символика на новом гербе. К сожалению, сам Е.И. Камзолкин не смог получить

² «Герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещённых крест-накрест рукоятками книзу, окружённых венцом из колосьев и с надписью: а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [Конституция РСФСР].

прижизненного подтверждения своего авторства. Его имя как создателя знаменитой эмблемы практически нигде не упоминалось (новая власть представляла идею ее возникновения как итог коллективного труда).

Серп и молот стали символами успешно реализованного политического проекта по объединению революционной идеологии и атеистических идей: перекрещенное изображение – аллегория христианского сакрального символа – креста. Но в христианстве крест обозначает страдание и терпение, а перекрещенные орудия труда для социалистического мира означают единство рабочих и крестьян, всех трудящихся, а также победу труда над капиталом. Замена креста на эмблему продолжила тенденцию распространения в обществе атеистических идей и разрыва с традициями.

Государственные символы КНР

Флаг КНР, по аналогии с советским, представляет собой красное или алое полотнище с изображением жёлтой (в советском варианте – красной в золотом обрамлении) пятиконечной звезды (отношение ширины к длине 2:3). Истории создания флагов также во многом схожи.

Как и с эмблемами серпа и молота, был проведён открытый конкурс. В СССР – среди художников, в Китае – среди всего народа. В отличие от Е.И. Камзолкина, художника по образованию, Цзэн Ляньсун был экономистом из провинции Чжэцзян, который решил принять участие в конкурсе по политическим соображениям. Сам автор китайского герба при создании эскиза руководствовался, в первую очередь, словами Мао Цзэдуна о роли партии в жизни китайского народа и о четырёх классах [Мао Цзэдун, с. 101, с. 105]. Изображение звезды было взято из китайской поговорки «Тоска по звёздам, тоска по луне». Именно небесное тело напоминает о стремлении к недостижимому³. От эмблемы серпа и молота в КНР отказались из-за схожести с гербом СССР.

Цзэн Ляньсун получил письмо с благодарностью от главного управления Народного правительства и денежную премию за проделанную работу (в отличие от Е.И. Камзолкина). Проект Цзэн Ляньсуна конкурировал с эскизом флага, на полотнище которого предлагалось изобразить несколько горизонтальных полос, символизировавших три важные китайские реки: Янцзы, Хуанхэ и Чжунцзян. Однако от него было решено отказаться, так как флаг должен был представлять саму идею о китайском народе и отражать его взаимосвязь с традициями, а не географию страны. В проекте Цзэн Ляньсуна отражалось то, что хотело видеть руководство КНР: взаимосвязь политического, социального и культурного контекста, поэтому он и был воплощён в жизнь и по сей день является одним из официальных символов Китая.

История создания флага КНР показывает чрезвычайно важную роль традиции в культуре страны, которая проявилась и в ходе создания китайского герба. В отличие от герба СССР, который менялся несколько раз (первый раз – в 1924 г., с принятием новой конституции СССР; второй – в 1936 г., т. к. на утверждённом рисунке герба 1923 г., который был взят в качестве образца, неправильно была изображена рукоятка серпа: её утолщённая

³ Звезда – это и небесное тело, и символ недостижимости и возвышенности. Древние египтяне звездой изображали число «5» или космос, отвечающий за порядок во Вселенной. В учении пифагорейцев пятиконечная звезда олицетворяла число пять как символ всего сущего.

часть изображалась вверху, а должна была находиться внизу), герб КНР был утверждён 20 сентября 1950 г. и после этого не менялся. На нём изображаются Врата Небесного Спокойствия (вход в Императорский город – один из главных символов Китая), отражающие древние традиции китайской культуры. Вверху располагаются изображения пяти звёзд, символизирующих лидерство партии и единство четырёх классов: крестьянства, рабочих, городской мелкой буржуазии и национальной буржуазии. Одна из звёзд, самая большая и главная по отношению к остальным, символизирует Коммунистическую Партию Китая, которая объединяет и направляет остальные четыре (рис. 4).

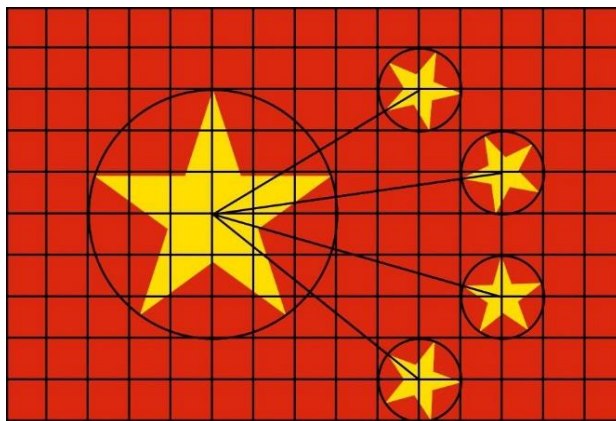

Рис. 4. Звезда в КНР

Пятиконечная звезда тесно связана с традициями. В китайской нумерологии число «5» считается крайне благоприятным, с ним связаны традиционные для Поднебесной счастливые пять благословений, а также пять сторон света. Для китайцев существует пять основных стихий и пять первоэлементов (усин): земля, вода, дерево, огонь и металл. Кроме того, именно на пентатонике основывается традиционная китайская музыка.

Жёлтый цвет, присутствующий в официальных символах власти КНР, в китайской культуре имеет сакральный и мифологический смысл. Он всегда ассоциировался с плодородием (связан с центральным элементом стихии – землёй), название одной из крупных китайских рек, Хуанхэ, переводится как «жёлтая река», обозначает принадлежность к монголоидной расе. Цвет ассоциируется и с благородным происхождением, в древности жёлтую одежду могли носить только императоры.

Помимо звезды, верхний круг герба КНР украшает изображение двойного ряда колосьев пшеницы и риса (для сравнения: на гербе СССР отсутствует рис) и шестерёнки, символизирующей рабочий класс (в гербе СССР – молот). Таким образом, в этом символе прослеживается чёткая связь политики, культуры и традиций.

В отличие от Китая, жёлтый цвет в русской культуре имеет достаточно противоречивое значение (например, символизирует измену, разлуку или благородное происхождение), поэтому на гербе и флаге СССР он использовался лишь в определённых символических изображениях колосьев и солнца. Дневное светило – символ коммунизма, выражающий идею всеобщего просветления и свободы, колосья – это богатый урожай. Следовательно, цветовая символика играла важную роль и в российской, и китайской культурах.

Символика звезды в СССР

На гербе и флаге СССР также изображена пятиконечная красная звезда. Этот символ появился в русской культуре задолго до 1917 г. Звезда как некий знак стала рассматриваться с XIX в., с начала выхода нелегальной газеты «Искра», отражающей интересы социал-демократов и посвящённой проблемам общественной мысли. В конце 1910 г. ей на смену приходит «Звезда» – большевистское легальное издание (деятельностью обеих газет занимался В.И. Ленин). Таким образом, знак этот стал ассоциироваться с «путеводной звездой» и отражать интересы «простого человека». После революции она становится знаком принадлежности к армии, выделяющим «чужих» и маркирующим «своих», своеобразным знаком отличия [Фельдман, 2006, с. 432]. Этот символ стали носить все – как изображение единства и победы новой власти. До утверждения нового проекта обмундирования для армии (1918 г.) звезду носили не только на груди, но и на головном уборе.

Форма пятиконечной звезды отражала замысел власти о распространении идей социализма на всех пяти континентах земного шара, а пять её лучей – это пять пальцев рабочей руки. Смысл знака приобретает двойственный характер: символ объединения (рабочие и крестьянство) и борьбы (армия). В отличие от КНР, на гербе и флаге СССР звезда обрамлена золотой каймой и окрашена в красный цвет.

Символика красного цвета в России и Китае

Красный цвет играет важную роль в культуре России и Китая. На обоих флагах мы видим алые ленты – символ революции и борьбы, при этом в каждой культуре красный цвет имеет своё значение.

В СССР террор, массовые убийства, война, т. е. события начала XX в., сопровождались многочисленными кровопролитными действиями, поэтому цвет одновременно олицетворял 1917 г. и воспринимался как «память о жертвах самодержавной власти»⁴.

До принятия христианства на Руси красный цвет очень часто использовался в различных ритуалах: в похоронных обрядах руки или ноги покойника перевязывали красной нитью, в свадебных – красный ассоциировался с новой жизнью (этап перехода юношей и девушек во взрослую жизнь). Также он был оберегом от злых духов и синонимом красоты и счастья.

С принятием христианства этот цвет тесно связан с прообразом святого огня. Для крестьян красный не только ассоциировался со сменой сезона и новым урожаем, но и отсылал к библейским мотивам и сюжетам. С одной стороны, это цвет дьявольского начала, но одновременно – крови (вспомним про Моисея и смоковницу, плоды которой при созревании имели красноватый оттенок. Примером также может послужить кровь агнца, которой израильтяне помазали косяки и перекладины дверей дома, спасая тем самым своих первенцев от смерти, или кровь, пролитая Иисусом Христом на кресте, как символ очищения

⁴ О значении символики красного цвета для революции упоминается в философских трудах. Например, А. Белый в работе «Символизм как миропонимание» анализирует взаимосвязь революционного начала и искусства, для которого характерны яркие цветы, взрывы и импрессия. По его мнению, именно красный цвет, в котором сосредоточены ужас огня и тернии страданий, становится цветом революции [Белый].

и спасения). Очень часто яйца на Пасху красили именно в красный (символ крови распятого Христа). В так называемом красном углу располагались иконы.

Уже после революции 1917 г. этот цвет приобретает новую семантику. Он служит уже не только знаком отличия – принадлежности к рядам Красной армии, но в одинаковой степени маркирует и дополняет образ врага, в котором принадлежность к определённому движению значила очень много (период Гражданской войны, борьба Красной и Белой армий). Д. Фельдман в статье «Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте» говорит о феномене построения идентичности с помощью цвета. Понятие «красный» характеризовало не просто политическое отношение к власти, но и особый статус. Цвет должен неразрывно связать новый революционный уклад мира с присущими ему идеологическими ценностями. Это понимание закрепилось в концепции советской эмблемы, в символике красной звезды и флагах – как изображение единства и победы советской власти. Вот почему «новые знамёна» были окрашены в красный цвет.

Кроме того, постепенно символика цвета стала появляться в календаре. «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря», подписанный В.И. Лениным 24 января 1918 г., устанавливал новые праздничные дни, которые стали называться «красными днями календаря»: 7 ноября – день памяти революции; 8 марта – праздник, посвящённый роли женщин в революционных движениях; 1 мая символизирует объединение двух главных фигур революции – рабочего и крестьянина. Они стали первыми официальными нерабочими днями после 1918 г. (кроме дня 8 марта, который становится официально нерабочим только с 1965 г.). В эти даты было принято проводить парад на Красной площади (как в случае с 7 ноября), на Ходынском поле (1 мая), а также массовые гуляния. Введение нового календаря и нового досуга окончательно разрывало связь с традициями, существовавшими до 1917 г. Постепенно 7 ноября остаётся в памяти лишь как день, когда произошла Октябрьская революция.

В отличие от России, в которой связь с традицией была оборвана после 1917 г., в Китае красный цвет до сих пор тесно увязан с древней культурой. В Поднебесной «красный цвет символизирует кровь и жизнь, вероятно, это был один из погребальных обычаев того времени», он символ процветания, счастья и новой жизни [Шэнь Чжэньхуэй, с. 179]. Также он является цветом праздника и гостеприимства [Маслов, с. 81–82]. Это и цвет китайского Нового Года, самого главного для китайцев народного праздника. Согласно легенде, в древние времена существовал свирепый зверь по имени Нянь. Весь год он проводил в морской пучине, а накануне Нового года выходил из неё, бродил по деревням, уничтожал скот и вредил людям. Победить зверя удалось только при помощи трёх сокровищ: громких вспышек ярких фейерверков (и/или хлопушек), горящих свечей и красных надписей, которые вывешивали на дверях домов. С тех пор накануне праздника соблюдаются ритуалы и традиции, которые были приняты ещё в древности. Китайцы каждый год оформляют дом и одежду украшениями в красной гамме.

Этот цвет используется и в свадебных ритуалах. Традиционно невеста надевала красное платье, символизирующее счастье и благополучие. Очень часто на нём можно было увидеть золотую вышивку в форме птиц или дракона (символов мужского и женского начала). Голова покрывалась вуалью красного цвета. В зависимости от региона форма платья менялась от традиционного облегающего с высоким воротником (север Китая) до совмещённого – жакета и нескольких надетых друг на друга юбок (юг Китая).

Красный цвет – значимый элемент праздничных мероприятий. По аналогии с 7 ноября в СССР (День Великой Октябрьской социалистической революции), в Китае существуют свои «красные» праздники. Один из них – день образования КНР. В эту дату (1 октября) устраивается военный парад. Вплоть до 1959 г. он ежегодно проводился на площади Тяньаньмэнь (после 1959 г. было принято решение о его проведении только по определённым датам; в 1984 г. была возобновлена традиция парадов), с демонстрацией военной техники армии Китая, массовыми гуляниями и фейерверками.

В этот день происходит ещё и церемония, посвящённая памяти народных героев, погибших в революционной борьбе. Последний грандиозный парад прошёл 1 октября 2019 г. и запомнился не только беспрецедентным количеством солдат и офицеров, принявших в нём участие, но и новейшим вооружением армии.

Помимо официальных символов власти, ещё одним стал образ вождя. В послереволюционной культуре России формирование образа В.И. Ленина как «простого человека» способствовало не только распространению идей коммунизма, но и созданию иллюзии, что именно он, обычный человек (в отличие от царя Николая II), способен понять всю глубину и суть крестьянских и рабочих трудностей. Очень часто его изображали на фоне города или деревни или увековечивали на монетах и памятниках (яркими примерами могут послужить, например, картины И.И. Бродского: «В.И. Ленин в Смольном» 1937 г. и «В.И. Ленин на фоне Смольного» 1925 г.; В.Н. Басова: «В.И. Ленин среди крестьян села Шушенское» 1953 г.; Н.А. Сысоева: «В.И. Ленин и Н.К. Крупская среди крестьян дер. Горки в 1921 г.» 1949 г.).

По аналогии, в КНР существовал культ личности Мао Цзэдуна. Его портреты часто выставлялись на официальных приёмах, публиковались в газетах, размещались на значках и т. д. (так же, как изображения В.И. Ленина). «Цитаты Председателя Мао» (или «Красная книжечка») анализировались и заучивались наизусть. Книга была переведена на европейские и азиатские языки. Литература становилась частью идеологии «культа личности». На плакатах того периода Мао часто изображался в одном ряду с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, что подчёркивало его концепцию выбранного пути. Оба деятеля (В.И. Ленин и Мао Цзэдун) стали символами своей эпохи и идейными вдохновителями революции и имели огромное значение для политической и культурной жизни своих стран.

Заключение

На примере приведённых геральдических мотивов мы можем увидеть, как происходит прочтение одних и тех же культурных символов (звезда, серп, молот, колосья и т. д.) по-новому, в зависимости от выбранного политического дискурса и культурного контекста. Несмотря на разные истории создания, все эти знаки были направлены на продвижение идеологии в массовое сознание. С одной стороны, революционная символика в России трансформировалась на протяжении долгого времени и в конечном итоге, после распада СССР, была заменена другими изображениями. В Китае эта же символика надолго закрепилась в сознании граждан, культуре и политике, так как сохранение роли древних традиций играло существенную роль в условиях формирования культуры Китая.

Звезда, серп и молот – все эти геральдические мотивы становятся важными символами, маркирующими новую власть. Создание названных выше эмблем и использование их для

обозначения власти стало возможным благодаря переломным моментам в истории России и КНР: с одной стороны, русская Революция 1917 г., итогами которой стало создание раннесоветской культуры и победа большевиков, с другой, приход к власти КПК – создание Китайской Народной Республики. Данная символика активно использовалась и на государственных денежных знаках, и на медалях, бонах и т. д.

Герб и флаг – это не только официальные знаки государства, с помощью которых оно выделяет себя на фоне других стран, но и отражение истории культуры и политики. По аналогии с раннесоветским пониманием символики, КНР смогла по-своему «прочитать» официальные знаки отличия. В отличие от России, где после распада СССР изображения раннесоветской символики были заменены на новые и уже не встречаются на современных денежных знаках и медалях, в Китае сохранили историческую память, что лишний раз подчёркивает значимость традиций в Поднебесной.

Таким образом, взяв за основу опыт России после 1917 г., Китай не только смог подчеркнуть взаимосвязь традиций и современности, избежать «ошибок», допущенных при строительстве нового советского мира (разрыв с традициями, атеизм и т. д.), но и построить свой собственный уникальный социализм с китайской спецификой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 568 с.

Верченко А.Л. О некоторых путях проникновения идей Октября в Китай // Стратегический партнёрский диалог между Россией и Китаем: российская революция 1917 г. глазами российских и китайских учёных / Ван Ци [и др.]; под ред. С.Б. Ульяновой, Ван Ци, С.В. Кулика. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 186–197.

Выступление Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 10.01.2020).

Интервью председателя КНР Си Цзиньпина «Российской газете» и ТАСС накануне государственного визита в нашу страну. Российская газета. Федеральный выпуск. № 120(7878). URL: <https://rg.ru/2019/06/04/si-czinpin-druzhiba-rossii-i-kitaia-izo-dnia-v-den-tolko-krepnet.html> (дата обращения: 15.01.2020).

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Лики России, 2012. 319 с.

Конституция РСФСР. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 11.01.2020).

Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 397 с.

Лосев А.Ф. Проблемы символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры [в 3 т.], Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 242 с.

Мамаева Н.Л. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции в России на развитие процесса модернизации в Китае // Стратегический партнёрский диалог между Россией и Китаем: российская революция 1917 г. глазами российских и китайских учёных / Ван Ци [и др.]; под ред. С.Б. Ульяновой, Ван Ци, С.В. Кулика. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 198–206.

Мао Цзэдун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. М.: Госполитиздат, 1960. 120 с.

Маслов А.А. Китай без вранья / А.А. Маслов. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.

Панченков В.В. Камзолкин: Дневник художника. Подольск, 2010. 272 с.

Поцелуев В.А. Гербы Союза ССР: Из истории разработки. М.: Политиздат, 1987. 166 с.

Фельдман Д.М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте / Д.М. Фельдман. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015. 480 с.

Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры / Шэнь Чжэньхуэй; пер. с кит. Фитуни О.Л. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. 319 с.

Энциклопедия Китая. URL: <https://infokitai.com/flag-kitaya.html> (дата обращения: 15.01.2020).

Figes O.G., Kolonitskii B.I. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1999. 198 p.

Rex Arvin Wade. The Bolshevik Revolution and Russian Civil War, 2001.

REFERENCE

Belyu, A. (1994). Simvolizm kak miroponimaniye [Symbolism as understanding of the world], Moscow: Respublika. (In Russian).

Entsiklopediya Kitaya [Encyclopedia of China]. URL: <https://infokitai.com/flag-kitaya.html> (accessed: 15 February 2020). (In Russian).

Feldman, D.M. (2015). Terminologiya vlasti: sovetskiye politicheskiye terminy v istoriko-kul'turnom kontekste [Terminology of power: Soviet political terms in the historical and cultural context], Moscow: FORUM: NEOLIT. (In Russian).

Figes, O.G., Kolonitskiy, B.I. (1999). Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917, New Haven; London: Yale University Press.

Interv'yu predsedatelya KNR Si Tszin'pina "Rossiyskoy gazete" i TASS nakanune gosudarstvennogo vizita v nash-ch stranu. Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk [Interview with the Chinese President Xi Jinping to Rossiyskaya Gazeta and TASS on the eve of the state visit to our country.], 120(7878). URL: <https://rg.ru/2019/06/04/si-czinpin-druzhba-rossii-i-kitaia-izo-dnia-v-den-tolko-krepnet.html> (accessed: 15 February 2020). (In Russian).

Kolonitskiy, B.I. (2012). Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda [Symbols of power and the struggle for power: to study the political culture of the Russian revolution of 1917], St. Petersburg: Liki Rossii. (In Russian).

Konstitutsiya RSFSR [The Constitution of the RSFSR], URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (accessed: 11 February 2020). (In Russian).

Lakiyer, A.B. (1990). Russkaya geral'dika [Russian heraldry], Moscow: Kniga. (In Russian).

Losev, A.F. (1995). Problemy simvola i realisticheskoye iskusstvo [Problems of a symbol and realistic art], Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Lotman, Yu.M. (1992). Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on semiotics and topology of culture], vol. 1, Tallin: Aleksandra. (In Russian).

Mamaeva, N.L. (2017). Vliyaniye Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Rossii na razvitiye protsessa modernizatsii v Kitaye [Influence of the great October socialist

revolution in Russia on the development of the modernization process in China], St. Petersburg: Izd-vo Politekhn. un-ta: 198–206. (In Russian).

Mao Zedong (1960). *Kitayskaya revolyutsiya i Kommunisticheskaya partiya Kitaya* [The Chinese revolution and the Communist party of the PRC], Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Maslov, A.A. (2018). *Kitay bez vran'ya* [China without lies], Moscow: RIPOL klassik. (In Russian).

Panchenkov, V.V. (2010). *Kamzolkin: Dnevnik khudozhnika* [Kamzolkin: the diary of the artist], Podolsk. (In Russian).

Potseluyev, V.A. (1987). *Gerby Soyuza SSR: Iz istorii razrabotki* [Coats of Arms of the USSR: From the history of development], Moscow: Politizdat. (In Russian).

Rex Arvin Wade (2001). *The Bolshevik Revolution and Russian Civil War*.

Shen' Chzhen'khuey (2019). *Ocherk kitayskoy kul'tury / Shen' Chzhen'khuey; per.s kit. Fituni O.L.* [Essay on Chinese culture / Shen of Jingwei; trans. From Chinese Fituni O.L.], Moscow: OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans». (In Russian).

Verchenko, A.L. (2017). *O nekotorykh putyakh proniknoveniya idey Oktyabrya v Kitay miroponimaniye* [On some ways of penetration of October ideas into the PRC], St. Petersburg: Izd-vo Politekhn. un-ta: 186-197. (In Russian).

Vystupleniye Si Tszin'pina na XIX Vsekitayskom s'yezde Kommunisticheskoy partii Kitaya [Xi Jinping's speech at the XIX national Congress of the Communist party of the PRC]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed: 10 February 2020). (In Russian).

Поступила в редакцию 04.03.2020

Received 4 March 2020

Для цитирования: Александрова А.Д. Влияние раннесоветской символики России на формирование знаков государственной власти КНР в 1949 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 59–70. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10005

For citation: Alexandrova A.D. (2020). Vliyanie rannesovetskoj simvoliki Rossii na formirovanie znakov gosudarstvennoj vlasti KNR v 1949 godu [Influence of early Soviet symbols of Russia on the formation of the State power signs of the PRC in 1949], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 59–70. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10005

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10006

Актуальность развития образования для пожилых людей в стареющем обществе современного Китая

А.И. Донченко

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития образования для пожилых людей в Китае как один из способов удовлетворения потребностей стареющего общества в непрерывном обучении и построении гармоничного социума. Создание образовательных учреждений разного типа для лиц «третьего возраста» способствует формированию всеобщего образовательного пространства, даёт возможность непрерывного обучения и содействует вовлечению пожилых людей в активную социальную жизнь. Сейчас можно выделить две основные формы обучения в КНР: очные занятия в институтах для пожилых людей и дистанционные в Открытом университете для пожилых людей.

Ключевые слова: Китай, институт для пожилых людей, Открытый университет для пожилых людей, образование, стареющее общество.

Автор: Донченко Анна Ильинична, переводчик Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.com

Relevance of education development for the elderly in the aging society of China

A.I. Donchenko

Abstract. The article explores the idea of fulfilling the need for a continuous education for the aging population as one of the ways of creating a balanced and harmonic society. The establishment of the educational infrastructure for people of the retirement age facilitates the formation of a common educational space and enables a continues education over the whole span of life and active involvement in the life of the society. Currently the two main branches of education can be distinguished, which are full-time classes at institutions and online education in the Open University for the Elderly.

Keywords: China, University for Elderly, Open University for Elderly, education, aging society.

Author: Donchenko Anna I., translator of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.com

Введение

Демографическое старение населения в КНР стремительно ускоряется, а общая численность граждан приближается к пиковому значению. Ожидается, что к 2023 г. Китай вступит в стадию «глубоко стареющего общества». Для страны с наибольшим количеством граждан эта проблема может стать значительным препятствием для дальнейшего интенсивного экономического развития, которым КНР выделяется в последние годы. В 2017 г. средняя продолжительность жизни китайцев составила 77 лет, что также указывает на высокую долю пожилых людей в Поднебесной. Согласно данным Национального бюро статистики КНР, к концу 2019 г. общая численность населения материкового Китая превысила 1,4 млрд чел., из них трудоспособная часть в возрасте от 16 до 59 лет составляет 896,4 млн чел., или 64 % от общей численности, т. е. изменения происходят в самой структуре населения Китая.

Сейчас люди в возрасте 65 лет и старше составляют 12,6 % граждан КНР. Следует отметить, что прирост населения от 60 лет в последнее время был небольшим. В конце 2018 г. в Китае их насчитывалось 249,49 млн чел., т. е. 17,9 % от общей численности населения. Из них 165,65 млн – в возрасте 65 лет и более, что составляет 11,9 % от общей численности населения. По данным на конец 2019 г., уже насчитывалось 253,88 млн чел. от 60 лет, что составляет 18,1 % от общей численности, из них 176,03 млн чел. – в возрасте 65 лет и старше, т. е. 12,6 % от общего количества граждан страны. Иными словами, численность пожилого населения за год (с 2018 г. по 2019 г.) увеличилась примерно на 4,39 млн чел. Предполагается, что к 2030 г. доля людей старше 65 лет в КНР превысит аналогичный показатель в Японии, и Китай станет страной с самой высокой степенью старения в мире [2019 Нянь чжунго жэнькоу лаолин хуа цюйши].

Политика властей КНР, направленная на ограничение рождаемости, позволила на длительное время снизить её коэффициент, что стало одной из причин быстрого старения населения. В 1980 г. средний возраст населения Китая равнялся 22 годам, в 2015 г. он достиг 37 лет. Ожидается, что к 2030 г. планка поднимется до 43 лет, а к 2050 г. – до 50 лет. По оценкам экспертов, к 2050 г. доля населения в возрасте 65 лет и старше составит около 30 %. Более того, из-за большой численности всего населения количество пожилых людей в Китае также беспрецедентно. Предположительно, к 2050 г. на территории страны будут проживать 390 млн чел. от 65 лет и старше.

Кроме того, годовой коэффициент рождаемости в 2019 г. снизился до 10,48 ‰, это самый низкий уровень с 1952 г. В 2019 г. в Китае родилось 14,65 млн чел., что все ещё является относительно большим числом. В 2018 г. коэффициент рождаемости составлял 10,94 ‰, и 12,43 ‰ в 2017 г. В 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ», согласно которому супруги могут иметь двоих детей, если один из родителей – единственный ребёнок в семье. Под влиянием комплексной либерализации политики в отношении рождения второго ребёнка в семье к 2019 г. доля вторых детей среди общего числа новорождённых достигла 57 % [Гоцзя тунцзи цзюй].

В последние годы число родов резко сократилось, а количество женщин детородного возраста достигло пика. В 1982 г. в Китае их проживало 250 млн – в возрасте от 15 до 49 лет,

в 2011 г. – 380 млн, в 2017 г. – 350 млн. Ожидается, что к 2030 г. их количество уменьшится до 300 млн. При этом среди них увеличилось количество женщин в возрасте 20–35 лет с 120 млн в 1982 г. до максимального значения в 190 млн в 1997 г., затем снизились почти до 170 млн к 2017 г. и, как ожидается, сократится до 110 млн к 2030 г.

Появление и развитие образования для пожилых людей

Таким образом, резкое падение рождаемости, гендерный перекос, а также увеличение средней продолжительности жизни привели к стремительному старению населения в Китае. В связи с этим всё более востребованным становится вовлечение лиц пожилого возраста в активную социальную жизнь и продление срока их трудовой деятельности. Наряду с развитием медицины, возможность непрерывного образования может способствовать повышению возраста активной старости и позволит пожилым людям вести полноценную жизнь и трудиться во многих сферах. Создание для них образовательных учреждений призвано удовлетворить потребности стареющего общества в непрерывном образовании и построении гармоничного социума. В докладе XVI Всекитайского съезда КПК говорилось, что формирование всеобщего образовательного пространства, возможность обучения на протяжении всей жизни и содействие всестороннему развитию людей является одной из целей построения благополучного общества.

Создание образовательных учреждений для лиц пожилого возраста в Китае началось в 80-х гг. прошлого века. В 1982 г. ЦК КПК опубликовало «Решение об учреждении пенсионного отдела по регулированию вопросов о выходе на пенсию», и уже в 1983 г. в провинции Шаньдун в городе Цзиньнань был открыт первый институт для пожилых людей. К настоящему времени это старейшее образовательное учреждение имеет четыре основных кампуса и два филиала, в которых обучаются более 18 тыс. зарегистрированных студентов по 60 основным специальностям [Чжунго ди и лаонянь дасюэ]. С 1984 г. и по сей день Шаньдунский институт для пожилых людей издаёт ежемесячный журнал «Образование пожилых людей».

В 1984 г. был создан Гуандунский институт Линхай для обучения лиц «третьего возраста». Ещё через год в провинции Хэйлуцзян в Харбине сформировалось научное общество по вопросам изучения образования для пожилых людей. В декабре 1988 г. была создана Китайская ассоциация институтов для пожилых людей, некоммерческая общественная организация, деятельность которой направлена на укрепление сотрудничества и более тесного взаимодействия между такими институтами по всей стране [Чжунго лаонянь дасюэ]. В настоящее время ассоциация объединяет более 70 тыс. вузов и школ для пожилых людей. В 1994 г. она вступила в Международную ассоциацию университетов для пожилых людей. Сейчас создание образовательных учреждений для лиц «третьего возраста» является важной частью социальной политики многих стран мира.

Первым программным документом национального уровня, направленным на комплексное решение задачи образования для лиц «третьего возраста», стал опубликованный в октябре 2016 г. Канцелярией Государственного совета «План развития образования для пожилых людей (2016–2020 гг.)». В нем акцентируется, что образование в старости является важной частью всей системы образования Китая. Сейчас более 20 % пожилого населения регулярно участвует в образовательных мероприятиях разного

формата [Лаонянь цзяои]. В тексте документа говорится, что люди пожилого возраста являются ценным достоянием страны и общества. Развитие образования для них – важная мера активного реагирования на проблему старения населения, она призвана улучшить качество жизни пожилых и содействовать созданию гармоничного общества. Этот план был сформулирован для реализации «Закона КНР об обеспечении прав и интересов пожилых людей» и «Национальной программы реформирования и развития образования на среднюю и долгосрочную перспективу (2010–2020 гг.)».

Основными принципами плана являются защита прав и обеспечение равных возможностей для всех граждан. Иными словами, гарантируется право на образование для людей «третьего возраста» и декларируется стремление к тому, чтобы пожилые люди разного возраста, с любым состоянием здоровья, уровнем образования и доходов имели доступ к обучению. Для этого предусмотрено в полной мере использовать различные ресурсы, составлять общие планы по укреплению организационного управления, обеспечивать доступность образования и максимально удовлетворять потребности в обучении различных типов пожилых групп, а также уделять особое внимание развитию образования пожилых людей на низовом уровне (речь идёт о самой маленькой административной единице в КНР, в городских районах к низовому уровню относятся местные общины или управляемые комитетами микрорайоны, в сельской местности – деревни, которыми управляет деревенский комитет). Для обеспечения равных условий на получение образования необходимо активно использовать интернет и другие научно-технические средства.

В «Плане развития образования для пожилых людей (2016–2020 гг.)» представлено пять основных задач для развития образования лиц «третьего возраста»:

1. Расширение образовательных ресурсов для пожилых людей. Для этого необходимо уделять приоритетное внимание развитию такого образования в городских и сельских общинах. Совершенствовать систему образования лиц старшего возраста на низовом уровне, интегрировать в систему существующие учебные заведения, окружные центры профессионального образования, поселковые культурные и технические школы для взрослых и другие образовательные ресурсы, а также музеи, культурные центры, стадионы и т. д. для проведения образовательных мероприятий для пожилых людей. Оказывать содействие профессиональным учебным заведениям в подготовке учебных программ для пожилых людей, особенно в области традиционного декоративно-прикладного искусства, медицины и здравоохранения, а также продвигать онлайн-проект «Открытый университет для пожилых людей».

2. Развитие различных форм и направлений образования для пожилых людей. Для решения этой задачи следует обогатить содержание и формы обучения лиц «третьего возраста», чтобы помочь им улучшить качество своей жизни и осознать её ценность. Применять инновационные методы обучения, сочетающие занятия в классе с различными культурными мероприятиями, использовать дистанционную и онлайн-формы передачи знаний. Изучить возможность создания постоянных мест обучения в городских и сельских домах престарелых, а также оказания комплексных услуг по реабилитационному образованию для лиц, имеющих инвалидность. Поощрять пожилых людей использовать накопленные знания в таких областях, как популяризация науки, защита окружающей среды, общественные услуги и стабильность в общественном порядке.

3. Укрепление служб поддержки. Для этого необходимо создавать общие базы данных и развивать обмен цифровыми учебными ресурсами между регионами и департаментами, провести цифровую трансформацию существующих курсов и разработать электронные ресурсы, подходящие для дистанционного обучения пожилых людей, чтобы способствовать распространению высококачественных учебных материалов в отдалённых и малонаселённых районах, осуществлять интеграцию современных информационных технологий в процесс обучения и преподавания.

4. Внедрение инновационного механизма развития образования для пожилых людей. Решение этой задачи требует более активного привлечения социума и общественных организации для обучения лиц «третьего возраста» и поощрения связи между образованием для пожилых людей и смежными отраслями.

5. Содействие устойчивому развитию образования для пожилых людей. Для этого необходимо воспитывать высококвалифицированные кадры, создавать новые специальности и курсы повышения квалификации для педагогов без отрыва от производства и проводить научные исследования этой области. Для усиления теоретических исследований на базе соответствующих университетов, научно-исследовательских институтов и образовательных учреждений для пожилых людей, следует создать несколько центров для фундаментального изучения вопроса развития образования для лиц «третьего возраста», а также академические журналы на эту тему, которые станут платформой для обмена и продвижения полученных результатов исследований. Также важно укреплять международные обмены и сотрудничество.

В настоящее время более 8 млн лиц «третьего возраста» учатся в специальных институтах, десятки миллионов человек обучаются в разных форматах, таких как общинное и дистанционное обучение. Однако спрос на образовательные услуги для пожилых значительно превышает предложение, всё ещё недостаточно ресурсов для обучения. Существует большой разрыв в развитии подобного образования между городскими и сельскими районами, поэтому решение этих проблем и устойчивое развитие образования и сферы услуг для пожилых является неотложной задачей в КНР.

Опубликованный в конце 2018 г. исследовательский отчёт «О сфере образовательных услуг для пожилых людей в Китае» показал, что для них повышение квалификации и получение дипломов не имеют большого значения. Главной целью является связь с обществом и обогащение жизни в старости. Занятия в институтах для пожилых в большей степени связаны с социализацией, у них появляется возможность формировать коммуникативный круг посредством совместного обучения, что, в конечном счёте, даёт им чувство социальной принадлежности. Данный отчёт показал, что пожилые люди хотя и с энтузиазмом относятся к образованию, их готовность платить за него всё ещё низкая.

В настоящее время в Китае существуют государственные и частные институты для пожилых людей. Частных не так много из-за проблем финансирования. Главным образом, они занимаются разработкой программ и услуг, не имея возможности полностью окупать свою деятельность за счёт платы за обучение. Один групповой курс в таком учреждении длится 5–8 недель, а стоимость колеблется в пределах 500–1000 юаней. Индивидуальные курсы, например, игры на фортепиано, стоят около 3000 юаней. Это больше, чем в государственных образовательных организациях, одна из проблем которых при этом – недостаток высококвалифицированных кадров [Лаонянь дасюэ ю дошао].

Пожилые люди предъявляют высокие требования к обучению. Большое количество обслуживающего персонала и преподавателей увольняются, не проработав и 6-ти месяцев, также существует дефицит кадров с опытом управления такими образовательными учреждениями.

В государственные институты для пожилых людей принимаются лица, вышедшие на пенсию и имеющие состояние здоровья, позволяющее самостоятельно посещать занятия и проходить программу выбранного курса. В основном возраст учащихся сосредоточен в пределах 50–65 лет. В начале каждого семестра осуществляется регистрация на курс, затем вносится полная оплата и только тогда – зачисление. Посещать можно только те курсы, на которые зачислен учащийся, менять их запрещается. Нельзя ходить на занятия с сопровождающими, детьми или животными. Самым важным требованием к учащимся является их физическое состояние, которое должно соответствовать выбранному курсу. Занятия проходят один или два раза в неделю, каждый урок длится два часа. Количество человек в группе зависит от предмета. Например, занятия по традиционной китайской живописи, каллиграфии, народному танцу, ушу проводятся в группах от 20 до 30 чел.; игре на эрху или фортепьяно – от 10 до 16 чел.; по теории музыки или поэзии – 30–40 чел. в группе; вокал – 40–70 чел. [Лаонянь дасюэ чжаошэн].

Образовательные учреждения для пожилых людей

По состоянию на конец 2016 г. численность людей в возрасте старше 60 лет в г. Гуанчжоу достигла 1,546 млн чел. Пожилое население составляет 17,8 % от всех зарегистрированных жителей, и этот показатель увеличивается из года в год. Предположительно, к 2020 г. количество лиц старше 60 лет достигнет 1,85 млн чел. Согласно правилам 2019 г., для поступления в Гуанчжоуский институт для пожилых людей необходимо соответствовать определённым требованиям: возраст от 50 до 80 лет и хорошая физическая форма, позволяющая продолжать учиться. К некоторым специальным курсам, таким как танцы и йога, не допускаются лица старше 75 лет. Кроме того, для регистрации абитуриентов старше 70 лет необходима подпись членов их семей. Место проживания учащегося значения не имеет. Гуанчжоуский институт для пожилых людей предлагает оздоровительные курсы, а также обучение игре на фортепиано, занятия по вокалу, танцам, каллиграфии и живописи, общим наукам, языкам и литературе, курсы народной музыки. Стоимость варьируется от курса к курсу, но большинство составляет от 200 до 300 юаней за семестр. Обучение вокалу и музыке дороже – от 300 до 350 юаней [2019 Нянь гуанчжоу лаожэнь].

В Уханьском институте для пожилых людей есть три основных направления обучения: публичные, профессиональные и специальные курсы. Существует семь учебных отделений, в том числе 13 основных дисциплин, включая музыку, оперу, танцевальные виды спорта, изобразительное искусство, общественные науки, язык и литературу, практические технологии, медицинское обслуживание и искусство жизни. Школа придаёт большое значение качеству обучения: более 200 предлагаемых курсов разделены на основные дисциплины, имеют единый учебный план и реализуют иерархическое обучение. По состоянию на осень 2019 г. было открыто 93 специальности, 180 курсов

и 782 учебных класса с 27,2 тыс. зарегистрированных студентов и 267 учителями, работающими на условиях полной и частичной занятости [Ухань лаоняньдасюэ].

В последние годы значительно вырос спрос на образовательные услуги для пожилых людей. Серьёзное несоответствие между спросом и предложением привело к тому, что в некоторых городах к поступающим предъявляются очень строгие требования, например, во многих государственных институтах для пожилых людей в Пекине обязательным условием зачисления является наличие у студента пекинского хукоу (прописка по месту жительства – прим. авт.). Чтобы поступить в институт, часто приходится ждать своей очереди в течение нескольких лет. К тому же существуют курсы, такие как каллиграфия, живопись, фотография и др., которые длятся в течение 1–3 лет, на них не набирают студентов и редко высвобождаются места, поэтому на подобные занятия очень сложно попасть. Эта проблема существует не только в Пекине, но и во многих других городах. Людям приходится задолго до начала регистрации выстраиваться в очередь, чтобы иметь шанс записаться на курсы. Всестороннее продвижение информационных технологий в сфере образования для лиц «третьего возраста» сейчас является приоритетной задачей. В 2019 г. самым большим изменением стало введение онлайн-регистрации и онлайн-оплаты при поступлении в институты.

На фоне стремительно растущего в последние годы спроса на образовательные услуги многие провинции и города предложили ускорить развитие образования для пожилых людей. В марте 2019 г. провинция Хунань выпустила «План развития образования для пожилых людей провинции Хунань (2019–2022 гг.)», который предполагает, что к 2022 г. в этой провинции будет создан хотя бы один институт для пожилых людей на уровне уезда и выше, в 60 % городов и 30 % деревень будут открыты образовательные центры для лиц «третьего возраста», а количество пожилых людей, регулярно участвующих в образовательных мероприятиях составит более 30 % от их общего числа.

Реализуя изданную в сентябре 2013 г. Госсоветом КНР программу «Несколько предложений об ускорении развития сферы услуг по уходу за пожилыми людьми», Национальный открытый университет в январе 2015 г. официально учредил Открытый университет для пожилых людей.

Он даёт доступ к дистанционному образованию посредством обучения в онлайн и в автономном режиме Национального открытого университета. Его задача – направлять и поощрять большее количество пожилых людей к самостоятельному обучению и получению непрерывного образования в соответствии со своими собственными увлечениями и жизненными потребностями. Это учебное заведение было создано совместно с канцелярией Национального комитета по делам престарелых, Китайской ассоциацией социального и пенсионного обеспечения Министерства по гражданским вопросам и Центром оценки профессиональных навыков Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения и является первым подобного рода университетом в Китае. С момента своего создания он использует самые современные методы для разработки программ обучения, создания информационных платформ, ресурсов и демонстрационной базы.

В настоящее время на базе отделений и институтов Национального открытого университета создано 24 филиала Открытого университета для пожилых людей, а в стадии строительства находятся ещё 9. В Открытом университете для пожилых людей можно получить образование, предусматривающее последующую выдачу диплома, или пройти

обучение без получения свидетельства. К настоящему моменту в общей сложности насчитывается 10 896 зарегистрированных студентов, было выдано более 3000 дипломов. Планируются и разрабатываются такие образовательные программы, как «Лекционный зал для пожилых людей Национального открытого университета», образовательный туризм, обучение каллиграфии и традиционной китайской живописи. Также формируется многомерная учебная платформа для пожилых людей, для них уже созданы Китайская образовательная сеть, учебная сеть Открытого университета, сообщество Открытого университета, новые медиаматрицы и другие трёхмерные обучающие сети, мобильное приложение и т. д. В настоящее время общее количество зарегистрированных пользователей составляет 34 тыс. чел., мобильное приложение установили 155 тыс. чел., а общее количество посещений составило 20 млн раз. Открытый университет для пожилых людей собрал около 200 тыс. минут высококачественных цифровых учебных материалов, а также составил и опубликовал «Каталог образовательных ресурсов для пожилых людей». В настоящее время на сайте университета собрано около 5000 высококачественных учебных курсов и продолжается разработка ряда новых [Лаонянь кайфан дасюэ].

Создание Открытого университета для пожилых людей заложило хороший фундамент для развития дистанционного образования, направленного на преодоление временных и пространственных ограничений и способного предоставить многоуровневые и разнообразные обучающие услуги для лиц «третьего возраста».

Заключение

В Китае, который постепенно входит в стадию «стареющего общества», всё больше внимания уделяется развитию рынка услуг для лиц так называемого третьего возраста, в частности, особую поддержку руководства страны получило развитие образования для пожилых людей. Принятый в 2016 г. «План развития образования для пожилых людей (2016–2020 гг.)» способствовал более комплексному и скоординированному решению вопроса. За четыре года количество учебных учреждений для пожилых значительно увеличилось, в настоящее время в каждой провинции Китая действует как минимум один такой институт, в ряде крупных городов создано несколько подобных учреждений. Постоянно растущий спрос на образовательные услуги для людей «третьего возраста» позволяет заключить, что в ближайшие 10–20 лет сфера образования для них будет расширяться, а количество образовательных учреждений значительно увеличится. Также следует отметить, что в настоящее время наметилась определённая позитивная тенденция по поддержке государством развития частных учебных заведений для пожилых людей, которая может выразиться в предоставлении преференций по налогообложению, аренды со скидкой, выдаче льготных кредитов.

Многие из поколения 60-летних получили хорошее образование в молодости и после выхода на пенсию стремятся сохранять активный образ жизни. Вовлечение в образовательные программы способствует повышению качества их жизни и гармонизации общества в целом. Эта категория пожилых людей готова активно использовать инновационные информационные технологий для непрерывного образования, поэтому развивающиеся в настоящее время дистанционные формы обучения пользуются большим спросом, особенно у жителей сельских, удалённых и малонаселённых районов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

2019 Нянь гуанчжоу лаожэнь дасюэ шоуфэй бяочжунь : [Плата за обучение в Гуанчжоуском институте для пожилых людей в 2019 г.]. URL: <https://mip.qcaijing.com/industry/20190327/4303.html> (дата обращения: 5.01.2020).

2019 Нянь чжунго жэнькоу лаолинхуа цюйши, лаолинхуа взэньти цзи дайлайдэ инсян фэньси : [2019 г. Анализ тенденции старения населения Китая, проблемы старения и влияние]. URL: <http://www.chyxx.com/industry/201910/799008.html> (дата обращения: 15.11.2019).

Гоцзя тунци цзюй: 2019 няньмо, вого лаонянь жэнькоу дадао 2.54 и жэнь : [Национальное бюро статистики: к концу 2019 года пожилое население Китая достигло 254 млн]. URL: https://www.sohu.com/a/368415282_99914229 (дата обращения: 2.01.2020).

Лаонянь дасюэ чжаошэн цзяньчжан : [Правила набора студентов в институт для пожилых людей]. URL: <http://www.scuec.edu.cn/s/22/t/1558/23/f2/info140274.htm> (дата обращения: 5.01.2020).

Лаонянь дасюэ ю донаньшан: яо бэйцин хукоу, яо пай е дэ дуй : [Институты для пожилых людей: нужен пекинский хукоу, нужно всю ночь стоять в очереди]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1647894760522003263&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 25.01.2020).

Лаонянь кайфан дасюэ : [Открытый университет для пожилых людей]. URL: <http://www.lndx.edu.cn/> (дата обращения: 12.01.2020).

Лаонянь цзяои фачжань гуйхуа (2016–2020 нянь) : [План развития образования для пожилых людей (2016–2020 гг.)]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-10/19/content_5121344.htm (дата обращения: 25.01.2020).

Ухань лаоняньдасюэ : [Уханьский институт для пожилых людей]. URL: <http://www.wuhanua.org.cn/html/xxjj/2011/0818/12.shtml> (дата обращения: 12.01.2020).

Чжунго дии лаонянь дасюэ ин цзяньсяо 30 чжоунянь : [Первый в Китае институт для пожилых людей празднует свое 30-летие]. URL: <https://www.zz-news.com/com/lmjylndx/news/itemid-523181.html> (дата обращения: 25.01.2020).

Чжунго лаонянь дасюэ сехуэй : [Ассоциация Институтов для пожилых людей]. URL: <https://www.caua1988.com/#/> (дата обращения: 25.01.2020).

REFERENCES

2019 Nian guangzhou laoren daxue shoufei biao zhun [Fee for tuition at the Guangzhou Universities for the Elderly in 2019]. URL: <https://mip.qcaijing.com/industry/20190327/4303.html> (accessed: 5 January 2020). (In Chinese).

2019 Nian zhongguo renkou laolinghua qushi, laolinghua wenti ji dailaide yingxiang fenxi [2019 Analysis of China's aging trend, aging problems and impact]. URL: <http://www.chyxx.com/industry/201910/799008.html> (accessed: 15 November 2019). (In Chinese).

Guojia tongji ju: 2019 Nianmo, woguo laonian renkou dadao 2.54 yi ren [National Bureau of Statistics: by the end of 2019, China's elderly population has reached 254 million]. URL: https://www.sohu.com/a/368415282_99914229 (accessed: 2 January 2020). (In Chinese).

Laonian jiaoyu fazhan guihua (2016–2020 nián) [Education Development Plan for the elderly (2016–2020)]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-10/19/content_5121344.htm (accessed: 25 January 2020). (In Chinese).

Laonian daxue you duo nan shang: Yao beijing hukou yao pai yi ye de dui [Universities for the elderly]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1647894760522003263&wfr=spider&for=pc> (accessed: 25 January 2020). (In Chinese).

Laonian daxue zhaosheng jianzhang [Student admission rules to the universities for the elderly]. URL: <http://www.scuec.edu.cn/s/22/t/1558/23/f2/info140274.htm> (accessed: 5 January 2020). (In Chinese).

Laonian kaifang daxue [Open University for the Elderly]. URL: <http://www.lndx.edu.cn/> (accessed: 12 January 2020). (In Chinese).

Wuhan laonian daxue [Wuhan universities for the Elderly]. URL: <http://www.wuhanua.org.cn/html/xxjj/2011/0818/12.shtml> (accessed: 12 January 2020). (In Chinese).

Zhongguo diyisuo laonian daxue xiying jianxiao 30 zhounian [China's first University for the elderly celebrates its 30th anniversary]. URL: <https://www.zz-news.com/com/lnjylndx/news/itemid-523181.html> (accessed: 25 January 2020). (In Chinese).

Zhongguo laonian daxue xiehui [China Association of the universities for the elderly]. URL: <https://www.caua1988.com/#/> (accessed: 25 January 2020). (In Chinese).

Поступила в редакцию 12.03.2020

Received 12 March 2020

Для цитирования: Донченко А.И. Актуальность развития образования для пожилых людей в стареющем обществе современного Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 71–80. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10006

For citation: Donchenko A.I. (2020). Aktual'nost' razvitiya obrazovaniya dlya pozhilyh lyudej v stareyushchem obshchestve sovremennogo Kitaya [Relevance of education development for the elderly in the aging society of China], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 71–80. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10006

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10007

Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года

О.И. Казаков

Аннотация. В статье анализируются данные 2019 г. по въездному туризму из стран Восточной Азии и других регионов в Японию – накануне Олимпийских и Паралимпийских игр 2020 г. Представлена оценка причин, которые могут помешать японской стороне принять 40 млн иностранных гостей, как это было запланировано, прежде всего, из-за всемирной пандемии коронавируса. Рассмотрена ситуация в российско-японском взаимном туризме, которая характеризуется в целом позитивной динамикой, но низкими показателями. Пока задача выхода на количественный уровень – 400 тыс. гостей во взаимном туризме – далека от разрешения. Даются рекомендации по развитию взаимного туризма как одного из показателей развития российско-японских отношений.

Ключевые слова: Восточная Азия, Япония, Китай, Олимпийские игры, российско-японские отношения, туризм, иностранный туризм, взаимный туризм, коронавирус.

Автор: Казаков Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov@ifes-ras.ru

Japan's inbound tourism on the eve of the 2020 Olympic Games

O.I. Kazakov

Abstract. The article examines the data on Japan's inbound tourism from the East Asian countries and other regions in the course of 2019, i.e. on the eve of the 2020 Olympic and Paralympic Games. The author assesses the risks that may hinder the Japanese side to achieve the task of hosting 40 mln foreign tourists in 2020 such as the outbreak of coronavirus pneumonia in China. The paper considers the situation in the field of the Russian-Japanese mutual tourist exchange, which in general shows positive dynamics, though with weak indicators. The preliminary goal to achieve a key figure of 400 thousand guests in the mutual tourist exchange is far from being attained. The author suggests some measures to enhance mutual tourism between Russia and Japan, which is an important indicator in the development of the Russian-Japanese relations.

Keywords: East Asia, Japan, China, Olympic Games, Russian-Japanese relations, tourism, inbound tourism, mutual tourism, coronavirus.

Author: Kazakov Oleg I., Head of the Scientometrics and Information Technology Dept., Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov@ifes-ras.ru

Олимпиада 2020 года в Японии и коронавирусная угроза

Как предполагалось, 24 июля 2020 г. в Японии должно было состояться открытие XXXII летних Олимпийских и Паралимпийских игр, на которые приедут десятки тысяч иностранных гостей, что усилит нагрузку на инфраструктуру, поддерживающую въездной туризм Японии. Страна на всех уровнях государственной власти, общества и бизнеса активно готовилась к этому знаменательному спортивному событию, решая многие задачи: от строительства новых спортивных сооружений до вопросов безопасности. На организацию Олимпиады–2020, которая продлилась бы до 9 августа, было выделено порядка 2 трлн иен (17,8 млрд долл.).

Рис. 1. Новый национальный стадион Японии, на котором 24 июля 2020 г. намечалась церемония открытия Олимпиады–2020, а на протяжении игр ожидалось проведение череды мероприятий. Фото из открытых источников.

За два дня до открытия игр планировались соревнования по женскому футболу и софтболу. В Олимпиаде–2020 ожидалось рекордное количество состязаний – 339 в 33-х видах спорта, в том числе 18 соревнований в 5-ти новых видах спорта (в список добавлены бейсбол и софтбол, скейтбординг, серфинг, *катэ* и спортивное скалолазание) [Ishikawa Chiaki]. Эстафета Олимпийского огня по территории Японии должна была стартовать 26 марта в преф. Фукусима, что призвано продемонстрировать всему миру, как регион Тохоку на северо-востоке страны восстанавливается после землетрясения, цунами и атомной техногенной катастрофы 2011 г. Факел с Олимпийским огнём должны были пронести по территории всех 47-ми префектур Японии во время эстафеты в 121 день.

Паралимпийские игры должны были пройти с 25 августа по 6 сентября 2020 г. В них ожидалось участие рекордного числа паралимпийцев – около 4 тыс. 400 спортсменов. Паралимпиада по плану включала в себя 539 соревнований в 22-х видах спорта.

Официальным слоганом Олимпиады–2020 стала фраза «United by emotion» (англ. «Объединенные одним чувством»).

Но уже в начале 2020 г. помимо традиционных вызовов, связанных с характерными для Японии стихийными бедствиями¹ и периодически обостряющимися политическим конфликтами с соседними странами², появились новые, которые оказали катастрофическое влияние на проезд в Японию туристов.

Речь идёт об эпидемиологической ситуации в Китае, начавшей обостряться уже в первых числах 2020 г. В конце 2019 г. в китайском г. Ухань произошла вспышка пневмонии из-за коронавируса 2019-nCoV³. Первый удар пришёлся по экономике КНР и туристической отрасли других стран, поскольку китайцы являются лидерами по въездному зарубежному туризму. Уже во время Лунного Нового года – одного из крупнейших туристических сезонов в Азии – туристическим агентствам в Китае было приказано отменить групповые выезды, были ограничены поездки из г. Ухань, оттуда началась эвакуация иностранцев, включая японских граждан [China virus...].

В Японии считают, что вспышка коронавируса ставит перед японской экономикой множество проблем, в том числе ключевую инициативу администрации Абэ Синдзо – содействие въездному туризму. Начиная с 2012 г. он был одним из немногих секторов, где наблюдался быстрый рост в ставшей уже традиционно застойной экономике страны. Высокопоставленные правительственные чиновники и особенно главный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ рекламировали «взрывной» въездной туризм в стране как успешный пример реализации своих экономических инициатив.

Действительно, число иностранных туристов возросло с 8,36 млн в 2012 г. до 31,88 млн в 2019 г., в основном благодаря снижению курса иены и инициативе Ё. Суга по упрощению визовых условий Японии для туристов из других азиатских стран, особенно из Китая. Общие расходы иностранных гостей в Японии также увеличились примерно с 1,1 трлн иен до 4,8 трлн иен за тот же период: китайские туристы потратили до 36,8 % от общих расходов на туризм в 2019 г., за ними следуют тайваньцы – 11,4 % и южнокорейцы – 8,7 %. В официальном документе за 2018 г. Японское агентство по туризму (англ. Japan Tourism Agency) заявляло: «Было подтверждено, что последствия от въездного туризма... превращаются в один из главных двигателей роста японской экономики» [Yoshida Reiji].

Неудивительно, что из-за риска распространения заболевания за пределами КНР в начале 2020 г. резко сократился приток туристов в Японию из Китая, который в свою очередь стали покидать японцы. По данным на 1 февраля 2020 г. в Японию вернулись на зафрахтованных правительством самолётах в общей сложности 565 граждан страны. Около 140 оставшихся в г. Ухань японцев тоже изъявили желание вернуться на родину. При этом они считают, что необходимо больше координации с китайским правительством, поскольку

¹ В 2019 г., в частности, Япония серьёзно пострадала от сентябрьского тайфуна № 15, повредившего многие сельскохозяйственные угодья страны (ущерб оценивается в размере около 750 млн долл.) и октябрьского тайфуна № 19 (ущерб – более 2,5 млрд долл.).

² В 2019 г., в частности, обострились отношения между Японией и Республикой Корея.

³ 31 декабря 2019 г. власти Китая сообщили Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о вспышке неизвестной пневмонии в г. Ухань. Возбудителем болезни назван коронавирус (лат. coronavirus) 2019-nCoV. Позднее ВОЗ признала эту вспышку пневмонии чрезвычайной ситуацией международного масштаба. В феврале ВОЗ сообщила о присвоении заболеванию от нового коронавируса названия COVID-19 (англ. Corona Virus Disease 2019), которое не связано с географическим местоположением, названием животных, частных лиц и групп. 11 марта 2020 г. ВОЗ в связи с ситуацией с COVID-19 объявила о пандемии.

некоторым сложно добраться до аэропорта в г. Ухань из-за большого расстояния до города, а другие испытывают трудности с отъездом, так как состоят в браке с китайцами, которым не разрешено уезжать [Fourth airlift from Wuhan...].

Премьер-министр Японии С. Абэ был настроен быстро решать возникшую проблему. Он заявил, что началась разработка новых тестов для обнаружения нового коронавируса с целью более быстрого выявления заражения. 3 февраля 2020 г. С. Абэ сообщил бюджетному комитету нижней палаты, что для остановки распространения вируса будут расширены внутренние инспекции. Он сказал, что чиновники работают над созданием структуры, которая позволила бы частным фирмам проводить тесты на вирус в дополнение к государственным институтам. Он отметил важность укрепления государственной системы борьбы с инфекционными заболеваниями, поэтому структура кризисного управления в стране постоянно пересматривается. Глава Японии также подчеркнул, что будет уделять первостепенное внимание жизни и здоровью людей и оперативно примет необходимые меры для преодоления ситуации с коронавирусом, которая меняется каждый день [Abe: Coronavirus test...].

В то же время об отмене Олимпиады–2020 в Японии до марта речь не шла⁴. На вопрос оппозиционного депутата об угрозе коронавируса для проведения Олимпиады–2020 С. Абэ заявил, что «мы ответим (на этот вызов. – прим. авт.) соответствующим образом в тесном сотрудничестве с Всемирной организацией здравоохранения и другими международными организациями...» [Abe brushes aside...]. 6 февраля Организационный комитет Олимпийских игр 2020 г. принял решение создать рабочую группу, которая будет заниматься противодействием распространению коронавируса и его потенциальному негативному воздействию на ход проведения предстоящих игр. Группа планирует обсудить конкретные меры по обеспечению безопасности спортсменов и зрителей при подготовке к эстафете факела, во время тестовых соревнований и самих игр [Tokyo Olympic coronavirus...].

Однако оценить фактический вред, который принёс китайский коронавирус туристической отрасли Японии можно будет лишь по результатам 2020 г. По оценке Международной организации гражданской авиации (ИКАО, от англ. ICAO – International Civil Aviation Organization), специализированного учреждения ООН, возможные потери туристической индустрии Японии в первом квартале 2020 г. составят почти 1 млрд 300 млн долл. [Economic impact estimates...]. В начале марта Организация экономического сотрудничества и развития сообщила, что даже в случае ограниченных вспышек в странах за пределами Китая ожидается резкое замедление мирового роста экономики в первой половине 2020 г., поскольку пострадают цепочки поставок товаров и туризм, а доверие потребителей к производителям ослабнет. Глобальный экономический рост в целом снизится в течение всего года до 2,4 % по сравнению с уже слабым ростом в 2,9 % 2019 г. Ожидается, что в 2021 г. он вырастет до скромных 3,3 %. При этом в Азиатско-Тихоокеанском регионе спад может достигнуть до 1,5 % в 2020 г., меры по сдерживанию и потеря доверия негативно повлияют на производство и расходы и приведут некоторые страны к рецессии, включая Японию и зону евро [Global economy...]. 25 марта Международный олимпийский комитет

⁴ Хотя в марте 2020 г. Организационный комитет летних Олимпийских игр 2020 г. в Токио заявил о том, что считает оптимальным решением в связи со вспышкой коронавируса не их отмену, а перенос соревнований на два года, поскольку финансовые издержки после отмены Олимпиады или проведения её без зрителей будут слишком велики.

(International Olympic Committee) и С. Абэ заявили о переносе Олимпиады на год [Eddie Pells...].

Иностранные туристы и иностранцы в Японии

После 11 марта 2011 г., когда произошло так называемое Великое бедствие на Востоке Японии – техногенная авария на АЭС «Фукусима-1», туристическому бизнесу как одному из источников пополнения бюджета страны стало уделяться особое внимание. Начиная с 2012 г. в Японии фиксируется устойчивый рост въездного туризма. К Олимпийским и Паралимпийским играм 2020 г. правительство запланировало принять 40 млн иностранных туристов. При этом Япония предпринимает дополнительные усилия по созданию благоприятных для иностранных туристов условий посещения страны, включая упрощенное получение виз и расширение транспортных каналов, а также более комфортное и насыщенное пребывание гостей на её территории. Эта политика приносит свои плоды. Как представляется, помимо чисто прагматической, экономической составляющей, иностранный туризм Японии уже стал важной частью её «мягкой силы». Гости страны, как правило, высоко оценивают гостеприимство японцев, многочисленные традиционные и новационные достопримечательности, а также шопинг в крупных японских магазинах – весьма популярное для многих иностранных туристов развлечение.

По данным Японской национальной туристической организации (англ. Japan National Tourism Organization, JNTO), в 2019 г. количество иностранных гостей достигло почти 32 млн чел., однако темпы прироста заметно уменьшились – с 47,1 % в 2015 г. до 2,2 % в 2019 г. (табл. 1). На это есть свои причины.

Туристы из Китая продолжают оставаться лидерами в 2019 г. – они составляют 30 % всех иностранных туристов в Японии. Именно поэтому негативное влияние коронавирусной инфекции COVID-19, поразившей Китай, сильнее всего отразится на японском туристическом секторе, хотя многое зависит и от того, насколько заболевание будет широко распространяться за пределами КНР и влиять на мировую индустрию туризма.

Так, 10 февраля 2020 г. Министр национальных земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии Акаба Кадзуёси заявил, что вспышка коронавируса сильно ударит по туристической индустрии страны, поэтому правительство рассматривает чрезвычайные меры поддержки этой отрасли. Он отметил, что регулярные пассажирские рейсы, соединяющие Японию и материковый Китай, уже сократились на 60 % – до 680 рейсов в оба конца, а по меньшей мере в 13-ти региональных японских аэропортах полностью приостановлены. В префектурах Ибараки, Нагасаки, Кагосима и др. закрыты прямые рейсы, связывающие их с Шанхаем и другими китайскими городами [Tourism minister...; 13 regional airports in Japan...]. Также были отменены туры для 13-ти из 14-ти круизных лайнеров с иностранным флагом, которые должны были в феврале заходить в японские порты.

Можно отметить и социальные последствия, вызванные страхами японцев перед болезнью, которые усугубляются общим негативным отношением японцев к Китаю [Казаков]. Например, из-за опасности распространения коронавирусной инфекции COVID-19 некоторые магазины в Японии разместили объявления, запрещающие вход туристам из Китая, хотя эти локальные дискриминационные меры не носят массового антикитайского характера (рис. 2).

Таблица 1. Количество иностранных туристов в Японии (2015–2019 гг.), чел.; в скобках указан прирост/падение по сравнению с предыдущим годом, %

Страна*	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	4 993 689 (107,3 %)	6 372 948 (27,6 %)	7 355 818 (15,4 %)	8 380 034 (13,9 %)	9 594 300 (14,5 %)
Республика Корея	4 002 095 (45,3 %)	5 090 302 (27,2 %)	7 140 165 (40,3 %)	7 538 952 (5,6 %)	5 584 600 (-25,9 %)
Тайвань	3 677 075 (29,9 %)	4 167 504 (13,3 %)	4 564 053 (9,5 %)	4 757 258 (4,2 %)	4 890 600 (2,8 %)
Гонконг	1 524 292 (64,6 %)	1 839 189 (20,7 %)	2 231 568 (21,3 %)	2 207 804 (-1,1 %)	2 290 700 (3,8 %)
США	1 033 258 (17,8 %)	1 242 702 (20,3 %)	1 374 964 (10,6 %)	1 526 407 (11,0 %)	1 723 900 (12,9 %)
Таиланд	796 731 (21,2 %)	901 525 (13,2 %)	987 211 (9,5 %)	1 132 160 (14,7 %)	1 319 000 (16,5 %)
Всего**:	19 737 409 (47,1 %)	24 039 053 (21,8 %)	28 691 073 (19,3 %)	31 191 856 (8,7 %)	31 882 100 (2,2 %)

* В табл. указаны страны, для которых количество туристов, посетивших Японию в 2019 г., превышает 1 млн чел. (расположены по убыванию).

** С учётом туристов всех стран.

Источник: [2019-нэн...].

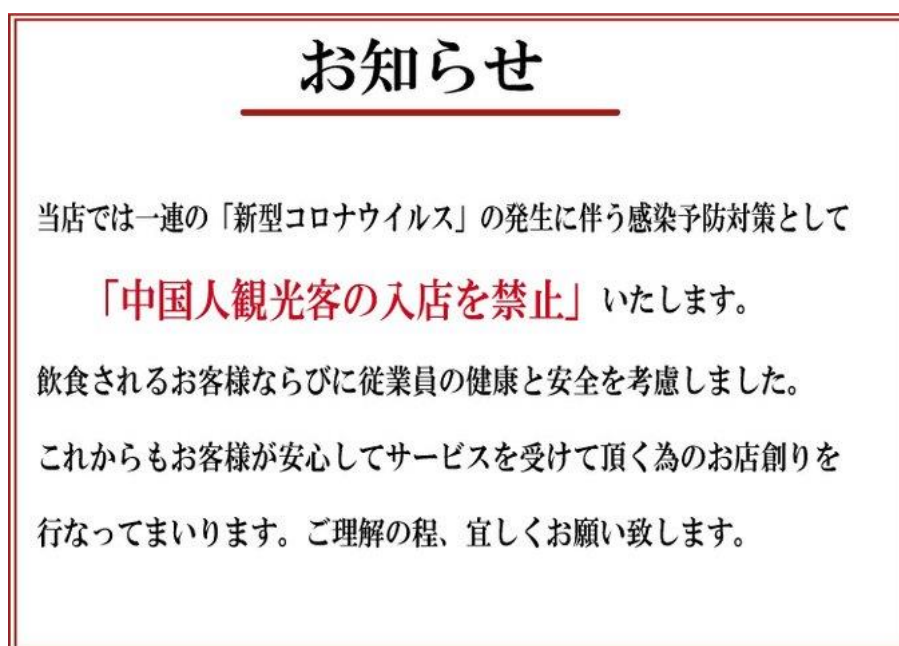

Рис. 2. Объявление «Вход в магазин туристам из Китая запрещён» (выделено красным)

Источник: аккаунт <https://twitter.com/menyahareruya> (г. Саппоро), сообщение от 29.01.2020.

2019 г. зафиксировал настоящий обвал туризма в Японию из Республики Корея – на 25 %. Причины – сугубо политические [Minegishi Hiroshi]. В частности, в июле 2019 г. Токио ужесточил экспортный контроль в отношении Сеула, что привело к обострению межгосударственных отношений. Авиакомпании переносили или сокращали число рейсов

между странами. Всё это ударило по туристическим отраслям двух стран. Тем не менее туристические службы Республики Корея сообщили, что в 2019 г. страну посетило около 3 млн 270 тыс. японцев, чему поспособствовал сильный курс иены. По сравнению с 2018 г. рост составил 11 %. При этом число туристов во втором полугодии оказалось ниже, чем в первом [Число японских туристов в Южной Корее...].

С 2018 г. количество туристов из Таиланда превысило миллионный рубеж. Однако в целом остаётся открытым вопрос, сколько ещё Япония готова принять туристов дополнительно к 30 млн, особенно после проведения Олимпиады–2020.

В то же время число иностранцев, живущих и работающих в Японии, также достигло новой рекордной величины, превысив в 2019 г. 1 млн 650 тыс. человек. Это, в частности, объясняется тем, что увеличивается число приезжающих в страну иностранцев – технических стажёров. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии на основе сведений, получаемых от работодателей, представило следующие статистические данные по работающим в Японии иностранным гражданам на конец октября 2019 г. (табл. 2):

Таблица 2. Работающие в Японии иностранные граждане

Страна-донор	Количество иностранцев	Доля, %	Прирост*, %
Китай	418 327	25,2	7,5
Республика Корея	69 191	4,2	10,7
Филиппины	179 685	10,8	9,6
Вьетнам	401 326	24,2	26,7
Непал	91 770	5,5	12,5
Индонезия	51 337	3,1	23,4
Бразилия	135 455	8,2	6,3
Перу	29 554	1,8	3,0
Группа стран G7/8+	81 003	4,9	4,5
Другие страны	201 156	12,1	17,5
Всего:	1 658 804	100	13,6

* По сравнению с годом ранее.

Источник: [Гайкокудзинкоё:дзюкё:].

Таким образом, число работающих в Японии иностранцев по состоянию на конец октября 2019 г. составило 1 658 804 человека, что примерно на 190 тыс. или 13 % больше, чем годом ранее, в основном из стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В тройку лидеров стран-доноров иностранной рабочей силы входят: Китай (25,2 %), Вьетнам (24,2 %) и Филиппины (10,8 %), которые вместе составляют 60 % всех иностранных работников Японии. В то же время наибольший прирост иностранных работников наблюдается со стороны Вьетнама (26,7 %), Индонезии (23,4 %) и Республики Корея (10,7 %).

Улучшение условий для пребывания в Японии иностранцев по рабочей визе – мера вынужденная. Это одно из направлений работы правительства по решению проблемы дефицита рабочих рук из-за сложившейся демографической ситуации. С 1 апреля 2019 г. в Японии заработала новая визовая система с целью привлечения из-за рубежа большего числа рабочих для решения проблемы кадрового дефицита, что ознаменовало серьёзный политический сдвиг от традиционно строгих иммиграционных правил страны. Вероятно,

количество иностранных работников в Японии в ближайшие годы будет только расти. Об этом, в частности, свидетельствует устойчивая динамика последних лет (в скобках – годовой прирост):

Год:	2015	2016	2017	2018	2019
Количество трудоустроенных мигрантов	907 896 (15,3 %)	1 083 769 (19,4 %)	1 278 670 (18,0 %)	1 460 463 (14,2 %)	1 658 804 (13,6 %)

Источник: [Гайкокудзинкоё:дзюкё:].

Как представляется, прирост в 15–20 % в год способен создать в стране заметную напряжённость между японцами и иностранными работниками, особенно во время обострения внешнеполитических конфликтов, приводящих к повышению градуса национализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом, как показывает опыт других стран, японской стороне придётся уделять всё большее внимание вопросам внутренней безопасности и адаптации законодательства к новым трендам. В частности, Япония уже столкнулась, например, с проблемой «исчезающих иностранных рабочих», которые сначала устраиваются на какую-либо работу, а потом «исчезают» из поля зрения работодателей [As foreign workers disappear...].

Российско-японские отношения и взаимный туризм

Начиная с мая 2016 г., когда премьер-министр Японии Абэ Синдзо предложил российской стороне план сотрудничества из 8 пунктов, в российско-японских отношениях наступил новый период активных контактов на высшем уровне, призванных стимулировать взаимодействие между странами по широкому спектру направлений: в области медицины и здоровья, градостроительстве и экологии, малого и среднего бизнеса, энергетики, передовых технологий, гуманитарных обменов. В частности, согласно этому плану, с 1 сентября 2019 г. японской стороной были введены очередные меры по смягчению визового режима.

В то же время на фоне активного диалога между лидерами стран – президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии С. Абэ, показатели, характеризующие двусторонние отношения, нельзя признать удовлетворительными. Например, торгово-экономические отношения между Россией и Японией так и не подошли близко к уровню 2013 г., когда был зафиксирован рекордный в двусторонних отношениях товарооборот в 33 млрд долл.:

Год:	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Товарооборот, млрд долл.	33,2	30,8	21,3	15,8	18,2	21,3	20,3

Источник: [Товарооборот России и Японии].

Другим количественным показателем качества взаимодействия России и Японии может служить взаимный туризм, численно выражаемый как общее количество россиян, посетивших Японию, и японцев, побывавших в России. Как представляется, взаимный туризм как фактор «мягкой силы» способствует развитию народной дипломатии и стимулирует торгово-экономические отношения, в чём в той или иной степени

заинтересованы обе страны. Хотя ситуация характеризуется позитивной динамикой двустороннего туризма, по абсолютным показателям она ещё далека от удовлетворительной.

22 января 2019 г. по окончании переговоров между президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии С. Абэ последний заявил, что обе стороны поставили перед собой цель придать взаимному туризму ещё бóльший размах и к 2023 г. удвоить количество визитов: по 200 тыс. человек в каждую сторону, итого – 400 тыс. в обе стороны (рис. 3) [Заявления для прессы...].

Рис. 3. Заявления для прессы по результатам переговоров В.В. Путина и Абэ Синдзо, Москва, Кремль, 22.01.2019
Источник: www.kremlin.ru.

В целях решения этой задачи, например, Российский союз туриндустрии и Японская национальная туристическая организация (JNTO) подписали 14 мая 2019 г. в Токио соглашение о сотрудничестве, которое предполагает организацию в течение ближайших двух лет ряда совместных мероприятий с целью развития туризма и увеличения турпотока между странами. На церемонии подписания документа президент JNTO Сатоси Сэйно отметил: «Благодаря этому соглашению мы сможем ещё лучше освоить российский рынок, и это в свою очередь приведёт к развитию туристических обменов между нашими странами, а также дружбы и сотрудничества. Мы будем прилагать все усилия, чтобы достичь поставленной цели увеличить туристический поток из РФ до 200 тыс. человек к 2023 г.»⁵ [Туристические организации Японии и России...].

По данным Японской национальной туристической организации, в 2019 г. количество гостей из России составило 120 тыс. чел., т. е. прирост выразился в 26,5 % (табл. 3). На фоне

⁵ Характерно, что в более раннем соглашении от 21 сентября 2017 г. между Ростуризмом и Японским агентством по туризму (Japan Tourism Agency), предполагалось достижение в 2018 г. уровня российско-японского туробмена до 220 тыс. туристов, а в 2019 г. – уровня 250 тыс. человек, перемещающихся между обеими странами. Строго говоря, эти показатели достигнуты не были.

заметного уменьшения туристов из Республики Корея немного выросла доля россиян в общем туристическом потоке – с 0,30 % в 2018 г. до 0,38 % в 2019 г.

Таблица 3. Количество российских туристов в Японии (2015–2019 гг.), чел.; в скобках указан прирост/падение по сравнению с предыдущим годом, %

Страна	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	54 365 (–15,2 %)	54 838 (0,87 %)	77 251 (40,9 %)	94 810 (22,7 %)	120 000 (26,5 %)
Доля России	0,28 %	0,23 %	0,27 %	0,30 %	0,38 %
Всего:	19 737 409 (47,1 %)	24 039 053 (21,8 %)	28 691 073 (19,3 %)	31 191 856 (8,7 %)	31 882 100 (2,2 %)

Источник: [2019-нэн...].

И хотя динамика показателей выглядит позитивно, но, например, в 2019 г. в Японии зафиксировано 130 200 гостей из Испании, население которой составляет 46,66 млн человек, тогда как число россиян – около 144,5 млн.

1170 пользователей, опрошенных экспертами турсервиса OneTwoTrip, назвали страны, которые бы хотели посетить в 2020 г. Наибольший интерес вызывает Грузия (7,6 %), на втором месте – Россия (5,8 %), на третьем – Япония (4,7 %) [Эксперты назвали страны...]. Япония продолжает привлекать российских путешественников, однако в финансовом плане, вероятно, остаётся недостижимой мечтой для многих из них. Усугубляет ситуацию и то, что на Дальнем Востоке России, наиболее близком к Японии, т. е. с минимальным «транспортным плечом», население убывает, а уровень жизни падает, тогда как перелёт Москва – Токио включает в себя заметные для значительной части российских граждан расходы на транспорт.

Количество японских туристов, посетивших Россию, выросло на 7 % – с 105 тыс. в 2018 г. до 112 тыс. в 2019 г. Однако их доля составляет 0,46 % от общего потока иностранных туристов в Россию (табл. 4). Это несколько больше, чем доля россиян во въездном туристическом потоке в Японию – 0,38 %, но оба этих показателя не соответствуют уровню взаимодействия, заданному лидерами стран в последние три года.

В табл. 5 оценивается динамика приближения уровня российско-японского взаимного туризма к целевому показателю 400 тыс. человек в 2023 г.

Очевидно, Россия и Япония при благоприятной ситуации в мире и позитивном развитии двусторонних отношений способны выйти на уровень в 400 тыс. взаимных визитов, однако ряд факторов могут как способствовать, так и помешать достижению этого результата. Например, очередное падение рубля и кризис международной экономики, спровоцированный в том числе плохо прогнозируемой ситуацией с дальнейшим распространением заболевания COVID-19, несомненно, приведут к сокращению взаимного туризма.

Таблица 4. Количество иностранных туристов в России (2015–2019 гг.) по избранным странам (Восточная Азия и США), тыс. чел.⁶

Год	Страна					По всем странам
	Китай	США	Республика Корея	Япония	Вьетнам	
2019	1 883	290	431	112	59	24 419
2018	1 690	326	361	105	54	24 551
2017	1 478	282	254	102	43	24 390
2016	1 289	239	161	85	36	24 571
2015	1 122	233	136	нет данных	нет данных	26 852

Источник: [Число въездных туристских поездок].

Таблица 5. Российско-японский взаимный туризм (2015–2019 гг.), тыс. чел.; в скобках указан прирост по сравнению с предыдущим годом, %

	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Российские туристы в Японии	54	55	77	95	120
Японские туристы в России	–	85	102	105	112
Всего:	–	140	179 (28 %)	200 (12 %)	222 (11 %)

Источник: рассчитано по табл. 3 и 4.

В то же время Россия и Япония стремятся достичь в 2023 г. желаемой цифры в 400 тыс. взаимных туристов. В частности, авиакомпания «Аэрофлот» с 29 марта 2020 г. переводит рейсы Москва – Токио из аэропорта Нарита в аэропорт Ханэда (терминал 3). Эта воздушная гавань расположена всего в 15 км от центра японской столицы, т. е. время в пути до нее на поезде сократится почти в четыре раза, а на такси – более чем в два раза. С 29 марта в Ханэда также будут приземляться лайнеры японской авиакомпании Japan Airlines (JAL), вылетающие из аэропорта Шереметьево, а рейсы той же компании из Домодедова будут совершать посадки в Нарита. Авиакомпания ANA откроет новые прямые рейсы Москва – Токио и Владивосток – Токио. Оценивается возможность установления прямых рейсов между Санкт-Петербургом и Токио.

В этой связи заслуживает внимательного рассмотрения и предложение японской стороны создать в Токио и Саппоро «единый туристический информационный центр России». Он сможет информировать японцев об облегченном алгоритме получения электронной визы в Россию, а также о близости расположения регионов Дальнего Востока и их уникальности [Сахалинская область в 2020 году примет...].

Очевидно, что успешно проведенный двумя странами перекрестный год России и Японии внёс вклад в развитие взаимного туризма в 2018–2019 гг. В 2020–2021 гг. проводится

⁶ В отличие от японской стороны, которая даёт в открытом доступе точные данные по въезду иностранцев в Японию по каждому дню, Росстат предоставляет данные по числу въездных туристских поездок в тысячах за квартал и с задержкой более 2 месяцев.

Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов, который также может стать успешным гуманитарным проектом, способствующим позитивному настрою во всех сферах российско-японского сотрудничества, включая развитие взаимного туризма. Особенно, если соответствующие вопросы будут решаться не только на федеральном, но и региональном уровне.

Выводы

1. Как представляется, в ситуации форс-мажора и в условиях объявленной ВОЗ пандемии 2020 г. в Японии будет сложным и потребует от руководства страны много усилий по решению возникающих проблем. Прежде всего, это касается минимизации вреда от заболевания COVID-19, которое уже принесло Японии немало бед и финансовых убытков⁷.

Если в первой половине марта 2020 г. в Японии происходила лишь оценка ущерба от возможной отмены или переноса Олимпиады–2020⁸, а эксперты всех уровней активно обсуждали экономическую целесообразность такого решения [Etienne Balmer], то в конце марта, когда было заявлено о переносе Олимпиады–2020 на год, стало ясно, что японская сторона изначально недооценила опасность заболевания COVID-19 и её последствий. Но по состоянию на конец первого квартала 2020 г. неизвестно, какой вред COVID-19 принесёт экономике Японии в итоге.

2. Существенное уменьшение прироста иностранных туристов из Республики Корея в 2019 г. и начавшееся в начале года резкое сокращение числа китайских туристов ставит под вопрос достижение Японией поставленной цели принять в 2020 г. 40 млн иностранных туристов. Похоже, что вопрос уже стоит о том, будет ли в 2019 г. преодолен барьер в 30 млн туристов. При этом важной политической задачей для Японии остаётся урегулирование конфликта с Республикой Корея с целью нормализации ситуации и восстановления приемлемого уровня доверия между странами, влияющего на развитие взаимного туризма.

3. Постановка задачи достижения 400 тыс. поездок к 2023 г. во взаимном туризме между Россией и Японией вполне правомочна и призвана стимулировать чиновников и деловые круги принимать соответствующие усилия. Однако движение по решению этой задачи должно идти с двух сторон.

В этой связи японская сторона уже делает шаги по увеличению притока российских граждан в Японию, от упрощения визовых процедур до расширения транспортных коридоров между регионами России и Японии. Так, в отличие от российской визы для японцев⁹, ее японский аналог для наших сограждан бесплатный и может выдаваться на три года. Вероятно, с этим связано, что динамика прироста российских туристов в Японию выше, чем японских в РФ. Небольшое число российских путешественников в стране восходящего солнца объясняется низким уровнем жизни значительной части россиян, которые не могут себе позволить туры в столь дорогую страну.

⁷ Власти Японии уже выделяют 500 млрд иен (около 4,7 млрд долл.) для помощи местным компаниям, страдающим из-за отсутствия туристов из Китая. Поскольку в первом квартале 2020 г. число пассажирских авиарейсов между Японией и материковым Китаем сократилось почти на 80 %.

⁸ Так, по оценкам японской финансовой компании Nikko Securities, отмена летней Олимпиады–2020 в Токио будет стоить японской экономике около 7,8 трлн иен (порядка 74,2 млрд долл.) и сократит рост ВВП страны на 1,4 % в годовом исчислении (в 2019 г. ВВП Японии составил примерно 5,15 трлн долл.).

⁹ Величина сборов российской стороны за совершение консульских действий – выдачу виз иностранным гражданам и лицам без гражданства – в зависимости от условий находится в диапазоне от 9 600 до 30 720 иен.

Российская сторона старается привлечь японских туристов, но, как представляется, для этого нужно конструктивное взаимодействие с японскими экспертами, которые хорошо знают методы взаимодействия со своими согражданами и могут поделиться опытом с российскими коллегами. Так, системной проблемой в России является плохая инфраструктура, особенно на Дальнем Востоке РФ, тогда как японский турист, в своей массе, привык к комфорту, высокому уровню безопасности (если это не экстремальный туризм) и чёткому пониманию того, за что он платит деньги.

4. Для активизации российско-японских отношений также необходимо двигаться в сторону реализации Плана сотрудничества из 8 пунктов, предложенных С. Абэ в 2016 г., поскольку он отражает взаимные интересы двух стран. Выполнение данного плана будет способствовать взаимному интересу не только на уровне государственных структур и в рамках «народной дипломатии», а также на уровне бизнеса. Подобный интерес будет способствовать росту взаимного туризма.

5. Взаимоприемлемое решение проблемы заключения мирного договора также призвано упрочить доверие между народами России и Японии и будет способствовать активизации сотрудничества на всех уровнях. К сожалению, в настоящее время выход на какой-либо компромисс по территориальному спору, судя по всему, на переговорах лидеров стран не просматривается. Тем не менее, как представляется, в вопросе повышения доверия в качестве решения тактической задачи акцент можно сделать на совместном экономическом освоении Курильских островов, где сходятся политические и экономические интересы России и Японии. Эта совместная работа, в конечном итоге, может снизить уровень конфликтности по территориальному спору.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

2019-нэн хо:нити гайкякусу: (со:су:) : [Количество иностранных гостей, посетивших Японию в 2019 г. (общее количество)] // Японская национальная туристическая организация. URL: <http://www.jnto.go.jp/> (дата обращения: 03.02.2020).

Гайкокудзинкоё: дзокё: : [Ситуация с иностранными работниками]. URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/11655000/000590311.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

Заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 22.01.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59714> (дата обращения: 03.02.2020).

Казаков О.И. Об отношении японцев к другим странам и россиян к Японии в 2018 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 24–36. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10003

Сахалинская область в 2020 году примет 15 чартерных рейсов с японскими туристами // Интерфакс. 28.10.2019 10:50. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/63597/> (дата обращения: 20.02.2020).

Товарооборот России и Японии. Статистика внешней торговли. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2013/RU/trade/JP> (дата обращения: 12.02.2020).

Туристические организации Японии и России подписали соглашение о сотрудничестве // ТАСС. 14.05.2019 09:16. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6426159> (дата обращения: 03.02.2020).

Число въездных туристских поездок // Росстат. URL: <https://gks.ru/folder/23457> (дата обращения: 13.03.2020).

Число японских туристов в Южной Корее выросло по итогам прошлого года // NHK World. 23.01.2020.

Эксперты назвали страны, которые хотели бы посетить российские туристы // РИА Новости. 22.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200122/1563686813.html> (дата обращения: 12.02.2020).

13 regional airports in Japan to lose flights to mainland China // Japan Today. 11 Feb. 2020 04:02 pm JST.

Abe brushes aside worries of virus impact on Tokyo Olympics // Japan Today. 4 Feb. 2020 12:30pm JST.

Abe: Coronavirus test kits being developed // NHK World. Feb. 3, 2020.

As foreign workers disappear, Japan puts in measures to improve working conditions // NHK World. Jan. 15, 2020.

China virus outbreak hits global tourism, costing billions // Japan Today. 28 Jan. 2020 05:40am JST.

Economic impact estimates due to COVID-19 travel bans // International Civil Aviation Organization. 13 Feb. 2020. URL: <https://www.icao.int/Newsroom/Pages/Economic-impact-estimates-due-to-COVID-19-travel-bans.aspx> (дата обращения: 20.02.2020).

Eddie Pells, Stephen Wade and Mari Yamaguchi. Tokyo Olympics in 2021 will be beacon of hope, says IOC // Japan Today. Mar. 25, 2020 06:40 am JST.

Etienne Balmer. What would an Olympics cancelation cost Japan? *Japan Today*, Mar. 15, 2020.

Fourth airlift from Wuhan later this week // NHK World. Feb. 2, 2020.

Global economy faces gravest threat since the crisis as coronavirus spreads // Organisation for Economic Co-operation and Development. 02.03.2020. URL: <http://www.oecd.org/newsroom/global-economy-faces-gravest-threat-since-the-crisis-as-coronavirus-spreads.htm> (дата обращения: 03.03.2020).

Ishikawa Chiaki. Preparations enter final stretch for Tokyo Olympics // NHK World. Jan. 1, 2020.

Minegishi Hiroshi. Moment of truth looms for Japan-South Korea relations // Nikkei Asian Review. February 05, 2020 18:51 JST.

Tokyo Olympic coronavirus task force set up // NHK World. Feb. 6, 2020.

Tourism minister: Outbreak may have tough impact // NHK World. Feb. 10, 2020.

Yoshida Reiji. Virus poses stark challenges to Abe's tourism goals as Tokyo Olympics loom // The Japan Times. Jan 31, 2020.

REFERENCES

13 regional airports in Japan to lose flights to mainland China, *Japan Today*, 11 Feb. 2020 04:02 pm JST.

2019-nen hōnichi-gai kyakusū (sōsū) [Number of foreign visitors to Japan in 2019 (total)], *Japan National Tourism Organization*. URL: <http://www.jnto.go.jp/> (accessed: 3 February 2020). (In Japanese).

Abe brushes aside worries of virus impact on Tokyo Olympics, *Japan Today*, 4 Feb. 2020 12:30pm JST.

Abe: Coronavirus test kits being developed, *NHK World*, Feb. 3, 2020.

As foreign workers disappear, Japan puts in measures to improve working conditions, *NHK World*, Jan. 15, 2020.

China virus outbreak hits global tourism, costing billions, *Japan Today*, 28 Jan. 2020 05:40am JST.

Chislo v"yezdnykh turistskikh poyezdok [The number of inbound tourist trips], *Rosstat*. URL: <https://gks.ru/folder/23457> (accessed: 13 March 2020). (In Russian).

Chislo yaponskikh turistov v Yuzhnoy Koreye vyroslo po itogam proshlogo goda [Japanese visitors to S. Korea up sharply in 2019], *NHK World*, 23 January 2020. (In Russian).

Economic impact estimates due to COVID-19 travel bans, *International Civil Aviation Organization*, 13 Feb. 2020. URL: <https://www.icao.int/Newsroom/Pages/Economic-impact-estimates-due-to-COVID-19-travel-bans.aspx> (accessed: 20 February 2020).

Eddie Pells, Stephen Wade and Mari Yamaguchi. Tokyo Olympics in 2021 will be beacon of hope, says IOC, *Japan Today*, Mar. 25, 2020 06:40 am JST.

Eksperty nazvali strany, kotoryye khoteli by posetit' rossiyskiye turisty [The experts named the countries which Russian tourists would like to visit], *RIA Novosti*, 22 January 2020. URL: <https://ria.ru/20200122/1563686813.html> (accessed: 12 February 2020). (In Russian).

Etienne Balmer. What would an Olympics cancelation cost Japan? *Japan Today*, Mar. 15, 2020.

Fourth airlift from Wuhan later this week, *NHK World*, Feb. 2, 2020.

Gaikokuhitokoyō jōkyō [The situation with a foreign employment]. URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/11655000/000590311.pdf> (accessed: 20 February 2020). (In Japanese).

Global economy faces gravest threat since the crisis as coronavirus spreads, *Organisation for Economic Co-operation and Development*, 2 March 2020. URL: <http://www.oecd.org/newsroom/global-economy-faces-gravest-threat-since-the-crisis-as-coronavirus-spreads.htm> (accessed: 3 March 2020).

Ishikawa Chiaki. (2020). Preparations enter final stretch for Tokyo Olympics, *NHK World*, Jan. 1, 2020.

Kazakov O.I. (2019). Ob otnoshenii yaponsev k drugim stranam i rossiyan k Yaponii v 2018 godu [The attitude of the Japanese to other countries and the Russians to Japan in 2018], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2019, 1: 24–36. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10003

Minegishi Hiroshi. (2020). Moment of truth looms for Japan-South Korea relations, *Nikkei Asian Review*, February 05, 2020 18:51 JST.

Sakhalinskaya oblast' v 2020 godu primet 15 charternykh reysov s yaponskimi turistami [Sakhalin will accept 15 charter flights with Japanese tourists in 2020], *Interfax*, 28 October 2019 10:50. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/63597/> (accessed: 20 February 2020). (In Russian).

Tokyo Olympic coronavirus task force set up, *NHK World*, Feb. 6, 2020.

Tourism minister: Outbreak may have tough impact, *NHK World*, Feb. 10, 2020.

Tovarooborot Rossii i Yaponii. Statistika vneshney trgovli [Commodity circulation of Russia and Japan. Foreign trade statistics]. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2013/RU/trade/JP> (accessed: 3 February 2020). (In Russian).

Turisticheskiye organizatsii Yaponii i Rossii podpisali soglasheniye o sotrudnichestve [Tourism organizations of Japan and Russia signed a cooperation agreement], TASS, 14 May 2019 09:16. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6426159> (accessed: 3 February 2020). (In Russian).

Yoshida Reiji. (2020). Virus poses stark challenges to Abe's tourism goals as Tokyo Olympics loom, *The Japan Times*, Jan 31, 2020.

Zayavleniya dlya pressy po itogam peregovorov s Prem'yer-ministrom Yaponii Sindzo Abe [Press statements following talks with the Japanese Prime Minister Shinzo Abe], *President of Russia*, 22 January 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59714> (accessed: 3 February 2020). (In Russian).

Поступила в редакцию 16.03.2020

Received 16 March 2020

Для цитирования: Казаков О.И. Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 81–96. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10007

For citation: Kazakov O.I. (2020). Inostrannyi turizm Yaponii nakanune Olimpiyskikh igr 2020 goda [Japan's inbound tourism on the eve of the 2020 Olympic Games], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 1: 81–96. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10007

*Новые книги**New books*

Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография

Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / А.В. Шлындов; ред.-сост. Н.В. Анисимцев. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с. ISBN 978-5-8381-0364-2

Аннотация. Монография содержит ряд очерков, являющихся по своей сути систематизированным анализом современного состояния и тенденций преобразования вооруженных сил Китайской Народной Республики. Автор книги, известный ученый-востоковед А.В. Шлындов, всесторонне осветил тему, подробно описав сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морские силы, ядерное оружие и ракетные войска

КНР. В монографии представлена современная историография политических оценок развития вооруженных сил КНР, том числе даны оценки и мнения российских учёных и экспертов.

Исследование, основанное на обширном фактическом материале, адресовано военным специалистам, востоковедам, историкам и политологам. Может быть использовано как учебное пособие.

Ключевые слова: вооружённые силы КНР, сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морские силы, ядерное оружие и ракетные войска, российские взгляды и оценки.

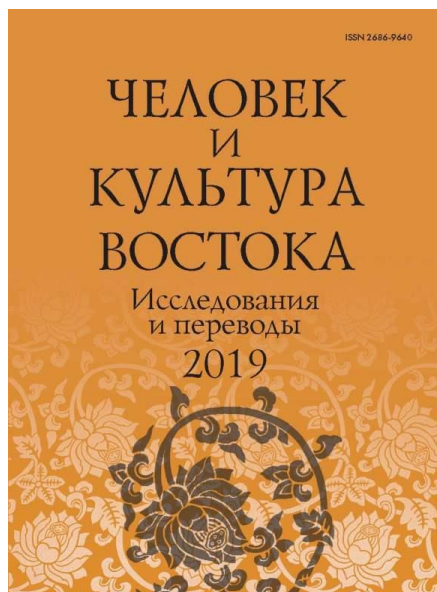
Armed Forces of People`s Republic of China. Brief review

Armed Forces of People`s Republic of China. Brief review / A.V. Shlyndov. M.: Institute of Far Eastern Studies of The Russian Academy of Sciences. 2019. 184 p. ISBN 978-5-8381-0364-2

Abstract. The monograph includes some essays, which are essentially a systematic analysis of the current state and trends of the Armed forces of the People's Republic of China. The author, who is a recognized scientist-orientalist A.V. Shlyndov, comprehensively covered the main aspects of the topic, describing in detail the land forces, the air forces, the naval forces, the nuclear weapons and the missile forces. Also there are a modern historiography of political qualifications and Russian views and assessments in the book. The monograph, based on extensive factual material is addressed to military specialists, orientalists, political scientists and historians. It can be used as a textbook as well.

Keywords: Armed Forces of PRC, land forces, air forces, naval forces, nuclear weapons and missile forces, Russian views and assessments.

* * *

Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2019 Сборник статей

Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2019 / отв. ред.-сост. В.Б. Виноградская. М.: ИДВ РАН, 2019. 200 с. ISBN 978-5-8381-0362-8

Аннотация. Книга посвящена различным аспектам культуры Китая, которые относятся как к глубокой древности, так и к «горячим» темам нашего времени в рамках философии, истории культуры, лингвистики, а также на стыке различных гуманитарных дисциплин. В специальном разделе представлены переводы с научными комментариями и

аналитические обзоры. Сборник представляет интерес для специалистов, а также широкого круга читателей, интересующихся культурой стран Востока.

Ключевые слова: конфуцианство, даосизм, манихейство, наказания, экспедиция, перевод, проза, поэзия, цы, диалекты, классический текст, дуньхуанские рукописи, интернет, медиа, ток шоу, Яо дянь, Кун-цзы цзя юй, Сяо цзин, Конфуций, Лев Толстой, Шао Чжэнмао, Пу Сунлин, Маннергейм, Чэнь Даньцин, Доу Вэньтао, Гао Сяосун, Ло Чжэньюй, Лян Вэньдао.

Peoples and Cultures of the Orient. Researches and Translations. 2019

Peoples and Cultures of the Orient. Researches and Translations. 2019 / Ed. in Chief V.B. Vinogradskaya. Moscow: IFES RAS, 2019. 200 p. ISBN 978-5-8381-0362-8

Abstract. The book covers different aspects of the Chinese culture from antiquity to modernity in the fields of philosophy, cultural history, linguistics, and interdisciplinary studies in humanities. The commented translations and comprehensive reviews are represented in a special section of the paper. The project aims at Asian studies' specialists, students and a non-academic audience, interested in the modern and traditional East Asian cultures.

Keywords: Confucianism, Daoism, Manichaeism, punishment, expedition, translation, prose, poetry, ci, dialects, classical text, Dunhuang manuscripts, Internet, media, talk show, Yao Dian, Kong-zi jia yu, Xiao jing, Confucius, Leo Tolstoy, Shao Zhengmao, Pu Songling, Mannerheim, Chen Danqing, Dou Wentao, Gao Xiaosong, Luo Zhenyu, Liang Wendao.

* * *

Актуальные проблемы вьетнамоведения 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года

Актуальные проблемы вьетнамоведения 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года. М.: ИДВ РАН, 2019. 192 с. ISBN 978-5-8381-0365-9

Аннотация. Сборник состоит из 12 статей российских и вьетнамских учёных – участников круглого стола на тему «Вьетнамо-китайские отношения: трудный поиск согласия», который был проведён Центром изучения Вьетнама и АСЕАН 20 февраля 2019 г. в связи с 40-летием пограничной войны 1979 г. между Китаем и Вьетнамом. Книга разделена на две части: в первую включены статьи, в которых рассматриваются причины, ход и последствия конфликта, роль в нём Советского Союза, уроки войны. Во второй затрагиваются актуальные проблемы отношений между двумя соседними странами в период от нормализации отношений в 1991 г. до наших дней.

Сборник ориентирован как на учёных, преподавателей и студентов, изучающих Вьетнам и Китай, на экспертов-практиков в области отношений с этими странами, а также на широкий круг читателей.

Ключевые слова: Парижские соглашения 1975 г., Камбоджа, «красные кхмеры», Пол Пот, «пограничная война», Дэн Сяопин, министр обороны Ван Тиен Зунг, генерал армии Г.И. Обатуров, конференция в Чэнду, сотрудничество и противоборство, меры доверия, Меконг, Южно-китайское море.

Essential problems of Vietnam studies 2019: Relations between Vietnam and China after the border war in 1979

Essential problems of Vietnam studies – 2019: Relations between Vietnam and China after the border war in 1979. Moscow, RAS IFES, 2019. 192 p. ISBN 978-5-8381-0365-9

Abstract. This collection consists of 12 articles by Russian and Vietnamese scientists who participated in the Round table discussion on the subject “Vietnam – China relations: the difficult search for agreement”, held at the Center for Vietnam and ASEAN studies, Institute for Far Eastern studies of the Russian Academy of Sciences, on 20th of February, 2019 and timed to the 40th anniversary of the 1979 “border war” between China and Vietnam. The volume is divided into two parts. The first examines the conflict itself, its causes and consequences, the role of the Soviet Union, the lessons of this war. In the second part, the authors touch upon the actual problems of relations between the two neighboring countries in the period from the normalization of relations in 1991 to the present day. It is aimed at scientists, teachers and students studying Vietnam and China, as well as a wide range of readers.

Keywords: Paris agreements of 1975, Cambodia, "Khmer Rouge", Pol Pot, "border war", Deng Xiaoping, Minister of defence Van Tien Dung, army General G. I. Obaturov, Conference in Chengdu, cooperation and confrontation, confidence-building measures, Mekong, South China sea.

* * *

40 лет экономических реформ в КНР

40 лет экономических реформ в КНР / сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. 320 с. ISBN 978-5-8381-0363-5

Аннотация. В сборнике статей, подготовленных на основе докладов участников конференции Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН, состоявшейся в апреле 2019 г., анализируется положение в экономике КНР по итогам 40 лет реформ в целом и по отраслям. Показаны как достижения в социально-экономической сфере, так и основные проблемы, которые страна решает, чтобы достичь целей, поставленных к 100-летию образования КПК (2021 г.) и 100-летию образования КНР (2049 г.). Многие материалы

посвящены развитию в Китае высокотехнологичных отраслей в сферах информационных технологий, машиностроения, робототехники. Показано, что быстрые темпы социально-экономического преобразования Китая в ходе реформ привели к быстрому росту жизненного уровня населения страны и заметному сокращению численности бедного населения. При этом КНР на базе развивающейся экономики постепенно наращивает свою военную мощь.

За 40 лет реформ кардинально изменилось место Китая в мире. Если до начала реформ в 1978 г. доля Китая в мировой экономике составляла около 1 %, то в настоящее время – более 20 %. За эти годы резко выросла роль КНР во внешнеэкономических связях. Страна уже занимает 1-е место по объёму внешней торговли и находится в ряду лидеров по размерам привлеченных и направляемых за рубеж инвестиций. При этом Китай стал активно участвовать в международных инфраструктурных проектах в рамках выдвинутой инициативы «Один пояс – один путь» через созданный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, в котором играет ведущую роль. Наряду с этим в материалах отмечены сохраняющиеся внутренние проблемы: сокращение численности населения в рабочем возрасте и ее рост – за пределами трудоспособности, т. е. свыше 65 лет; загрязнение окружающей среды из-за чрезмерного использования каменного угля в экономике и нехватка основных ресурсов – сырой нефти и природного газа, от импорта которых китайская экономика находится в критической зависимости.

Ключевые слова: 40 лет реформ, мировая экономика, 100-летие образования КНР, 100-летие образования КПК, инновационная экономика, информационные технологии, жизненный уровень населения, урбанизация, внутренний спрос, информатизация, борьба с бедностью, внешняя торговля, инвестиции, загрязнение окружающей среды, возобновляемые ресурсы, инфраструктурные проекты, транспорт.

40 years of Economic reforms in the PRC

40 years of Economic reforms in the PRC / Ed. P.B. Kamennov, Ed. in Chief A.V. Ostrovskii. Moscow: IFES RAS, 2020. 320 p. ISBN 978-5-8381-0363-5

Abstract. The collection of articles based on the reports made on the conference of the Center for Economic and Social Research of China at the Far Eastern Institute of the Russian Academy of Sciences, held in April 2019, analyzes the situation in the PRC economy based on the results of 40 years of reforms in general and by industry. It shows both achievements in the socio-economic sphere and the main problems that the country faces in order to achieve the goals set for the 100th anniversary of the founding of the CPC (2021) and the 100th anniversary of the founding of the PRC (2049). Many materials are devoted to the development of an innovative economy in China, such high-tech industries as information technology, engineering, and robotics. It is also shown that the rapid pace of socio-economic development of China during the reforms led to a rapid increase in the living standards of the country's population and a noticeable reduction in the number of poor people. At the same time, China, on the basis of a developing economy, is gradually increasing its military power.

Over 40 years of reforms, China's place in the world has changed dramatically. If before the start of reforms in 1978, China's share in the world economy was about 1%, then at present it is more than 20%. Over the years, the role of China in foreign economic relations has grown sharply, and China already occupies the first place in terms of foreign trade, and one of the first places in terms of the volume of investments attracted and directed abroad. At the same time, China began to actively participate in international infrastructure projects as part of the proposed “One Belt – One Way” initiative through the established bank, the Asian Infrastructure Investment Bank, in which it plays a leading role. Along with this, the materials noted persisting internal problems – a decrease in the working age population and an increase in the population beyond working age – over 65 years, environmental pollution due to overuse of coal in the economy and a shortage of basic resources – crude oil and natural gas, on the import of which the Chinese economy is critically dependent.

Keywords: 40 years of reforms, world economy, 100th anniversary of the founding of the PRC, 100th anniversary of the founding of the CPC, innovative economy, information technology, living standards, urbanization, domestic demand, informatization, poverty alleviation, foreign trade, investment, environmental pollution, renewable resources, infrastructure projects, transport.

Составитель: Пржежецкая Н.В.

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 1, 2020

Редактор:	Ильинская И.Д.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Надточенко Б.Я.
Редактор:	Потапова В.А.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Компьютерная вёрстка:	Потапова В.А.
Редактор сайта:	Казakov О.И.
<hr/>	
Дата публикации:	29.03.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН, Центр научной информации и документации
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 1, 2020

Editor:	Ilinskaya I.D.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Nadtochenko B.Ya.
Editor:	Potapova V.A.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Layout:	Potapova V.A.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.
<hr/>	
Date of issue:	29 March 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13 (Center for Scientific Information and Records, IFES RAS)

www.eastasiajournal.ru

